

А. Л. Шемякин

Смерть
графа
Вронского

Серия
«BIBLIOTHECA SERBICA»

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Редколлегия серии
«Bibliotheca Serbica»

член-корреспондент РАН В. К. Волков
(председатель)

к. и. н. *А. В. Карасев*

д. и. н. *К. В. Никифоров*

д. и. н. *А. Л. Шемякин*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения

А. Л. Шемякин

**СМЕРТЬ
ГРАФА
ВРОНСКОГО**

Издание второе, исправленное и дополненное

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2007

УДК 94(47+57)«18»
ББК 63.3(2)51
Ш46

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В. Н. Виноградов*

Рецензенты:
доктор филологических наук *С. В. Никольский*;
кандидат исторических наук *Л. В. Кузьмичева*

Шемякин А. Л.

Ш46 Смерть графа Вронского / А. Л. Шемякин. — СПб. : Алетейя, 2007. — 2-е изд., исправ. и доп. — 160 с., [14] с. ил. — (Серия «Bibliotheca Serbica»).

ISBN 978-5-903354-27-6

В работе, выполненной в жанре научно-популярного очерка, реконструируется биография Николая Николаевича Раевского (внука бородинского героя), погибшего в Сербии в бою с турками 20 августа 1876 г. Его участие в боевых действиях в ходе первой Сербо-турецкой войны и героическая гибель показаны в широком контексте русского добровольческого движения, в рамках которого 130 лет назад тысячи граждан России поспешили на помощь сербам. Кроме того, автор тщательно анализирует популярную версию о том, что именно Н. Раевский послужил Л. Н. Толстому прототипом для написания образа Вронского в романе «Анна Каренина». Сопоставив (в ракурсе новых данных) судьбы, характеры, наружность героя романа и реального участника событий, автор делает вывод об оправданности данной версии.

УДК 94(47+57)«18»
ББК 63.3(2)51

ISBN 978-5-903354-27-6

© А. Л. Шемякин, 2007
© Институт славяноведения РАН, 2007
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2007
© «Алетейя. Историческая книга», 2007

**Памяти Милутина Юговича – историка из Крушевца,
подсказавшего идею этой книги.**

*«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою
за друзей своих»*

(Евангелие от Иоанна. Глава 15, стих 13).

*«Без этих Толстых (то есть без великих писателей) можно
и великому народу долго жить, а без Вронских мы не проживем
и полувека. Без них и писателей национальных не станет,
ибо не будет и самобытной нации».*

К. Н. Леонтьев.

(«Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой».)

Предисловие ко второму изданию

Выпуская в 2002 г. нашу книгу «Смерть графа Вронского», мы уже тогда предполагали подготовить в ближайшем будущем второе ее издание (в виде дополненного авторского текста с обширным приложением источников) и на этом поставить точку в исследовании жизни и смерти Николая Николаевича Раевского 3-го — внука легендарного бородинского героя, послужившего Л. Н. Толстому прототипом для образа графа Алексея Вронского в романе «Анна Каренина». Это свое намерение мы и выполняем сейчас... Однако, надлежит признать, что освободиться от обаяния личности героя нам не удалось, несмотря на желание покончить с ним навсегда. Она захватила и больше не отпускает. Тем более, что за три с половиной года, прошедших после выхода книги, произошло слишком много событий, чтобы просто «поставить точку». История вновь, в который уже раз, победила историка. А потому следует объясниться.

Первое издание, увидевшее свет весной 2002 г., выросло из небольшой статьи о «графе Вронском» в российском историческом журнале «Родина» (написанной, что называется, для души) и было посвящено 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев¹. Задачи тогда перед автором стояли вполне конкретные — реконструировать биографию Н. Н. Раевского на общем фоне перипетий той эпохи, с параллельным экскурсом в неведомую ему ранее область литературоведения (Раевский — Вронский). Причем так, чтобы успеть к юбилею. К нему книга и была подготовлена, выйдя полгода спустя. Появился и ее сербский перевод²... А параллельно печатались другие работы, посвященные как «Вронскому», так и Раевским вообще.

В том же 2002 г. (одновременно с нашей) в Белграде была опубликована книга сербского журналиста Будимира Потоцана «Вронский. Честь и любовь»³. В следующем году (к столетию освящения «церкви Вронского» — храма Св. Троицы, воздвигнутого на месте гибели Н. Н. Раевского у села Горни Адровац) из печати вышла еще одна — «Вронский в Адровце», — принадлежащая перу Стояна Йовича⁴. Тогда же в Санкт-Петербурге была издана работа Г. С.-Шенкмана «Генерал Раевский и его семья»⁵, в которой, хотя и вскользь, рассматриваются сюжеты, связанные с его погибшим в Сербии внуком. Обширная глава о семье Раевских содержится и в книге Н. Васильевой и Т. Брагиной «Хозяева и гости дворянских имений Крыма»⁶.

Присовокупим к этому и многочисленные «юбилейные» публикации по теме в сербской периодической печати, появившиеся в последнее время. Из них особо выделим статьи профессиональных архивистов Любодрага Поповича и Лиляны Джурович, посвященные истории строительства «церкви Вронского»⁷. По случаю годовщины гибели русского добровольца прозвучала и новая радиопередача о нем.

Кроме того, значительно расширилась сама география исследований. В 2002 г. в Кировограде (Украина) был основан Благотворительный фонд имени Н. Н. Раевского. Основной его целью в данный момент является восстановление Свято-Крестовоздвиженской церкви в селе Разумовка (что находится в 40 километрах от Кировограда) – семейной усыпальницы Раевских, где обрели вечный покой славные дед и внук... Однако не только реставрацией занимаются наши коллеги из Украины. В 2004 г. Русская община Кировограда, вместе с Фондом имени Раевского и Кировоградским педуниверситетом, провела международную научную конференцию на тему: «Семья Раевских в истории и культуре России XVIII-XIX веков». По ее результатам вышел сборник докладов участников – они содержат немало информации и в интересующих нас аспектах этой широкой темы⁸.

Как видим, за три с лишним года сформировался новый и значительный пласт историографии, игнорировать который мы просто не вправе, готовя второе издание «Вронского»... Тем более, что отнюдь не все из перечисленного выше отвечает критериям *научного* исторического исследования. Так, работа Б. Поточана грешит не только фактическими, но и концептуальными огрехами, на что мы обратили внимание в развернутой рецензии, опубликованной в сербском научном журнале⁹. Однако, автор и далее продолжает тиражировать целый ряд своих прежних положений, имеющих с реальными фактами весьма мало общего¹⁰. Более того, он всерьез полагает, что именно его книга явилась «источником для четырех книг, драмы и документального фильма»¹¹. Что до «четырех книг», то мы лично позволим себе отказаться от такой «чести» (в нашей рецензии приведены имена предшественников самого Поточана – как русских, так и сербов, – по изучению обстоятельств пребывания «графа Вронского» в Сербии, публикации которых журналист не счел нужным учесть) и продолжить дискуссию с ним – там, где того требует *научная* необходимость.

И книга Шенкмана не свободна от погрешностей. Мало того, в ней мы впервые сталкиваемся с ошибочной иконографией Н. Н. Раевского. Получив в Париже копию изображения, о коем легенда гласит, будто и *это* «Вронский», автор некритично воспроизвел его, сопроводив соот-

ветствующей атрибуцией¹². А, между тем, ни ордена (знаки) изображенного на портрете человека, ни его мундир никак не соответствуют тому, что носил и чем в действительности был награжден наш герой...

Второй причиной того, почему мы не смеем делать простой «репринт», — пусть и дополненный источниками, — первого издания книги, является большое число новых данных о Раевском 3-м и его семье, обнаруженных за эти годы в архивах (Петербурга, Москвы, Белграда) и воспоминаниях современников; в недоступных ранее и новых публикациях... Особо следует сказать еще об одном «источнике информации» — живущем в Белграде князе Андрее Александровиче Гарденине (по матери Раевском). Благодаря его доброму участию и постоянной поддержке, мы обрели немало ценных сведений о «графе Вронском» и его церкви; копии почти всех публикаций о нем; эксклюзивный иллюстративный материал.

Кроме того, именно он связал нас с коллегами из Кировограда, заложив, таким образом, фундамент мощного исследовательского треугольника (Москва — Белград — Кировоград), главной целью которого является изучение как рода Раевских в целом, так и роли конкретных его представителей в истории России и Сербии, в частности. Что является важной научной задачей — ведь историю дворянского сословия России невозможно понять без проникновения в историю отдельных его семейств. Без этого слишком сложно объяснить поведенческие стереотипы людей, мотивацию их жизненного выбора в окружающем мире, особенно — «в его минуты роковые». И вообще, интерес к конкретному человеку, тайнам его биографии — это все не только проявление извечного любопытства потомков к жизни предков. Это серьезное научное подспорье, которое нередко позволяет совсем по-новому интерпретировать события и их скрытые пружины даже на макроисторическом уровне...

Мы выражаем искреннюю признательность А. А. Гарденину за активную помощь и столь внимательное отношение к нашей работе.

Мы хотим поблагодарить и коллег из Кировограда — председателя Фонда имени Н. Н. Раевского В. Г. Бухарова, председателя Русской общины А. Б. Перзекке, директора издательства «КОД» В. Ф. Лысенко. Причем не только за приглашение принять участие в конференции, о чем говорилось¹³. Но и за возможность соприкоснуться с реальными свидетельствами жизни и смерти представителей славного семейства и поклониться праху четырех его поколений, включая нашего героя. Кстати говоря, в октябре 2005 г. отмечалось 150-летие освящения Свято-Крестовоздвиженского храма в селе Разумовка — к этой дате мы и планировали завершить подготовку второго издания «Вронского», куда вошли новые важные факты, почерпнутые на Кировоградщине.

Слова признательности мы обращаем директору Государственного музея А. С. Пушкина в Москве Е. А. Богатыреву, заведующей отделом генеалогии О. В. Рыковой и ученому секретарю Е. Н. Шустовой – за консультации, помощь в поиске и разрешение использовать фотографии из фондов музея, значительно обогатившие иллюстративный ряд книги.

Мы благодарны за помощь нашим сербским коллегам – Мирославу Йовановичу, обратившему наше внимание на ряд документов, хранящихся в одном из московских архивов; Любодрагу Поповичу, предоставившему нам копии некоторых недоступных ранее материалов; Душану Милошевичу из Крушевца, отследившему все современные публикации о Раевском и его пребывании в Сербии; Душице Марич, ознакомившей нас с архивом Белградского радио в той его части, что касается русского добровольца.

Отдельной строкой мы выражаем признательность Слободану Сречковичу – без его содействия многие наши работы вообще вряд ли увидели бы свет...

*Андрей Шемякин
Москва, октябрь 2005 г.*

Примечания

¹ См.: *Шемякин А. Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002; *Шемякин А., Югович М.* Смерть графа Вронского // *Родина*. 2001. № 1-2. С. 125-130.

² *Шемякин А.* Смерть графа Вронского. Београд, 2002.

³ *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. Београд, 2002.

⁴ *Јовић С.* Вронски у Адровцу. Београд, 2003.

⁵ *Шенкман Г. С.* Генерал Раевский и его семья. СПб., 2003.

⁶ *Васильева Н., Брагина Т.* Хозяева и гости дворянских имений Крыма. М., 2002. С. 169-188.

⁷ *Поповић Љ.* Споменик сеписама Н. Рајевског // *Пешчаник*. Часопис за историографију, архивистику и хуманитарне науке. Ниш, 2003. Бр. 1. С. 157-161; *Ђуровић Љ.* Црква Св. Тројице – црква пуковника Рајевског у Горњем Адровцу // *Расински анали*. Крушевац, 2004. Бр. 2. С. 61-65.

⁸ Семья Раевских в истории и культуре России XVIII-XIX веков. Материалы I-х Елисаветградских международных историко-литературных чтений. Кировоград, 2004. Год спустя в Кировограде прошла вторая конференция, посвященная Раевским. Ее материалы опубликованы. См.: Историко-культурное наследие семьи Раевских и его международное значение. II Елисаветские Международные историко-литературные чтения. Кировоград, 2006.

⁹ *Шемјакин А.* Између мита и чинењице (О књизи Будимира Поточана «Вронски. Част и љубав») // Годишњак за друштвену историју. 2001. Св. 3. Београд, 2003. С. 305-319.

¹⁰ См., например: *Поточан Б.* Да ли је Толстој наш? // НИН. 27. фебруар 2003. С. 31; *Он же.* Љубав и част. Толстојев јунак у Поморављу // Магазин. Политика. 9. новембар 2003. С. 27; *Он же.* Вронски у Србији. 1-12. // Вечерње новости. 20-31. јануар 2006.

¹¹ *Поточан Б.* Љубав и част. Толстојев јунак у Поморављу... С. 27.

¹² См.: *Шенкман Г. С.* Генерал Раевский и его семья. С. 175.

¹³ *Шемјакин А. Л.* Раевские и Лев Толстой // Семья Раевских в истории и культуре России XVIII-XIX веков. ... С. 24-33. Кроме этого доклада (за время, прошедшее после выхода первого издания книги) автором был опубликован еще ряд работ: Русская церковь в Сербии (из истории семьи Раевских) // Славянский альманах. М., 2002. С. 401-421; То же // Толстовский сборник: XXVII Международные Толстовские чтения. Тула, 2002. С. 160-181; Граф Вронский в Сербии // Эхо планеты. № 7 (774). 14-22 февраля 2003. С. 20-25; Историја «цркве Вронског» у документима руских архива // Архив. Београд, 2004. Бр. 1. С. 89-102; Тайная миссия Н. Н. Раевского на Балканы в 1867 г. // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М, 2004. С. 239-247; История «церкви Вронского» по материалам российских архивов // Славянская душа. Русско-сербско-черногорский журнал. Воронеж, 2005. № 1 (3). С. 36-38. Храм-памятник Н. Н. Раевского-третьего в Сербии//Аргонавт. Черноморский исторический журнал. Новороссийск. 2005. № 1. С. 56-64; Генерал М. Г. Черняев и Сербская война // Русский сборник. Исследования по истории России XIX-XX вв. Т. 2. М., 2006. С. 199-217.

ВЕРСИИ

Даже те, кто не читал знаменитый роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», обязательно знают его начало и финал. Начало — текстуально: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских»^{*}. Финал — фактически: после самоубийства Анны Вронский добровольцем уезжает в Сербию на войну с турками. О дальнейшей судьбе его Толстой не упоминает, однако очевидно, что тот покидает Россию, чтобы умереть: «Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла» (т. 18, с. 361). Слова эти — о желании смерти — не просто художественный приговор автору своему герою, обусловленный логикой развития сюжета. В той или иной форме (а Толстой, варьируя, повторяет их трижды) они не могли не прозвучать, ведь за ними скрывалась вполне конкретная судьба.

***

У графа Алексея Вронского был реальный прототип, который действительно погиб в Сербии. Это случилось 20 августа 1876 г. — тогда на высоте Голо Брдо, что у селения Горни Адровац в Поморавье, получил смертельное ранение отставной офицер русской армии Николай Николаевич Раевский. Именно с него, согласно широко утвердившейся версии, писал Толстой образ возлюбленного Анны¹. Хотя были современники, полагавшие, что Вронский — это совершенно иной человек. Так, известный дипломат Н. В. Чарыков писал в мемуарах, не называя, правда, имен, что познакомился с «Вронским» в 1881 г. в Петербурге, где тот проживал, а в последний раз встретился с ним восемью годами позже «на обеде в российском посольстве в Париже»².

И среди потомков есть немало скептиков. В безбрежном море литературы о Толстом существует, например, мнение, что для героя «Анны Карениной» тот «заимствовал имя Ю. Вронского (1788–1853)» — польского математика и философа, проповедника шляхетского мессианизма, — которое мог слышать от А. И. Герцена во время путешествия в Европу³.

---

^{*} Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах (Юбилейное издание). М., 1927–1964. Т. 18. С. 3. В дальнейшем по тексту книги в скобках указываются: при цитировании различных редакций романа — том и страница; при цитировании писем Толстого — том и номер документа.

С другой стороны, утверждается, будто фамилия Вронский восходит к неким барону Вревскому⁴ или Воронцову⁵ — знакомым автора романа. С третьей, высказана мысль, что прототипом его персонажа «был известный поэт А. К. Толстой»⁶. И наконец, имеется сочинение, в котором «трагический разрыв с обществом князя (sic! — А. III.) Вронского», бросивший его под турецкие пули, объясняется всего «лишь творческим полетом мысли Толстого»⁷. То есть прототипа вообще как бы не существовало. Эту позицию *бесплотного образа* разделяют и чистые литературоведы. «Самая фамилия Вронский, — пишет один из них, — выбранная Толстым после долгих поисков, звучит как сознательная стилизация: точно Толстой намеренно подчеркивает связь этого персонажа с литературными героями 30-х годов (Пронский, Минский и др.)»⁸.

Уважая приведенные точки зрения, постараемся все же развеять сомнения их авторов в правомерности «канонической» версии, присовокупив к уже известным вновь обнаруженные и, как представляется, очевидные параллели между текстом романа и жизнью нашего героя. С которой и начнем...

Примечания

¹ Особенно прочно данная версия укоренилась в Сербии. Там нет практически никого, кто сомневался бы в ее подлинности... В отечественной литературе она также имеет своих верных приверженцев. См.: *Корнилов Ю. Э.* Как погиб граф Вронский. М., 1975; *Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 194-204; *Петров А.* Добровольцы // Родина. 1998. № 5-6. С. 105-107 и др.

² *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics. Through war and peace. London, 1931. P. 95.

³ *Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой и славянские народы. Л., 1983. С. 142.

⁴ *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 307; *Якубовский Ю. О.* Л. Н. Толстой и его друзья // Толстовский ежегодник 1913 г. СПб., 1913. С. 23.

⁵ *Толстой С. Л.* Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство. Т. 37-38. М., 1939. С. 567.

⁶ Литературное наследство. Т. 75. Ч. 2. М., 1965. С. 462; *Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Тула, 1975. С. 69.

⁷ *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 217.

⁸ *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 150. «Любопытно, — продолжает автор, — что эта фамилия есть и у Пушкина — в черновике отрывка “На углу маленькой площади” (“Женат, кажется, на Вронской”)). (Там же).

ПРЕДКИ. СЕМЬЯ. БИОГРАФИЯ

Николай Николаевич Раевский принадлежал к знаменитому роду, корни которого уходят в XII век. Как и большинство старинных дворянских «кланов», он был «иноземных кровей», происходя из Дании — от Петра-Власта, или Дунина (что значит «датчанина»), сына вельможи Вильгельма — казнохранителя короля Нильса. В 1124 г., по данным польских генеологов, Дунин прибыл в Польшу ко двору короля Болеслава III Кривоустого и остался у него на службе¹. От линии его потомков в XV в. и отпочковалась боковая ветвь Раевских*, перебравшаяся в Литву, откуда родоначальник их русского «продолжения», Иван Степанович, в 1526 г. вышел на службу к Великому князю Московскому Василию III. Получив земельные владения в районе Тулы — будущей «малой родины» Л. Н. Толстого². С ней, отныне и навсегда, Раевские будут тесно связаны... Кстати, дочь первого из них — Есмана, будучи замужем за Львом Глинским, приходилась прабабкой Ивану Грозному — сыну «приютившего» русских Раевских Василия.

Шесть колен потомков Ивана Степановича (Андрей, Афанасий, Василий, Иван, Иван и Артемий) служили российским государям, проживая безвыездно в окрестностях Тулы. Пока, наконец, при наследниках Артемия Ивановича род не разделился³.

А. И. Раевский — стольник и тульский воевода, — владевший поместьями в Каширском уезде и скончавшийся в 1696 г., имел трех сыновей: Ивана, Семена и Сергея. Именно первые двое (родившиеся в 1688 и 1690 гг.) представляют для нас особый интерес, поскольку Семен — это прародитель позднейшей ветви «южных» Николаевичей, Иван же — пращур оставшихся под Тулой «северных» Артемьевичей и Ивановичей, с которыми мы не раз встретимся в ходе нашего рассказа. Но до поры до времени братья живут вместе, являясь, как и родитель, помещиками Каширского уезда. Упомянем здесь лишь одно приобретение бригадира Семена Артемьевича Раевского (в чине прапорщика участвовавшего в знаменитой Полтавской баталии) — в 1737 г. в том же уезде он прикупил сельцо Якимовское⁴.

И сын его, Николай Семенович Раевский, числился поначалу тульским и рязанским помещиком, владея именьями в Каширском, Черн-

---

* Сын основателя рода — Есмана — Степан Есманович владел поместьем *Раевщина* на реке Соже, недалеко от города Мстиславля (*Врангель Л. С. Семья Раевских. Образы минувшего века. Париж, 1955. С. 5.*)

ском, Епифанском и Переяславль-Рязанском уездах. Однако, вступив в брак с Екатериной Николаевной Самойловой – дочерью сенатора Н. Б. Самойлова и племянницей светлейшего князя Г. А. Потемкина-Таврического, – он получил в приданое за ней, помимо всего прочего, земли в Чигиринском и Черкасском уездах Киевской губернии, часть которых затем унаследовал Николай Николаевич Раевский I-й. Он-то и осел окончательно на юге, в бывших потемкинских вотчинах...

Именно с этих людей началась слава рода Раевских. Николай Семенович (1741-1771) – участник переворота, возведшего на русский престол Екатерину II, а затем полковник Азовского пехотного полка – был смертельно ранен при взятии крепости Журжа и умер в Яссах в возрасте 30 лет. Но дети продолжили ратное дело отца. И как! Старший сын – Александр Николаевич, подполковник, которого сам Суворов назвал «храбрецом», погиб при штурме Измаила 11 декабря 1790 г. Младший – Николай Николаевич (1771-1829), генерал от кавалерии и герой Отечественной войны 1812 г., прославился в сражениях под Смоленском, Бородиным, Малоярославцем, Лейпцигом, Парижем, командуя 7-м корпусом русской армии. «Он был в Смоленске щит, в Париже меч России», – начертано на его могильной плите... То был дед «графа Вронского». Бабка же его – Софья Алексеевна (1769-1844), урожденная Константинова, доводилась внучкой М. В. Ломоносову. Отец и дядюшка – Николай (1801-1843) и Александр (1795-1868) Николаевичи (на пике военной карьеры – генерал-лейтенант и полковник) также участвовали в походах 1812-1814 гг., отличившись в бою у Салтановки*⁵, и были, ко всему прочему, близкими друзьями А. С. Пушкина. Известно, что Николаю Раевскому поэт посвятил свою поэму «Кавказский пленник», а его брата вывел в стихотворении «Демон».

---

* Особую известность в России Салтановское сражение получило в связи с вошедшим в легенду поступком генерала Н. Н. Раевского, когда он повел своих малолетних сыновей впереди дрогнувших было солдат Смоленского полка. Несмотря на то, что и ныне имеется немало скептиков, считающих это событие мифом (см., например: *Епанчин Ю. Л. Николай Николаевич Раевский // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 63; Отечественная война 1812 г. Энциклопедия. М., 2004. С. 602 и др.*), мы полагаем подвиг генерала вполне реальным, что убедительно доказано в целом ряде работ – см.: Личные письма генерала Н. Н. Раевского // 1812-1814. Реляции, письма, дневники. М., 1992. С. 209-210; *Кошелев В. А. «Отечество того не забыло» (Историческая и литературная мифология «подвига Раевского») // Семья Раевских в истории и культуре России XVIII-XIX вв. Материалы I-х Елисаветградских международных историко-литературных чтений. Кировоград, 2004. С. 17-24*). Особенно фундирована, на наш взгляд, статья В. А. Кошелева. Исследуя поступок Н. Н. Раевского в контексте историографической традиции, автор показал, что по религиозным и моральным соображениям генерал не любил упоминать о нем, порой отрицая, – как, например, в известном разговоре с К. Н. Батюшковым.

К этому добавим, что Николай Николаевич 2-й блестяще проявил себя в Персидской (1826-1828) и Турецкой (1828-1829) кампаниях, а в 1837-1841 гг., начальствуя над войсками «Черноморской прибрежной линии», присоединил к России целый ряд земель на восточном побережье, включая основанный им же Новороссийск. Своими делами он подтвердил предсказание отца, который еще в июле 1812 г. (после сражения при Салтановке) констатировал в письме к супруге: «Этот мальчик не будет заурядностью...»⁶.

И женская линия предков «Вронского» заслуживает уважения. Дед по матери — Михаил Михайлович Бороздин (1767-1837), генерал-лейтенант, командовал в 1812 г. 8-м пехотным корпусом. Его младший брат — Николай Михайлович (1777-1830), генерал от кавалерии и генерал-адъютант, был в то время командиром кирасирской бригады. На Бородинском поле, кстати, и Н. Н. Раевский-старший, и М. М. Бороздин во главе своих соединений стойко отражали натиск наполеоновских колонн, причем по соседству: один — в центре русской позиции, на знаменитой Курганной батарее (она же Раевского); другой — чуть левее, у села Семеновского. И Бороздин 2-й находился рядом. Атака его бригады во фланг неприятелю, штурмующему батарею Раевского, запечатлена на панораме Франца Рубо «Бородинская битва». Сюжет этот имел продолжение — любовная сшибка кавалеристов Н. М. Бороздина с саксонскими кирасирами из корпуса М. Латур-Мобура (или «кавалерийский бой во ржи») является наиболее динамичным фрагментом известного полотна... И в битве за Малоярославец Раевский и Бороздин участвовали вместе: войска их сменяли друг друга в ходе уличных боев⁷.

И воздалось им за деяния их — все будущие свойственники за войну 1812 г. получили награды. А 27 лет спустя Анна Михайловна Бороздина (1819-1883) вышла замуж за Н. Н. Раевского 2-го... Здесь на время прервемся, ибо за их венчанием тянулся романтический «крымский» шлейф. Приглядимся к нему.

***

Начнем с того, что Анна Михайловна, единственная дочь генерала М. М. Бороздина от его второго брака с Екатериной Александровной Шемякиной, на девятом году жизни (в 1828 г.) осталась без матери. Отец сам воспитывал дочь и дал ей прекрасное образование. А в апреле 1836 г. ее приняли ко Двору.

Кстати говоря, девицы Бороздины были прекрасно известны Николаю I и его супруге: три кузины Анны — дочери дядюшки Николая Михайловича — ранее уже состояли фрейлинами императрицы. Из записок А. О. Смирновой-Россет известно, что за одной из них, Натальей, по-дет-

ски приударял наследник (будущий Александр II)⁸; две же других — Ольга и Анастасия — именно в этом свойстве, оставили след в «Евгении Онегине» (глава 8, строфа 25)⁹. Последнее не случайно — А. С. Пушкин знал рано осиротевших сестер и в октябре 1832 г. извещал Наталью Николаевну о предстоящей свадьбе Анастасии¹⁰. Знал поэт и Анну Михайловну — будущую жену своего друга он видел ребенком в Одессе. Внучатый племянник Раевского 2-го князь С. М. Волконский вспоминал, что она «была известна под прозвищем “Анка рыжая”, данным ей Пушкиным...»¹¹.

Итак, юная Аня Бороздина (ей было всего шестнадцать с небольшим лет) приколола к своему платью бриллиантовый вензель — или шифр, как тогда говорили, — Александры Федоровны. А год спустя случилось событие, навсегда изменившее ее жизнь.

В 1837 г. император Николай Павлович с семьей совершил путешествие в Крым, красоты которого лишь недавно начали осваиваться русскими. Одними из пионеров этой культурной колонизации были братья Бороздины и семейство Раевских. Старший из Бороздиных, Андрей Михайлович — генерал-лейтенант и сенатор, — одно время (в 1807-1816 гг.) даже занимал должность гражданского губернатора Тавриды. В этой поездке императрицу и великую княгиню Марию Николаевну, вместе с другими фрейлинами, сопровождала и Анна Бороздина. Центром пребывания августейших путешественников на южном берегу Крыма стала Алупка — имение графа М. С. Воронцова.

А Николай Николаевич Раевский, отстраненный от службы вследствие неприкрытых симпатий к разжалованным декабристам, проживал неподалеку — в своем поместье Тессели (вблизи знаменитого Фороса), где занимался разведением садов и виноградников¹². Вместе с тем он мечтал о возвращении в строй.

Супруга графа Воронцова, Елизавета Ксаверьевна (урожденная графиня Браницкая), решила принять участие в судьбе своего «племянника», используя пребывание у нее «в гостях» самого императора, и то сильнейшее впечатление, которое произвело на него все увиденное — не зря ведь он подарил государыне имение Ореанду, да еще 400 тысяч рублей в придачу, на постройку дворца. Н. Н. Раевский был приглашен на один из балов, устроенных в честь императорской семьи, где, судя по всему,

---

* По своей матери, урожденной Энгельгардт, графиня Воронцова приходилась внучатой племянницей светлейшему князю Г. А. Потемкину-Таврическому. Н. Н. Раевский 1-й также был его внучатым племянником — но уже по своей матери, урожденной Самойловой. Следовательно, матери Воронцовой и Раевского 1-го были двоюродными сестрами, сами же они — троюродными братом и сестрой, а Николай Николаевич 2-й приходился Елизавете Ксаверьевне троюродным племянником.

и познакомился с молодой фрейлиной*. Кроме того, благодаря протекции тетушки и собственной эрудиции, он сделался любимым собеседником Александры Федоровны и часто бывал в «сераскирской» комнате дворца Воронцовых, где она обыкновенно проводила вечера в обществе своих приближенных, в том числе и Ани Бороздиной. Императрица явно благоволила Раевскому и в конце концов «помирила» его с государем¹³.

18 сентября в Алупкинском дворце состоялся грандиозный прием. А три дня спустя вышел Высочайший приказ о назначении «состоящего по кавалерии генерал-майора Раевского начальником Отделения Черноморской прибрежной линии». Приказ был подписан Николаем I в Геленджике, а 28 сентября в Алупке М. С. Воронцов сообщил о нем Раевскому¹⁴. Тот сразу же отправился к новому месту службы.

А Анна Михайловна, по причине болезни отца, не смогла сопровождать императрицу на пути в Петербург. 14 октября М. М. Бороздин скончался и был похоронен в Симферополе. Дочь вступила в управление семейным состоянием. Заплатив отцовские долги, она обустроивала крымское имение Карасан, состоя в переписке с Николаем Николаевичем, который частенько наезжал в Тессели из Керчи, где располагался штаб Черноморской береговой линии.

Их переписка длилась более года. Пока, наконец, на мостике в воспетом Пушкиным саду Бахчисарайского дворца он не сделал ей предложение...

Предложение было принято, и «крымский роман» подошел к концу.

Венчались в Москве¹⁵, о чем в метрической книге Иоанно-Богословской церкви, что на Бронной улице, была сделана запись: «1839 года, января 22 дня начальник 1-го Отделения Черноморской прибрежной линии генерал-лейтенант и кавалер Николай Николаевич Раевский, православный 37 лет, венчан первым браком Двора Его Императорского Величества с фрейлиною, умершего генерал-лейтенанта Михаила Михайловича Бороздина дочерью, девицею Анной Михайловною, православного вероисповедания, коей от роду 19 лет...»¹⁶.

Медовый месяц пролетел быстро. Вопросы службы торопили Раевского в Керчь, куда он возвратился в начале апреля. И сразу же начал готовить новую экспедицию против горцев. Молодая жена сопровождала генерала до Тамани — главной базы всех операций на восточно-черномор-

---

* Семьи Раевских и Бороздиных находились в близком свойстве. Задолго до брака Николая Николаевича 2-го и Анны Михайловны, его тетушка (единоутробная сестра Н. Н. Раевского 1-го Софья Львовна Давыдова) вышла замуж за ее дядюшку (старшего из трех братьев Бороздиных — Андрея Михайловича). Кроме того, как и Раевские, Бороздины владели землями в Чигиринском уезде Киевской губернии.

ском побережье. Декабрист Н. И. Лорер, служивший после сибирской ссылки солдатом на Кавказе, передал впечатление от сего факта: «Жена Раевского, урожденная Бороздина, приехала из Керчи проводить мужа и, само собой разумеется, разделяла с ним дань уважения и почестей, оказываемых любимому начальнику»¹⁷.

Шестимесячная кампания удалась – территория России приросла новым участком побережья к югу от Анапы, где на слиянии рек Цемеса и Мескаги был заложен и успешно строился «форт Раевского»... Пришло время обратиться к более важным делам.

Тот же Лорер сообщал: «Раевский уехал в Керчь к жене, которая должна родить. Мейер при ней неотлучно, а когда наступила критическая минута и все кончилось благополучно, то, вышед поздравить генерала, он застал этого храброго человека в страшном беспокойстве. Как сильна в человеке любовь к семейной жизни!..»¹⁸. И здесь мы должны снова отвлечься в историю, дабы познакомиться поближе с человеком, стоявшим, как мы видели, у самого начала земной жизни «графа Вронского». Для чего нам надобно вспомнить знаменитую поездку Раевских и Пушкина по югу России в 1820 г.

Один из первых отечественных пушкинистов, П. И. Бартенев, повествуя о ней, отметил привлекательную черту генерала Раевского 1-го: «Раевский как-то особенно умел сходиться с людьми, одаренными свыше. Так, на Кавказе же он приблизил к себе и навсегда привязал к своему семейству известного доктора Мейера...»¹⁹. Николай Васильевич Мейер – медик штаба кавказских войск, был личностью действительно незаурядной и «далеко выступающей из толпы», как отзывался о нем современник и далее присовокупил: «В его добрых и светлых глазах было столько симпатичного, в его разговоре столько ума и души...»²⁰.

Находясь при штабе в Ставрополе, он обычно проводил летние месяцы на Водах, где общался с декабристами, которых пересылали из Сибири в войска Кавказского корпуса, почему и «засветился» на страницах мемуаров многих из них. И не только. Известно, что летом 1837 г., в ожидании военной экспедиции, в Пятигорске лечился и сосланный за «Смерть поэта» на юг М. Ю. Лермонтов, с которым Мейер был дружен. А год спустя в Петербурге вышел «Герой нашего времени», и... многие обнаружили в его персонажах конкретных представителей курортного общества. «Те, кто были в 1837 г. в Пятигорске, – вспоминал один из очевидцев, – давно узнали и княжну Мери, и Грушницкого, и в особенности милого, умного и оригинального доктора Мейера»²¹. Последнего, понятно, – в образе доктора Вернера²².

Так, лермонтовский герой помог появиться на свет герою толстовскому..

Мейер горячо привязался к Раевским, особенно к Николаю Николаевичу 2-му. По возвращении того из Москвы весной 1838 г., он был

назначен «главным доктором Восточного побережья» и сопровождал генерала в походе²³. Ну, а после рождения у Раевских первенца он фактически стал семейным врачом, проживая у них в доме²⁴. Когда же в 1841 г. генерал-лейтенант Раевский подал в отставку, то, как сообщает хроника, «он переехал с семьей и доктором Мейером в имение Карасан — приданое своей жены»²⁵.

Должно заметить, что связи эти не порывались и далее. Сын Н. В. Мейера, Николай Николаевич Мейер, оставался доверенным лицом семейства. В 1883 г. он занимался перестройкой усыпальницы Раевских²⁶, а в 1901 Мария Григорьевна, вдова младшего брата нашего героя, Михаила Николаевича, адресовалась именно к нему по вопросам строительства «церкви Вронского» в Сербии. Тех ее писем мы еще коснемся.

Пока же возвратимся в день 5 ноября 1839 г., когда Николай Николаевич Раевский 3-й увидел свет. И уже два дня спустя счастливый отец сообщал своей сестре, жене декабриста Марии Николаевне Волконской, в Сибирь: «Только что закончилась кампания, которая для меня, как военного, оказалась самой удачной». Но не это главное. Важнейшее заключалось в том, что «моя жена позавчера разрешилась от бремени и сделала меня отцом мальчика, толстого как страсбургский гусь, крепкого и темноволосого, как его отец, с большими черными глазами... Мы его назовем Николаем. Вы — его крестная мать...».

Крестили младенца 21 ноября в храме Св. Троицы, о чем также имеется документ — «Портового города Керчи, Свято-Троицкой церкви служители сим удостоверяем, что в метрической книге за 1839 год, при сей церкви хранящейся, состоит в записке под № 102-м акт следующего содержания: 1839 года ноября пятого дня у генерал-лейтенанта и кавалера Николая Николаева сына Раевского и законной жены его Анны Михайловой дочери, родился сын Николай, коему крещение совершал протоиерей Павел Карчевский сего же ноября 21 числа; восприемниками были: тайный советник и кавалер Александр Иванов Казначеев и генерал-майорша Мария Николаева Волконская — урожденная Раевская...»²⁷.

Добавим, что в той же церкви полтора года спустя крестили и младшего сына Николая Николаевича и Анны Михайловны — Михаила, названного так в честь деда Бороздина.

***

Славные традиции обеих семей предполагали, что и новому поколению Раевских не миновать военной службы. Так в конечном счете и произошло, но не сразу. Потеряв в «нежном» возрасте отца (Н. Н. Раевский 2-й скончался в 1843 г. от рожистого воспаления и был похоронен в имении своей супруги — слободе Красненькая Новохоперского уезда Воронежской

губернии, куда он приехал по делам), дети воспитывались под надзором матери – просвещенной и энергичной женщины, не жалевшей средств для их обучения. Заметим, что, оставшись в неполные двадцать четыре года вдовой, А. М. Раевская замуж более не выходила, обратив всю свою нерастрченную любовь на сыновей. Что ж, они оказались достойны такой материнской жертвенности...

Большую часть детства Николай провел в Италии, Франции и Англии, пока, наконец, по достижении им 17-летнего возраста, семья не вернулась в Москву. Лучшие учителя и наиболее известные профессора приглашались к нему, а непосредственно его домашним образованием руководил сам Т. Н. Грановский. То, какую роль сыграл знаменитый историк в становлении братьев Раевских, хорошо передают стихотворные строки младшего Михаила:

«И ты, наставник мой, советник дорогой!
Ты первый в душу мне добра и правды семя
Посеял тихою, заботливой рукой, –
И чувств моих к тебе не изменило время»²⁸.

Осенью 1858 г. сыновья Анны Михайловны стали студентами физико-математического факультета Московского университета...

По завершении курса, 22 февраля 1863 г. молодой кандидат естественных наук вышел юнкером в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. Военная карьера спорилась. За три года были пройдены первые три ступени – корнет, поручик, штабс-ротмистр. 27 апреля 1868 г. последовало производство в ротмистры, а два года спустя Н. Н. Раевский перевелся в 7-й Туркестанский линейный батальон подполковником. В Туркестане он пробыл до 1874 г., где принял участие в экспедиции против поднявших восстание шахрисябских беков, особо отличившись при штурме их столицы, Китаба (октябрь 1870 г.) – вынес из огня тяжелораненного командира отряда, подполковника В. Н. Соковнина, сам при этом был ранен, но первым ворвался в город. Наградой стал орден Св. Владимира 4-й степени с мечами²⁹.

Но не только служба интересовала университетски образованного офицера. В перерывах между боевыми действиями он всесторонне изучал Туркестанский край с его богатейшими хозяйственными возможностями; на свои средства устраивал шелкомотальни, заводил хлопковые плантации и виноградники.

И здесь следует подчеркнуть, что такая страсть к земле была семейной чертой всех Николаевичей. Так, Н. Н. Раевский 1-й, прославленный полководец, больше всего на свете любил свое имение Болтышку – отошедшую к нему часть «потемкинских деревень» матери. Близкий родственник, поэт-партизан Денис Давыдов, вспоминал: «Там с ежедневным

восхождением солнца видели мы его в простой одежде поселянина, копающего гряды и сажающего цветы, равнодушного к заслуженной славе, гремящей за пределами его мирного приюта, и наслаждающегося... успехами невинных трудов своих»³⁰. Из той же Болтышки зимой 1827 г. хозяин писал на Кавказ сыну: «Мое утешение здесь — новая оранжерея удалась прекрасно, у нас (мороз на дворе) 17 градусов, а я под фруктовыми лаврами и маслинами, окружен цветами, зеленью, пью кофей».

Николай Николаевич 2-й унаследовал от отца эту привязанность к земле. До назначения на Черноморскую линию он, как мы помним, проживал в своем Тессели, где, по словам Н. И. Лорера, «занимался ботаникой и цветоводством, до которого он страстный охотник»³¹. И, даже по возвращении в строй, генерал не оставил «хобби». Показателен его портрет, который, после успеха кампании, запечатлел в своих записках тот же Лорер: «Раевский, проходя по линии со всем своим штабом, поздравлял войска, а за поясом его торчал преогромный букет цветов кавказской флоры, который он набрал во время дела...»³². Добавим, что до сих пор в районе Сочи растет «дерево Раевского» — одно из многих, посаженных им для «дезинфекции» новых российских владений от малярийных испарений. Он же основал и Сухумский ботанический сад, сожженный в 1877 г. турками, но восстановленный позже...

В свете выявленной семейной традиции, таким образом, и земледельческие увлечения Н. Н. Раевского 3-го в степях Туркестана не кажутся чем-то странным; напротив, они вполне органичны.

Его инициативы, особенно труды по разведению хлопчатника, были высоко оценены «Обществом для содействия русской промышленности и торговле», членом которого Н. Н. Раевский состоял. Однако, как это часто у нас бывает, со стороны администрации он не встретил ни понимания, ни участия, что вынудило его покинуть Туркестан и вернуться в Россию.

Осенью 1874 г. последовало новое назначение — в распоряжение командующего Одесским военным округом. 28 мая 1875 г., приказом по ОВО, он командирован в 49-й Брестский Великого Князя Михаила Михайловича полк «для исполнения строевой службы». И, наконец, 21 января 1876 г. «Высочайшим приказом за отличие в службе произведен в полковники»³³.

Начавшаяся в том же году первая Сербо-турецкая война не оставила Раевского равнодушным. 16 июля он подает прошение об отставке, а 1 августа зачисляется в сербскую армию (которой тогда командовал «лев Ташкента» генерал М. Г. Черняев) с чином полковника кавалерии; 4 августа прибывает в Белград и уже с 8 числа находится на позициях. Спустя 12 дней, приняв участие в нескольких боевых операциях, «Вронский»

погибает на высоте у села Горни Адровац от пули турецкого стрелка. Его прах, после временного захоронения в монастыре Святого Романа, был перенесен матерью на родину, где в родовом склепе Раевских, в их имении Еразмовка (ныне Разумовка), что в Чигиринском уезде Киевской губернии, и обрел вечный покой.

Такова вкратце канва недолгой жизни человека, который всего за две недели вошел в историю Сербии. Реальный участник событий и литературный персонаж – полковник Раевский и граф Вронский – сплелись в сознании сербов в единый образ. И каждый из них вам не только расскажет, куда Толстой отправил своего героя умирать, но и воспроизведет, пересыпая легендами, его служение в Сербии и героическую смерть, словно дописывая за автора эпилог романа³⁴...

И здесь встает вполне законный вопрос – как и сколь органично соотносятся перипетии жизненного пути одного с написанной Толстым «биографией» другого, т. е. действительно ли правы сербы, безоговорочно отождествляя их?

Тем более, что еще в середине 1970-х годов корреспондент ТАСС в Югославии Ю. Э. Корнилов, заинтересовавшись судьбой Раевского, обратился в Государственный музей Толстого с просьбой помочь разобраться в ситуации. Ответ, полученный им, гласил: «Хотя во всех известных нам документах и рукописях Л. Н. Толстого имя Н. Н. Раевского не упоминается, легенда о том, что Раевский и Вронский – одно и то же лицо, существует и находит отражение в печати...». Итак, легенда, сокрушался журналист, «очень правдоподобная, очень устойчивая, но все-таки легенда»³⁵.

Где же истина? Попытаемся в том разобраться.

Примечания

¹ *Раевский С. П.* Пять веков семьи Раевских // *Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. № 9.* М., 1998. С. 149.

² *Архив Раевских.* Т. V. Пг., 1915. С. 19; *Чернопятов В. И.* *Дворянское сословие Тульской губернии.* Т. III (XII). Родословец. Материалы. Часть VI. М., 1909. С. 521–523.

³ *Государственный Архив Тульской области (далее – ГАТО).* Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 9 (родословная Раевских); *Раевский С. П.* Пять веков семьи Раевских... С. 164.

⁴ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 55.

⁵ Относительно подвига генерала Н. Н. Раевского под Салтановкой, Б. Поточан пишет: «В Отечественной войне против Наполеона в 1812 г. генерал Раевский дрался со своей армией в *Бородинской битве под Смоленском, у деревни Салтыковка* (Здесь и далее выделено нами... Деревня Салтановка находится в 12 км. к югу от Могилева. — А. Ш.). Он чувствовал, что в сражении наступает перелом, но ни одна из сторон не имеет достаточно сил, чтобы повернуть военное счастье в свою пользу. Неожиданно ему в голову пришла смелая мысль. Он схватил за руки двух своих сыновей — Александра 17 и Николая 11 лет и выскочил вместе с ними на бруствер. С обнаженными саблями они бросились на штурм. Увидев это, его деморализованные войска последовали за ними. Этот эпизод оказался решающим не только для исхода битвы, но и всей *Отечественной войны*» (*Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. Београд, 2002. С. 11-12). И в приложении, под воспроизведением известной картины Самокиша, также указано: «Подвиг генерала Раевского с сыновьями в *Бородинской битве*». Мало того, автор утверждает, что «этот подвиг генерала Раевского увековечил Лев Толстой, посвятив ему лучшие страницы романа «Война и мир»» (Там же. С. 12)... Как-то странно получается, ибо пацифист Толстой оказался одним из первых, кто воспринял его весьма негативно. «Зачем тут на войне мешать своих детей», — эта, вложенная в уста Николая Ростова, сентенция четко выразила позицию писателя (подробнее о том сюжете см.: *Кошелев В. А.* Лев Толстой и «подвиг Раевского» // Документальное и художественное в литературном произведении. Иваново, 1994)... Не менее странным выглядит и утверждение журналиста, что именно в *Москве* он убедился в том, что генерал Раевский повел в атаку своих сыновей как раз под Бородиным (см.: *Поточан Б.* Трагање за Вронским // Радио ТВ Ревизија. 19. октобар 1990.)... Эту свою версию, кстати, Б. Поточан продолжает тиражировать и по сей день (см.: *Он же.* Љубав и част. Толстојев јунак у Поморављу // Магазин. Политика. 9. новембар 2003. С. 27; *Он же.* Вронски у Србији. 2. // Вечерње новости. 21. јануар 2006.).

⁶ Личные письма генерала Н. Н. Раевского // 1812-1814. Реляции, письма, дневники. М., 1992. С. 215.

⁷ Записки А. П. Ермолова. 1798-1826. М., 1991. С. 223-224.

⁸ *Смирнова-Россет А. О.* Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 312.

⁹ Там же. С. 313, 527; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий // *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995. С. 719.

¹⁰ *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. М., 1988. С. 46; *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М., 1966. С. 422.

¹¹ *Волконский С. М.* Воспоминания. М., 1994. С. 94.

¹² *Васильева Н., Брагина Т.* Хозяева и гости дворянских имений Крыма. М., 2002. С. 179.

¹³ *Врангель Л. С.* Семья Раевских. Образы минувшего века. Париж, 1955. С. 48.

¹⁴ *Петрова М. М.* История имения Карасан // Семья Раевских в истории и культуре России XVIII-XIX вв. Материалы I-х Елисаветградских международных историко-литературных чтений. Кировоград, 2004. С. 59-61.

¹⁵ С. П. Раевский ошибается, утверждая, будто «в начале 1839 года Н. Н. Раевский поехал в отпуск в Петербург и женился там на Анне Михайловне Бороздиной» (*Раевский С. П.* Пять веков семьи Раевских... С. 168).

¹⁶ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 27-27 об. (копия). Мы уже упоминали о наличии погрешностей в новейшей книге Г. С. Шенкмана. Одна из них связана как раз с женитьбой: «В январе 1839 года Николай Раевский женится на двадцатилетней дочери генерала Анне Михайловне *Бородулиной* (выделено нами. – А. Ш.)...» (*Шенкман Г. С. Генерал Раевский и его семья. СПб., 2003. С. 137*).

¹⁷ *Лорер Н. И. Записки о моем времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 496.*

¹⁸ Там же. С. 507.

¹⁹ *Бартенев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 151.*

²⁰ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М., 1885. С. 106-107.

²¹ Цит. по: *Андроников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1964. С. 342.*

²² Так его воспринимали буквально все. См., например: *Лорер Н. И. Записки о моем времени. Воспоминание о прошлом... С. 459; Врангель Л. С. Семья Раевских. Образы минувшего века. С. 59* и др.

²³ *Лорер Н. И. Записки о моем времени. Воспоминание о прошлом... С. 503-506.*

²⁴ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. С. 107.

²⁵ *Врангель Л. С. Семья Раевских. Образы минувшего века. С. 59.*

²⁶ См.: *Бухаров В. Г. Усыпальница семьи Раевских – уникальный памятник истории и архитектуры // Семья Раевских в истории и культуре России XVIII-XIX вв... С. 11.*

²⁷ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 29 (копия).

²⁸ Стихотворения М. Н. Раевского. СПб., 1894. С. 13.

²⁹ Российский Государственный Военно-Исторический Архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 14148. Л. 4-5 об. (полный послужной список полковника Н. Н. Раевского).

³⁰ *Давыдов Д. В. Замечания на некрологию Н. Н. Раевского // Давыдов Д. В. Сочинения. СПб., 1893. Т. 3. С. 114.*

³¹ *Лорер Н. И. Записки о моем времени. Воспоминание о прошлом... С. 471.*

³² Там же. С. 478.

³³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14148. Л. 5 об.

³⁴ См., например: *Корнилов Ю. Э. Как погиб граф Вронский. М., 1975. С. 25-30; Архив Српске Академије Наука и Уметности. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/ 3712 (Када је и где погинуо Вронски – јунак Толстојевог романа «Ана Карењина»?) и др.*

³⁵ *Корнилов Ю. Э. Как погиб граф Вронский. С. 29.*

ИДЕНТИФИКАЦИЯ: «ХАРАКТЕР, ЖИЗНЬ, НАРУЖНОСТЬ»

Прежде всего определимся с понятиями, для чего предоставим слово одной из самых жестких оппоненток нашей гипотезы. «Легенда о Раевском как прототипе Вронского, — с жаром пишет она, — противоречит толстовским взглядам, замыслу романиста и потому, естественно, не находит подтверждения в творческой истории “Анны Карениной”»¹. Вот так. Выходит, что *прототип* всегда и во всем должен соответствовать «взглядам и замыслу романиста»? Ну, а если автор вообще не знает, и его совсем не интересует, что думает и как действует человек, которого он собрался изобразить в своем сочинении, поскольку тот «приглянулся» ему чем-то другим. Что тогда?

Воспроизведем хрестоматийный отрывок из мемуаров Т. А. Кузминской, в котором она описывает знакомство Л. Н. Толстого с дочерью Пушкина М. А. Гартунг. «Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, — вспоминала его свояченица, — он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью»². Как видим, один только внешний облик (в случае с мадам Гартунг — это особо отмеченные собеседником «арабские завитки на затылке, удивительно породистые»³) уже может увековечить человека, ставшего прототипом. Мы же предполагаем идти дальше, сопоставляя не только «наружность» Раевского и Вронского, но также их «характер и жизнь».

Вопрос, затронутый уважаемой оппоненткой — насколько убеждения первого импонировали взглядам Толстого, и как они отразились (или не отразились) на облике второго, а равно на общем «замысле романиста», — в данном случае не столь уж принципиален. *Все* не может, да и не должно совпадать. Таинство творчества по природе своей противно клонированию. Сын Толстого Илья Львович вспоминал, как его отец «говорил, что тип создается писателем из целого ряда лиц, и поэтому он никогда не может и не должен быть портретом определенного человека»⁴. Так что генерализация в увлекательном деле разгадки прототипов явно не уместна. Но *некоторые* характерные черты, присущие литературным героям, вполне

---

¹ Старший брат Ильи Львовича, Сергей экстраполировал этот общий принцип на «Анну Каренину» — «“Анна Каренина” приближалась к концу. Материал для нее отец брал из окружающей его жизни. Я знал многих лиц и многие эпизоды, там описанные. Но в “Анне Карениной” действующие лица не совсем те, которые жили на самом деле. Они только похожи на них...» (Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 53).

доступны для распознавания, равно как и их земные носители, чья жизнь и судьба давала творцам-реалистам пищу для размышлений. По нашему мнению, Н. Н. Раевский и оказался одним из такого «ряда лиц», наблюдения за которыми помогли Толстому вылепить образ Вронского. Причем фигурой в этом «ряду» он был далеко не последней, что, собственно, мы и намерены показать...

***

Первой лежащее на поверхности сходство между ними заметила Г. Н. Моисеева: блестящий офицер гвардейской кавалерии граф Алексей Вронский «никогда не знал семейной жизни» (т. 18, с. 61). Он умен, образован, богат, а его семья состоит из женатого брата и оставшейся вдовой матери. Как видим, «анкетные данные» почти полностью совпадают (отличие лишь в том, что герой Толстого — *младший* сын графини Вронской). И по судьбе у них с Н. Н. Раевским очевидная схожесть. Так, одно время Вронский всерьез размышлял об отъезде в Туркестан (в романе — в Ташкент), после же трагической гибели Анны он отправляется в Сербию⁵. Уже эти, выявленные исследовательницей, параллели, позволяют, как нам кажется, говорить об их явно не случайном характере. Такое предположение превращается в почти полную уверенность при более углубленном прочтении романа, причем не только окончательного текста, но и черновых редакций.

Итак, в одном из первоначальных вариантов Толстой представляет читателю своего героя: «Искатель этот (руки Кити. — А. III.) был граф Вроцкий, один из двух братьев Вроцких, сыновей известной в Москве графини Марьи Алексеевны. Отец их оставил память благородного русского вельможи. Оба брата были очень богаты, оба прекрасно образованы, кончили курс кандидатами в Московском университете, оба первыми учениками, и оба служили в гвардии» (т. 20, с. 63). Что это, как не почти буквальное воспроизведение «семейного портрета» Раевских — в окончательном тексте он, сохраняя главные черты, теряет в деталях (Вронский, к примеру, заканчивает Пажеский корпус, а об образовании брата вообще ничего не известно)... Для демонстрации всей степени соответствия деталей наброска Толстого реальным фактам приведем еще пару примеров. Во-первых, как уже отмечалось, Николай Раевский вышел из Университета кандидатом естественных наук, а его младший брат «окончил курс по разряду чистой математики первым кандидатом»^{*}. И, во-вторых (относительно

---

* Архив Раевских. Пг., 1915. Т. V. С. 5. В дальнейшем по тексту книги, при цитировании данного издания, в скобках указывается его сокращенное обозначение (АР), том и страница.

подлинного богатства семьи), известно, что только в приданое за Анной Михайловной Н. Н. Раевский 2-й получил в Новохоперском уезде Воронежской губернии почти три тысячи крепостных⁶.

Обратимся к военной карьере. По роману, Вронский – *ротмистр* гвардейской кавалерии, правда, не ясно какого полка (в черновиках он – то кавалергард, то конногвардеец). В полку командует эскадроном, перед отставкой дослуживается до полковничьих эполет. Все опять, и как-то даже не совсем естественно для случайного совпадения, похоже – Раевский уходит из гвардии в чине ротмистра, а подает в отставку полковником. Дальше – больше. В самом раннем плане романа, относящемся к 1873 г., его эпилог выглядел так: «Алексей Александрович воспитывает детей. Гагин (будущий Вронский. – А. Ш.) в Ташкенте» (т. 20, с. 5). В дальнейшем наброске следует расшифровка: «Она ушла. Через день нашли тело под рельсами. Балашов (еще один “псевдоним” возлюбленного Анны. – А. Ш.) уехал в Ташкент» (т. 20, с. 46). Значит, под пером Толстого, он не только *собирался*, но и *отправлялся* туда. Именно Туркестан (где Раевский провел около четырех лет) вплоть до Сербской войны 1876 г. – судьба графа Вронского. Таков, рискнем предположить, был замысел автора⁷. Сербская война спутала карты, и он направил героя в другом направлении, но опять-таки по стопам прототипа...

И здесь мы позволим себе сделать несколько замечаний, касающихся (согласно классификации Т. А. Кузминской) не только «жизни», но также «характера» наших героев. Мы не обойдем вниманием и их «наружность», только чуть позже.

В черновиках романа, рассказывая Константину Левину о Вронском, Степан Аркадьич Облонский относит его к «новому сорту людей» (т. 20, с. 125). Поясняя эту свою мысль, брат Карениной замечает: «Он как будто не дорожит теми преимуществами, которые ему сами собой дались как сыну графа Вронского... и хочет выйти в отставку. Одним словом, пренебрегает теми благами, за которыми все бегают» (т. 20, с. 125). И впрямь, сначала он «отказался от предложенного ему, важного для карьеры, положения,

---

⁶ Что касается личного состояния Н. Н. Раевского 3-го, то в соответствующей графе его послужного списка (1876 г.) читаем: «Имеет в С.-Петербургской губернии имение в 3000 десятин земли, в Киевской губернии 1000 десятин земли, в Таврической губернии 300 десятин земли». Но и это не все. Помимо названного, ему принадлежало «неразделенное с братом имение в Киевской губернии в 3600 десятин земли» (Российский Государственный Военно-Исторический Архив. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14148. Л. 7 об.). Речь в данном случае шла о старинном родовом поместье Раевских Болтышка. Не этот ли фамильный майорат имел в виду Толстой, когда упомянул, говоря о богатстве Вронского, что «огромное отцовское состояние, приносившее одно до двухсот тысяч годового дохода, было нераздельно между братьями» (т. 18, с. 320).

только с тем, чтоб оставаться в полку, где он мог видаться с Карениной», несмотря на то, что им были «недовольны за это высокопоставленные лица» (т. 18, с. 183). А затем и вовсе оставил службу, прервав, не колеблясь, свою блестящую флигель-адъютантскую карьеру. То же и Раевский — как мы уже наблюдали, он сменил Петербург, гвардейскую среду и заманчивые столичные перспективы на пески Средней Азии и пули туземцев. Значит, *что-то иное* было важнее для обоих, чем внешний блеск, а потому они и жертвовали им без сожаления. Прав, прав Степан Аркадьич — перед нами действительно «в своем роде новый сорт людей». Пассионариев, как мы бы сказали сегодня.

Но при этом, служа до отставки (перевода) в гвардии, как Вронский, так и Раевский, придерживались вполне определенного кодекса поведения и отношения с сослуживцами. «В полку, — пишет Толстой, — не только любили Вронского, но его уважали и гордились им, гордились тем, что этот человек, огромно богатый, с прекрасным образованием и способностями, с открытою дорогой ко всякого рода успеху и честолюбия и тщеславия, пренебрегал этим всем и из всех жизненных интересов ближе всего принимал к сердцу интересы полка и товарищества» (т. 18, с. 183). То же и с Раевским. Находясь впоследствии в Средней Азии, он «показывал шашку, в золото оправленную, на прекрасном клинке которой вырезаны имена поднесших ему это оружие на память, начиная с командира полка до младшего корнета включительно»⁸. Очевидно, что подвигнуть офицеров-гусар на столь дорогой подарок могла лишь их искренняя симпатия к уходящему коллеге. За что? В общем-то ясно — этос воинского товарищества, в широком его понимании, был един для всех русских элитных полков.

А теперь сравним жизнь и занятия Вронского в Воздвиженском с пребыванием его прототипа в Туркестане. И опять, сходство их *поведения* наводит на мысль об очевидном родстве душ. Напомним — толстовский персонаж, уединившись вместе с Анной в имении, начинает хозяйственные преобразования: он вводит в действие «вновь привезенные жатвенные машины», начинает строительство «единственной вполне правильно устроенной больницы», «выписывает из Швейцарии коров» (т. 19, с. 184, 199, 220). При этом, «за что ни возьмется, он все делает отлично». И «не только не скучает, но со страстью занимается», во что совсем не трудно поверить — «там, где дело идет о десятках тысяч, он не считает» (т. 18, с. 189).

Раевский в Туркестане также не только воюет, но, как мы видели, устраивает шелкопрядильни, разводит хлопок и виноград. Причем делает это, как вспоминал знававший его офицер, «с крайне поспешной энергией». И все тоже за свой счет. «Получая из дому на ежегодное свое

содержание значительные деньги, — продолжал знакомец Раевского, — (по словам одних 40, а других — до 80 тысяч рублей), он стал ... покупать земли, заводить плантации хлопка и винограда, выписывать из-за границы семена и лозы⁹. К счастью, его усилия и затраты не пропали даром — «он первый доказал совершенную возможность разведения в Туркестане хлопка из американских семян»¹⁰. Воистину, «за что ни возьмется, все делает отлично».

Но и это не все. Дабы усилить эффект от выявленного нами сходства в подходе к делу, приведем почти буквальную цитату. Известно, что, находясь в Ташкенте, Раевский написал ряд трудов по разведению хлопка и основал местное отделение «Общества для содействия русской промышленности и торговле»¹¹. Так вот, в одном из ранних планов романа содержался специальный пункт: «Вронский о земледелии. Общество земледелия» (т. 20, с. 10)...

Прежде чем перейти к сравнению «наружности» Раевского и Вронского введем в наш рассказ еще один персонаж — многолетнего приятеля Толстого. Казалось бы, разве может некое третье лицо помочь при идентификации прототипа литературного героя. Оказывается может, все дело в том, чтобы найти нужный ракурс участия этого третьего. В нашем случае он весьма неожиданен и связан с гимнастикой — одним из любимых занятий писателя в юности.

Ни для кого не секрет, что Константина Левина Толстой наделил многими собственными чертами. В том числе и «слабостью» к гимнастике. Особенно это заметно в черновиках романа. Так, представляя его своим сотрудникам, Стива Облонский возглашает: «Константин Дмитриевич Левин — гимнаст и двигатель...» (т. 20, с. 97). В следующем наброске акцент усиливается: «Земский деятель, мировой судья, новый земский человек, гимнаст, поднимающий одной рукой 5 пудов... и мой друг Константин Левин» (т. 20, с. 117). Подобных примеров можно привести немало. С другой стороны, и Вронский не чужд тому же увлечению: не случайно в разговоре с приятелем Стива окрестил его модным словом «спортсмен»

⁹ Здесь нет ни тени иронии, как могло бы показаться. Толстой педантично списывает с себя то, что касается любимой гимнастики. Позднее один из единомышленников, сопровождавший писателя в пешем походе из Москвы в Ясную Поляну в мае 1889 г., вспоминал: «Утром, когда мы встали, Л. Н. заметил под кроватью огромные чугунные гимнастические гири, взял и хотел делать упражнения. Я испугался, что это будет вредно ему в его годы, и запротестовал. Он положил гири но сказал: "Что ж, ведь я, знаете, подымал одной рукой пять пудов"» (Попов Е. Отрывочные воспоминания о Л. Н. Толстом // Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Т. 2. С. 369). Эта предельная точность в деталях дает возможность рассматривать и иные сцены романа в историческом, а не только чисто художественном, контексте.

(т. 20, с. 125). А в сцене знакомства с Левиным на приеме у Щербацких уже сам Алексей Кириллович демонстрирует свою причастность к полюбившемуся занятию: «Очень рад. Я слышал про Вас много по гимнастике» (т. 20, с. 65). И далее: «Я тоже любил, но доктора запретили мне» (т. 20, с. 133).

Это встреча Левина (Толстого) с Вронским (Раевским) с едва слышным, но все же вряд ли случайным, *гимнастическим* мотивом – не является ли она мимолетным отражением другой, вполне реальной, встречи, состоявшейся в конце 1857 или начале 1858 г. в Москве и перешедшей затем в длительное знакомство. Тогда, на занятиях в гимнастическом обществе, располагавшемся на Большой Дмитровке, Толстой и столкнулся с нашим «третьим» персонажем. Звали его – Иван Иванович *Раевский*¹². До самой своей смерти в 1891 г. он оставался близким другом писателя, будучи с ним «на ты»¹³ и запросто наезжая как в Ясную Поляну¹⁴, так и в московскую усадьбу Толстых¹⁵. После его кончины Лев Николаевич написал статью «Памяти Ив. Ив. Раевского». В ней он подчеркнул: «Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в моей жизни» (т. 29, с. 262).

При такой интерпретации идентичность фамилий становится еще одним, пусть и косвенным, аргументом в пользу нашей версии. А почему нет? Ведь в основе писательского труда нередко лежат ассоциации, когда память, помогая творить, выхватывает какую-то деталь из собственного опыта. В тексте, подчиняясь логике сюжета, она может трансформироваться до неузнаваемости, но что-то все равно будет напоминать автору о том, что происходило с ним в действительности, поскольку ассоциация есть его осознанный диалог со своим прошлым. В данном случае, эту связь и маркирует *говорящая* фамилия, причем, кому она принадлежала на самом деле – не так уж и важно.

Возможностью такой трактовки (понятно, что далеко не бесспорной) значение личности И. И. Раевского для нас не ограничивается. Показанные выше дружеские отношения его с Толстым и регулярные, с начала 60-х годов¹⁶, посещения Ясной Поляны превращали Ивана Ивановича в идеального посредника между писателем и всем важным, что происходило в роду Раевских. Николай же и при жизни своей был родственником слишком незаурядным, чтобы быть неизвестным человеку с той же фамилией. Тем более, что и география способствовала общению – имение И. И. Раевского (село Бегичевка, где в 1891-1892 гг., занимаясь проблемой голода, жил Толстой) располагалось в Данковском уезде Рязанской губернии. Там же, поблизости, находилось и одно из поместий М. Н. Раевского, младшего брата нашего героя¹⁷... Кстати, о географии – в деле поиска прототипа графа Вронского она дает совершенно поразительные результаты. Задержимся на немного и постараемся это показать.

***

После возвращения вместе с сыновьями из-за границы осенью 1857 г., Анна Михайловна Раевская вдруг обнаружила, что она «вовсе не знает, к дворянству какой губернии были приписаны» ее муж и свекор, а также, «в какой дворянской родословной книге записаны они и точно ли они где-нибудь записаны» (АР, т. V, с. 19). Между тем, данные эти были необходимы ей для определения Николая и Михаила в Университет, ибо «они должны представить в правление оногo, кроме метрических свидетельств, документ об их происхождении из дворянского рода» (АР, т. V, С. 27). Имея в виду, что родовые поместья той ветви Раевских, к которой принадлежали Николаевичи, располагались в Киевской, Воронежской и Тульской губерниях, А. М. Раевская и обратилась к губернским предводителям дворянства с просьбой навести справки.

Ответ из Тулы пришел быстро — оказалось, что род Раевских¹, как коренной тульский, был записан в 6-ю часть Родословной книги этой губернии. (В скобках заметим, что в 6-ю книгу дворянского Родословца вписывались лишь те семейства, которые могли подтвердить не менее чем столетний «возраст» своего дворянства. Раевские же владели поместьями в тульской округе с XVI в., т. е. с момента выхода из Литвы их пращура Ивана Степановича¹⁸.) Благодаря тульского губернского предводителя А. Н. Арсеньева за оперативность и внимание, Анна Михайловна писала: «Собрав все находящиеся у меня документы и данные, я намерена воспользоваться для окончания дела о внесении сыновей моих в 6-ю часть Дворянской родословной книги предложением родственника нашего Ивана Артемьевича Раевского, который едет в Тулу и берется там о нем хлопотать» (АР, т. V. с. 42).

Кто же был этот благодетель? Не кто иной, как... отец Ивана Ивановича (того самого, — приятеля Толстого), тульский дворянин, владевший в Епифанском уезде старинным родовым поместьем Никитское, которое затем перешло к его сыну. Как видим, семейные связи между представителями двух ветвей одного рода* были весьма тесны: Анна Михайловна обращалась к Ивану Артемьевичу не иначе как «Любезный братец», а супруга его, Екатерина Ивановна — бывшая некогда предметом увлечения поэта Полежаева** — начинала свои письма к ней словами: «Chere Cousine!»

* Стольник и тульский воевода Артемий Иванович Раевский (почивший в Бозе в 1696 г.) оставил после себя, как уже говорилось, трех сыновей: Ивана, Семена и Сергея. От первого из них произошел Иван Иванович, а от второго — наш Николай Николаевич. А. И. Раевский, таким образом, был общим прапрапрадедом обоих. Сами же они являлись пятиродными братьями.

** Ей он посвятил стихотворение «Черные глаза», удостоившееся весьма благосклонного отзыва В. Г. Белинского, а также «К Е. И. Б-вой» («Таланты ваши оценить...»).

(АР, т. V, с. 34, 40, 43, 78)*. Причем, что особенно важно — к концу 50-х гг., т. е. ко времени близкого общения с А. М. Раевской, Екатерина Ивановна (1817-1899) и Иван Артемьевич (1815-1869) были уже *лично* знакомы с Толстым. Так, Е. И. Раевская, урожденная Бибикова, — явно незаурядная мемуаристка и художница — на склоне лет вспоминала: «С графом Л. Н. Толстым я была знакома еще в 1856 г., когда, холостой, посещаая московское общество, он бывал и у меня на вечерах»¹⁹. Относительно же близости с писателем ее супруга, интересное свидетельство оставил племянник — князь Д. Д. Оболенский (его мать была также из Бибиковых): «Гр. Лев Николаевич был очень горячий и настоящий русский охотник... Особенно много охотился Л. Н. в 1857-1858 гг. с моим дядей И. А. Раевским, с сыном которого граф был на *ты* и очень дружил»²⁰.

В конечном итоге, И. А. Раевский свое дело сделал — сыновья кузины были записаны в 6-ю часть Дворянской родословной книги Тульской губернии²¹**. А значит, Николай Раевский стал полноправным тульским дворянином, т. е. *земляком* романиста. С него и «географически» было легче писать образ Вронского. Тем более, что близкий друг, И. И. Раевский, как оказалось, был прекрасно осведомлен о жизни родственника (да и родители его могли многое порассказать). Кстати, родившись в 1835 г., приятель Толстого принадлежал к тому же поколению, что и братья Раевские. В 1857 г., т. е. накануне их поступления на физико-математический факультет Университета, Иван Иванович закончил его «кандидатом чистой математики». (АР, т. V, с. 36). Суммируя все сказанное, трудно себе представить, чтобы они не знали друг друга.

* О близости родственных уз свидетельствует и родной внук Ивана Ивановича — Сергей Петрович Раевский. Повествуя о Н. Н. Раевском 1-м и его троюродном брате А. И. Раевском, он пишет: «Как водилось в то время, трехлетний Николай Раевский был записан на службу в лейб-гвардии Семеновский полк, в котором шести лет от роду уже числился сержантом. Точно так же, похоже по слову родителей, его троюродный брат Артемий Иванович был записан в лейб-гвардии Преображенский полк. *Их родственная связь тесно поддерживалась на протяжении всей их жизни и жизни их детей* (выделено нами. — А. Ш.), несмотря на то, что близкого родства уже не было...» (Раевский С. П. Пять веков семьи Раевских // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. № 9. М., 1998. С. 160).

** В архиве Тульского дворянского депутатского собрания сохранилась копия Свидетельства № 302, датированного 6 июня 1861 г.: «Из Тульского Дворянского Депутатского Собрания дано сыну покойного генерал-лейтенанта и кавалера Николая Николаевича Раевского — Николаю... в том, что по определению сего Собрания, состоявшемуся 1 июня 1861 года, супруга покойного генерала — вдова Анна Михайловна Раевская и два сына их, помянутый Николай и Михаил, сопричислены к роду Раевских, внесенному в шестую часть родословной книги Дворянства Тульской губернии. В удостоверение чего и дано Николаю Николаевичу это свидетельство... за надлежащим подписанием и приложением печати сего Собрания» (Государственный Архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 73-73 об).

Добавим, что Толстому Раевские были всегда интересны — когда больше, когда меньше²². Но, даже в конце 80-х годов, после внутреннего перелома, отрехшись от многого в себе прежнем, он при встречах с приятелем «вскользь справлялся о ком-нибудь из Раевских, не входя ни в какие дальнейшие разговоры. Его интересовало только человечество в целом...»²³. Надо полагать, что лет за пятнадцать до этого, в период работы над образом Вронского, Мастер был несколько «приземленнее»...

Но и это не все. Всемогущая география, а точнее — вполне определенный круг общения внутри небольшого дворянского мирка, что по-соседски ограничен всего лишь несколькими уездами одной губернии, вскрывает еще один пласт отношений Л. Н. Толстого с Раевскими. На сей раз родственный — ведь хозяин Ясной Поляны не только основательно знал их, но в своем ближайшем потомстве даже породнился с ними. Правда, именовались они тогда по-другому.

Итак, в 1888 г. второй сын Льва Николаевича, Илья, женился на Софье Николаевне Философовой. Ее мать Софья Алексеевна происходила из фамилии Писаревых — «давних, — как указывает семейная хроника, — знакомых Толстых»²⁴. Кто же были эти *Писаревы*? В поисках ответа воспользуемся записками старшей дочери Ильи Львовича, Анны Ильиничны Толстой-Поповой. Для нас они просто бесценны.

«В очень давние времена, — начинает автор, — в 30-е и 40-е годы прошлого столетия (имеется в виду XIX-го. — А. Ш.), жили два брата Иван и Владимир Артемьевичи Раевские». Про Ивана Артемьевича мы уже знаем практически все. А вот брат его — лицо совсем новое. И как же эффектно врывается он в наш рассказ! Продолжим цитату: «Второй брат, Владимир Артемьевич, никогда официально не был женат, но, оказывается, *все пять человек детей Писаревых были его детьми* (выделено нами. — А. Ш.). Сосед по имению, старый и немощный Писарев, женился на молоденькой. Владимир Артемьевич совершенно открыто ездил к этой молоденькой красавице Писаревой. Каждого вновь появлявшегося ребенка старик Писарев усыновлял, и так шла жизнь». В конечном итоге, «Владимир Артемьевич Раевский завещал свои земли незаконным детям», которые «получили хорошее образование. Я всех их знала как людей всесторонне образованных и передовых...». «Лев Николаевич, — следует резюме, — со всеми встречался и со всеми был в хороших отношениях»²⁵. Со всеми, значит — с двумя кузенами и тремя кузинами своего друга, Ивана Ивановича. Выходит так, по крайней мере, по крови.

* Прадед автора записок по матери, Владимир Артемьевич Раевский (1811-185?), был фигурой заметной и по-своему колоритной. Происходя из московских дворян, он воспитывался в Пажеском корпусе и Школе гвардейских подпрапорщиков, свободно говорил на немецком и французском языках. В 1828 г. вышел юнкером в лейб-гвардии Конный полк (не отсюда ли и Вронский в одной из редакций романа — конногвар-

И здесь позволим себе одно уточнение к рассказу А. И. Толстой-Поповой, вполне достойное романтики сюжета. Утверждая, будто «Владимир Артемьевич никогда официально не был женат», мемуаристка ошибается. Дело в том, что после смерти старого Писарева, его вдова вышла-таки замуж за любимого человека, обвенчавшись с ним «в московской Николаевской церкви, что в Гнездняках». Справка из Духовной Консистории подтверждает сей факт. «1856 года, февраля 17 числа, — читаем в ней, — женился отставной лейб-гвардии Конного полка поручик Владимир Артемьев Раевский первым браком 46 лет, взял за себя вдову коллежскую ассесоршу Софию Иванову Писареву 41 года. Венчал священник Стефан Краснопевцев с причтом...»²⁶. Но, увы, прожили вместе новобрачные недолго — в конце 1857 или самом начале 1858 г. В. А. Раевский скончался. Вдова же его, «гвардии поручица София Ивановна Раевская», обратилась в январе 1858 г. с прошением причислить ее «к роду покойного мужа со внесением в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии», что год спустя и было исполнено²⁷... Вот как судьба повернула, перед нами — *законные* на склоне лет супруги и пятеро их детей, рожденных в любви, но носивших другую фамилию и другие же отчества²⁸.

Одна из этих «тайных» *Раевских*, Софья Алексеевна Писарева, и оказалась со временем в ближайшем свойстве с Л. Н. Толстым, на уровне же внуков — Ильичей — оба рода вообще пересеклись.

деец?). В декабре 1834 г. в чине поручика гвардии подал в отставку. Кроме тульских и рязанских поместий имел собственный дом в Москве... Младшая дочь В. А. Раевского — Софья Алексеевна Писарева (будущая теща И. Л. Толстого) получила от него в наследство имение Паники Данковского уезда Рязанской губернии, приобретенное еще отцом Владимира Артемьевича, генерал-майором Артемием Ивановичем Раевским (см.: Род Раевских герба Лябедь. Составил Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908. С. 49-50; *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 141). Ошибаются те мемуаристы и комментаторы, которые считают имение Паники родовой собственностью мужа Софьи Алексеевны — Н. А. Философова. Так, подавая в декабре 1855 г. прошение о причислении его к тульскому дворянству, В. А. Раевский специально указал: «Жительство имею в Данковском уезде сельце Паниках» (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1890. Л. 2 об.).

* Как-то удивительно символично, на наш взгляд, жизнь обставила возвращение Ильи Львовича и Софьи Николаевны после свадьбы из Москвы в Тулу. В столице их провожали Лев Николаевич и Софья Алексеевна, «стоя рядом, оба грустно, с вдумчивыми лицами». В Туле же, «с черным хлебом и солью», молодых встретила Елена Павловна Раевская (т. е. супруга Ивана Ивановича) «и, увидев их радостное состояние и невинное настроение, осталась очень довольна» (*Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых... С. 135-136)... Кстати, Е. П. Раевская, урожденная Евреинова, была близка Толстым не только как жена их старого друга. Мир поистине тесен. Ее родная сестра Александра Павловна была замужем за Петром Федоровичем Самариным — тульским губернским предводителем дворянства, который «находился в давнишних дружеских отношениях со Львом Николаевичем» (*Давыдов Н. В.* Из прошлого. М., 1913. С. 274. См. также: *Раевский С. П.* Семья Раевских // Ясная Поляна. 2000. № 1. С. 312). Писатель не раз гостил у Самариных, в их епифанском имении Молоденки (*Давыдов Н. В.* Из прошлого... С. 274).

Любопытны отношения писателя со старшим сыном В. А. Раевского — Рафаилом Алексеевичем Писаревым (1850–1905). О них «Семейная хроника» сообщает: «Еще молодым он был знаком с Львом Николаевичем, бывал гостем в Ясной Поляне». Но однажды, в конце 60-х годов, «дяде Рафаше Писареву из жгучей ревности к Софье Андреевне Лев Николаевич подал лошадей в Ясной Поляне, взбешенный тем, что тот слишком уж весело и небрежно разговаривал с его молоденькой женой. Он поступил с гостем совершенно так, как сам описал это в “Анне Карениной” в истории с Васенькой Весловским. Впрочем, впоследствии старые недоразумения сгладились...»²⁹. Вот так, спровоцировав в молодости пустяковую историю, уже другой *Раевский* «отобразился» в романе.

Кстати, Раевские незримо присутствуют не только в «Анне Карениной». Так, знаменитые сцены охоты из «Войны и мира» во многом навеяны собственным опытом Толстого. Мы уже приводили свидетельство князя Д. Д. Оболенского о том особом удовольствии, с которым он охотился с его дядей — И. А. Раевским. Продолжим цитату: «Впоследствии многие картины из этих охот вошли в бессмертные произведения автора “Войны и мира”. Можно даже узнать в романе некоторых охотников по их ярким чертам и характерным высказываниям»³⁰. «Читая эти воспоминания, — в унисон вторит ему С. П. Раевский — родной внук Ивана Ивановича, — нетрудно догадаться, что Толстой при описании охоты Ростовых в “Войне и мире” использовал те же эпизоды, которые описывает и Оболенский»³¹. Ну, а где эпизоды, там и люди.

Да и сам Иван Иванович оставил «след» в творчестве Толстого, правда, скорее комичный. Иронизируя над хозяйственными новациями своего друга, которые тот проводил в унаследованном от отца селе Никитском, и, в частности, над активным разведением мяты, писатель в «Плодах просвещения», устами Вово, открыто их пародирует — барин советует мужикам «сеять пшеницу рядами» и «непреренно мяту», говоря, что, мол, это он «в книгах читал»³²...

* Случай этот зафиксирован и в воспоминаниях Т. А. Кузминской (см.: *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. М., 1986. С. 278). По уточненным данным, «изгнание» Р. А. Писарева из дома писателя произошло в октябре 1870 г. (Там же. С. 517)... Кстати, мемуары его свояченицы дают нам возможность еще раз убедиться, насколько тесен был тот провинциальный дворянский мир, в котором вращалось семейство Толстых, и как удивительно переплетались отношения внутри него. Оказывается, что мать Р. А. Писарева и, следовательно, прабабка детей И. Л. Толстого, Софья Ивановна Писарева — будущая Раевская — была, по словам Т. А. Кузминской, «близкий друг деда» (т. е. Александра Михайловича Исленьева — деда сестер Берс по материнской линии) и даже выручала его деньгами в моменты карточных неудач (Там же. С. 40). Воистину, какой-то замкнутый круг получается. Именно в нем по большей части Лев Николаевич и черпал человеческий материал для своего романа.

Но вернемся к «Карениной» и приведем еще одну деталь, обнаруживающую новую и прямую связь отдельных героев романа с непосредственным окружением наших Раевских. Удивительно, но и она как бы вплетается в тот же самый географический контекст. Речь в данном случае идет об образе Яшвина, который «был в полку лучший приятель Вронского» (т. 18, с. 186). Этот гвардейский ротмистр, а затем и полковник, носил явно говорящую фамилию. Ведь всем очевидно, что Яшвин — не кто иной, как Яшвиль. Спрашивается, имел ли кто-нибудь из членов дворянского рода Яшвилей хоть какое-то отношение к Раевским вообще и убиенному в Сербии, в частности? Имел и самое непосредственное.

В 1847 г. дочь декабриста, генерал-майора Михаила Федоровича Орлова, и его супруги Екатерины Николаевны (в девичестве Раевской — родной сестры Н. Н. Раевского 2-го) Анна Михайловна вышла замуж за князя Владимира Владимировича Яшвиля (1815-1864), который, следовательно, хотя и был много старше нашего Николая Николаевича, приходился ему двоюродным зятем. Князь Яшвиль сделал успешную военную карьеру. Флигель-адъютант, а позднее Свиты Его Величества генерал-майор, он с конца 1858 г. командовал лейб-гвардии Гусарским полком. И именно он в 1863 г. уговорил братьев Раевских, окончивших к тому времени Университет, поступить к нему в полк, который, как предполагалось, должен был отправиться в восставшую Польшу^{33*}.

Не отсюда ли и проистекает та, почти родственная привязанность Вронского к Яшвину, которую Толстой демонстрирует на протяжении всего романа. Они ведь и в Сербию поехали вместе, но, правда, по разным причинам. Очевидно, что автор «Карениной» был наслышан о В. В. Яшвиле, своем очередном *земляке* (к его жене по наследству от матери перешло старинное родовое село Раевских — Якимовское, Каширского уезда Тульской губернии^{34**}), что и отразил в художественной форме.

Подводя итог нашему экскурсу в географию, заметим, что, «Анна Каренина» — это воистину «наиболее *тульский* из всех романов Толстого», как точно выразился один из исследователей его творчества^{35...}

* В посмертной биографии младшего брата Н. Н. Раевского — Михаила Николаевича, составленной из сведений, сообщенных его вдовой, читаем: «Пристрастившись к астрономии, он думал отдаться ученой карьере и со временем занять кафедру в Московском Университете. Но вышло иначе. Родственник Раевских, князь Яшвиль, командовавший в то время лейб-гусарским полком, напоминая М. Н. и его брату Н. Н. доблести их деда и отца, увлек обоих братьев поступить в полк...» (М. Н. Раевский (Биографический очерк) // *Раевский М. Н.* Плодовая школа и плодовый сад. Руководство к культуре плодовых деревьев в южной половине России. Издание 7-е. СПб., 1914. С. XV).

** Село Якимовское еще в 1736-1737 гг. приобрел бригадир Семен Артемьевич Раевский. Затем, через полковника Н. С. Раевского, бородинского героя Н. Н. Раевского 1-го и Е. Н. Орлову, оно перешло к А. М. Яшвилю — двоюродной сестре Н. Н. Раевского 3-го.

***

Ну, а теперь пришла, наконец, пора обратиться к давно обещанному сюжету, а именно – к «наружности» персонажей. Имеющегося в романе и его черновиках материала, думается, хватит, чтобы провести хотя бы беглое физиономическое исследование образа Вронского и сравнить полученный результат с известными изображениями того, кого мы считаем его прототипом.

Начнем с того, что толстовский герой, несмотря на свою молодость, был лыс – «Вронский действительно преждевременно начинал плешиветь» (т. 18, с. 189). В ранних редакциях романа эта особенность его внешности выражена еще более явственно. «Однако, как ты оплешивел, – сказал Степан Аркадьич, – глядя на его почти голую прекрасной формы голову и короткие черные, курчавившиеся на затылке волосы» (т. 20, с. 27). Автор, как видим, уточняет, что лысеть Вронский начал со лба, а не с макушки, что для нас немаловажно. И далее о том же: «Иван Балашов надвинул прямо с затылка на лысину свою фуражку и вышел, разминаясь ногами» (т. 20, с. 30). Этот-то его *черновой* портрет (в окончательном тексте такие детали отсутствуют) мы и сопоставим с фотографиями Раевского. Всего их две. На более ранней он снят в лейб-гусарской венгерке со шнурами, на другой, сделанной уже в Белграде, – в двубортном сюртуке с эполетами. На голове в обоих случаях кепи французского типа (именно такой головной убор, по Уставу, должен был носить и Вронский). Очевидно, что Раевский любил одевать его набекрень, и это облегчает нашу задачу. И что же мы видим? Из-под верхнего обреза фуражки (особенно это заметно при развороте головы на белградский манер) не выбивается ни одной пряди, высокое чело офицера девственно чисто... На наш взгляд, похож.

Вторая деталь внешности, также гораздо больше говорящая о сходстве героев, чем всякие там абстракции о лице типа: «красивое», «твердое», «выразительное» (все это есть у Толстого применительно к облику Вронского), – это борода. В романе он бородат, но как-то неодинаково на всем его протяжении и в сравнении с черновиками. Ощущение такое, что, чем ближе к развязке, тем пристальнее всматривается автор, при изображении лица Вронского, в некий вполне конкретный портрет. В чей же? И когда он мог его видеть?.. Ответить на эти вопросы мы предполагаем в русле рассмотрения судеб Раевского и Вронского, связанных уже с Сербской войной. К ним, исчерпав все пункты «классификации» Т. А. Кузминской, мы теперь и обратимся.

Примечания

¹ Порочкина И. М. Л. Н. Толстой и славянские народы. Л., 1983. С. 143.

² Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 482.

³ Там же.

⁴ Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 2000. С. 87.

⁵ Моисеева Г. Н. Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (Олитературном прототипе) // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 196-199.

⁶ Государственный Архив Тульской Области (далее – ГАТО). Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 7.

⁷ Исследователь творчества Л. Н. Толстого Э. Г. Бабаев также указывает: «Если бы ко времени, когда Толстой заканчивал “Анну Каренину”, не началась война в Сербии, которая как бы случайно вошла в роман, то возможно, что в последней части была бы изображена война в Туркестане» (*Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Тула, 1975. С. 72.).

⁸ Воспоминания В. А. Полторацкого // Исторический вестник. 1895. Т. LX. № 4. С. 99.

⁹ Там же.

¹⁰ Череванский В. П. Нечто о странном человеке // Исторический вестник. 1895. Т. LXII. № 11. С. 657... Этот вывод очевидца подтверждают и специалисты (См., например: *Лунин Б. В.* Николай Раевский – жизнь и деятельность (Из истории хлопководства и культурной жизни в Узбекистане 70-х годов XIX века) // Общие науки в Узбекистане. 1977. № 8. С. 46-56).

¹¹ Лунин Б. В. Николай Раевский – жизнь и деятельность... С. 50-53.

¹² Шкловский В. Лев Толстой. М., 1963. С. 676; *Раевский С. П.* Семья Раевских // Ясная Поляна. 2000. № 1. С. 310-311.

¹³ Новиков А. М. Л. Н. Толстой и И. И. Раевский // О Толстом. Международный толстовский альманах. М., 1909. С. 186.

¹⁴ См.: *Давыдов Н. В.* Из прошлого. М., 1913. С. 282; *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне... С. 245; *Толстой И. Л.* Мои воспоминания... С. 242; *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 144.

¹⁵ Булгаков В. История дома Льва Толстого в Москве // Летописи Государственного литературного музея. М., 1948. Кн. 12. С. 529, 540.

¹⁶ *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне... С. 245.

¹⁷ Род Раевских герба Лебедь. Составил Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908. С. 78.

¹⁸ См.: *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III (XII). Родословец. Материалы. Ч. VI. М., 1909. С. 521-523 и далее.

¹⁹ *Раевская Е. И.* Л. Н. Толстой среди голодающих // Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. 2. С. 374.

²⁰ *Оболенский Д. Д.* Отрывки (Из личных впечатлений) // О Толстом. Международный толстовский альманах... С. 240. См. также: *Раевский С. П.* Семья Раевских... С. 310.

- ²¹ Архив Раевских. Пг., 1915. Т. V. С. 19; *Черноятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III (XII). Родословец. Материалы. Ч. VI. С. 523.
- ²² См.: *Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе)... С. 200-204.
- ²³ *Новиков А. М.* Л. Н. Толстой и И. И. Раевский... С. 194.
- ²⁴ *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых... С. 133.
- ²⁵ Там же. С. 141.
- ²⁶ ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1890. Л. 11.
- ²⁷ Там же. Л. 7, 13.
- ²⁸ См. также: *Раевский С. П.* Пять веков семьи Раевских // Дворянское собрание. Историко-публицистический и литературно-художественный альманах. № 9. М., 1998. С. 171-172.
- ²⁹ *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых... С. 137.
- ³⁰ *Оболенский Д. Д.* Отрывки (Из личных воспоминаний)... С. 240.
- ³¹ *Раевский С. П.* Семья Раевских... С. 311.
- ³² Там же. С. 292.
- ³³ Архив Раевских... Т. V. С. 64, 70.
- ³⁴ См.: Род Раевских герба Лебедь... С. 41; Архив Раевских... Т. V. С. 20, 27.
- ³⁵ *Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого... С. 226.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ): СУДЬБА

Первая Сербско-турецкая война 1876 г. (или *Сербская*, как тогда говорили в России) и сопровождавшее ее движение добровольцев оказали непосредственное влияние на эпилог «Анны Карениной» – граф Алексей Вронский вместо Туркестана отправляется умирать в Сербию... И здесь должно заметить, что сам Толстой не принял этой войны. По словам супруги писателя, Софьи Андреевны (из ее письма сестре, Т. А. Кузминской), «Левочка странно относился к сербской войне; он почему-то смотрел на нее не так как все, а с своей личной религиозной точки зрения»¹. Не принял он и добровольческого движения, трактуя его «как одно из постоянно сменяющихся модных увлечений праздного так называемого высшего общества»². Очевидно, что, исходя из собственной философии истории, Толстой крайне поверхностно оценил как события на Балканах, так и отношение к ним в России, попросту их не разумея. Чего, однако, не постыдился признать. «Хорошо тем, которым все это ясно...», – писал он 12 ноября 1876 г. А. А. Фету (т. 62, № 292). Впрочем, это была его универсальная черта, как человека, размышляющего о всякой сфере жизни и мысли. Ю. М. Лотман пишет то же самое о литературе: «Л. Толстой не понимал Шекспира и имел смелость в этом признаться»³.

Итак, *не понимать вообще и отвергать* – две различные позиции, фиксируем это для себя. Если бы мы не делали такой разницы, то пришлось бы согласиться с нашей оппоненткой, вынесшей весьма жесткий и однозначный вердикт: «Вронский, скрепя сердце, фатально, движимый отнюдь не высокими материями, а побуждениями сугубо личными, отправляется на балканский театр военных действий спасать “братьев славян”. Толстой своему герою не симпатизирует»⁴. Все как будто очень просто. Но почему-то такая одномерность не убеждает до конца. И рука сама тянется к тому переписки Л. Н. Толстого с Николаем Николаевичем Страховым – единомышленником, соратником, глубоким интерпретатором его произведений. «Вронский для Вас всего труднее, – писал Страхов своему адресату, еще во время работы того над “Карениной”, – Облонский всего легче»⁵... Далее, при анализе, мы постараемся руководствоваться как раз этим, лишенным привычных черно-белых характеристик, подходом.

Но для начала проследим динамику финальной стадии работы Толстого над романом. Невероятно, но факт – именно нелюбимая им Сербская война во многом спровоцировала всплеск вдохновения; она же дала конечное направление развитию сюжета. Мы отдаем себе отчет в том, что

данный вывод весьма непривычен для традиционного толстоведения, однако, опираясь на факты, все же позволим себе настаивать на этом. Г. Н. Моисеева пишет: «Очевидно, что в то время, когда Л. Н. Толстой заканчивал работу над последней частью “Анны Карениной”, он уже знал, что его герой – Алексей Вронский – погибнет на Балканах»⁶. Знать-то знал, здесь нет никаких сомнений, вот только когда он так решил? Смеем утверждать, что отнюдь не в момент завершения работы «над последней частью» романа, а гораздо раньше. Факты – private записи Толстого и его близких – перед нами.

Мы уже говорили, что сначала судьба Вронского должна была решиться в Туркестане – автор посылал его туда. Но что-то произошло, и герой был отправлен умирать в Сербию. Что же? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать психологический настрой писателя – хорошо известно, что примерно с 1875 г. его творческая работа шла крайне тяжело: смерть ребенка, любимой тетушки, кризис не могли не подкосить. А роман, тем временем, уже печатался в катковском «Русском вестнике». В начале сентября 1876 г. Толстой отбыл в свое самарское имение, дабы отдохнуть – в том числе и «от всей этой сербской бессмыслицы» (т. 62, № 274). Его состояние было жутким. Старший сын, Сергей Львович вспоминал: «15 сентября мать писала своей сестре: “Левочка постоянно говорит, что все кончено для него, скоро умирать, ничего не радует, нечего больше ждать от жизни”»⁷. 20 сентября он вернулся в Ясную Поляну⁸. И что же? Пошла ему на пользу поездка? Как сказать... 10 октября Софья Андреевна извещала сестру о том, что «Левочка за писание свое не взялся, и меня это очень огорчает»⁹. Два дня спустя то же самое – запись в дневнике об унылом, апатичном настроении супруга¹⁰. Все так тянулось и далее, столь же безрадостно. Вплоть до поездки Толстого в Москву.

8 ноября он отправился в Белокаменную, где пробыл до 10 числа.¹¹ Что двигало им? В письме Фету мы находим ответ: «Ездил я в Москву узнавать про войну. Все это волнует меня очень» (т. 62, № 292). Комментируя данное выражение, большинство авторов полагает, что речь шла о «назревавшей войне с Турцией»¹². Вроде бы да, но не все так просто. И в этой связи заглянем в письмо Н. Н. Страхову от 12–13 ноября – важнейший для нас документ. В нем Толстой не только повторил уже известные мотивы своего путешествия, но и дал новую оценку балканским событиям. Итак: «Был на днях в Москве только за тем, чтобы узнать новости о войне. Все это очень волнует меня. Теперь вся ерунда сербского движения, ставшая историей, прошедшим, получила значение. Та сила, которая производит войну, выразилась преждевременно и указала направление» (т. 62, № 294).

Этот адресованный другу пассаж весьма многозначен. Здесь писатель впервые наделил «сербскую ерунду» немалым смыслом в контексте военных приготовлений России, связав и то, и другое в неразрывное целое. Вооруженная борьба сербов с турками, хотя и закончившаяся поражением, *получила значение*. Она же *указала направление*. И, думается, не одной только русской политике, но и продолжению романа, ведь Толстой реагировал на события прежде всего как художник и лишь затем как политический наблюдатель. Московские впечатления, таким образом, выраженные в послании Страхову с четкостью формулы, привели к повороту сюжета. И судьба графа Вронского была решена¹³.

Данное заключение подтверждается тем еще, что именно после Москвы Толстой преобразился. И как! Ушла апатия, вырос тонус и пошло писание, словно плотину какую прорвало. Все стало ясно — и с войной, и с романом.

Снова откроем его письмо Страхову: «Приехав из Самары и Оренбурга, вот скоро два месяца, я думал, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу — окончание романа — и возьмусь за новое; и вдруг вместо этого всего ничего не сделал. Сплю духовно и не могу проснуться. Не здоровится, уныние. Отчаяние в своих силах... Думать даже, и тому нет энергии. Или совсем худо, или сон перед хорошим периодом работы» (там же). Напомним, это писано автором через два дня после возвращения в Ясную; хорошо видно, *что* с ним творилось до поездки. Но мозг уже работает, переваривая Москву, ее впечатления. И брезжит надежда — может, то был «сон перед хорошим периодом работы»? ... Буквально следующий день внес перелом, сменив вопрос утверждением.

20 ноября Софья Андреевна записала в дневник: «Всю осень он говорил: “Мой ум спит”, и вдруг неделю тому назад (т. е. как раз тринадцатого. — А. Ш.) точно что расцвело в нем: он стал весело работать и доволен своими силами и трудом»¹⁴. И сам Толстой начал вдруг извещать приятелей о переменах в себе. 17-18 ноября он писал Страхову: «Я немножко ожил, дорогой Николай Николаевич, и перестая презирать себя». Понятно, что речь шла не только о физическом состоянии, но и о «творчестве, которое, льщу себя надеждой, что нашло на меня эти последние дни» (т. 62, № 296). 6 декабря — ему же: «Я, слава Богу, работаю уже несколько времени, и потому спокоен духом» (№ 297). На следующий день — Фету:

---

¹³ 11 ноября Софья Андреевна писала Т. А. Кузминской: «Левочка совсем не пишет, в унынии, и все ждет, когда уяснится у него в голове и пойдет работа...» (Цит. по: Гудзий Н. К. История написания и печатания «Анны Карениной» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1939. Т. 20. С. 622).

«Я понемножку начал писать и доволен своей судьбой» (№ 298). 10 декабря — опять Фету: «Работа моя идет хорошо и готово почти на книжку (“Русского вестника”. — А. Ш.)» (№ 299). О ту же пору — брату, Сергею Николаевичу: «Я долго не мог наладиться, а теперь поехало, и это очень радостное чувство» (№ 300). И, наконец, С. А. Толстая — этот наиболее чуткий барометр состояния мужа — успокоенно сообщала сестре в письме от 9 декабря: «“Анну Каренину” мы пишем наконец-то по-настоящему, т. е. не прерываясь. Левочка оживленный и сосредоточенный, всякий день прибавляет по новой главе»¹⁵.

О том, сколь высок был этот творческий взлет, Толстой проговорился сам. Много позже, в беседе с писателем С. Я. Елпатьевским, узнав, что тому было сорок восемь лет, он заметил: «Сорок восемь!.. Самое лучшее время моей работы. Никогда так не работал... “Анну Каренину” писал»¹⁶...

Начало такой его работе положила поездка в Москву. Она же, повторимся, окончательно скорректировала сюжет романа, придав финалу сербский колорит. Впрочем, иначе и быть не могло; только в столице Толстой мог ознакомиться со всеми обстоятельствами смерти Раевского, равно как и с деталями его миссии вообще — осенью 1876 г. они широко освещались в русской печати. О том же, что, вырвавшись из своего захолустья, писатель штудировал прессу, свидетельствует и ответ Страхова на известное письмо. Анализируя приведенную в нем «формулу Толстого», он писал: «Не сумел бы я так хорошо выразить, как Вы, впечатление от газет, но чувствую, какая правда Ваши слова»¹⁷.

Добавим, что, кроме этих самых газет, в России издавались и многочисленные иллюстрированные журналы. Так вот, по крайней мере в трех из них — «Всемирной иллюстрации», «Пчеле» и «Ниве» — обширные статьи-некрологи сопровождалась портретами Раевского. Его лик стал знаменит. На портретах (их мы вкратце уже касались) — мужественное лицо, голый лоб под сдвинутой на одно ухо фуражкой и густая борода. Спрашивается, мог ли Толстой не заметить этих изображений? Думается, вряд ли. Но тогда, может быть, они как-то отразились в «наружности» Вронского? Текст романа дает возможность поразмыслить и об этом, тем более, что мы обещали вернуться к вопросу о его бороде.

***

О плешивости Вронского, почему-то упорно не замечаемой ни театральными, ни кинорежиссерами, выше уже говорилось, но это явление скорее генетическое и имеет объективный характер. Борода же — дело другое. Носить ее или не носить, а если носить, то какую — всецело во власти субъекта. Толстовский герой бороду носил, но, как мы уточнили,

не всегда и неодинаковую. Интересно почему? Разложим все по полочкам. Согласно окончательной версии романа, Вронский сначала бреется (автор дважды упоминает об этом): его «свежевыбритый подбородок» фигурирует во время описания визита к Щербацким (т. 18, с. 55); в другой же раз, наоборот, он садится к столу приводить свои дела в порядок, «не бреясь и не купаясь» (т. 18, с. 319). Заметим, что оба эти упоминания относятся к первой и третьей частям романа, которые писались еще до «сербской ерунды».

Но далее, спустя несколько сотен страниц, Вронский — уже с бородой. Мы видим его такого при встрече с Анной в Воздвиженском после возвращения с дворянских выборов: «Ну, я очень рад. А ты здорова? — сказал он, отерев платком мокрую бороду и целуя ее руку» (т. 19, с. 244). Где об этом пишет Толстой? В последней, тридцать второй главе шестой части. Когда она писалась? Зимой 1876-1877 гг., т. е. после возвращения автора из Москвы, поскольку хорошо известно, что начинался его творческий подъем середины ноября с работы над двадцатыми главами части пятой. 20 ноября Софья Андреевна зафиксировала в дневнике: «Сегодня, не пивши еще кофе, молча сел за стол и писал, писал более часу, переделывая главу: Алексей Александрович в отношении Лидии Ивановны и приезд Анны в Петербург»¹⁸... Решительный вывод явно напрашивается. Однако, пока удержимся и постараемся сделать его еще более убедительным. Для чего необходимо заглянуть в черновики.

Весь фокус заключается в том, что в первоначальных редакциях романа, когда речь идет о бороде Вронского, она у него всегда подстрижена, что легко показать. При посещении Щербацких: «... и борода, хотя свежеевыбритая, синела по щекам и подбородку» (т. 20, с. 27). Первое впечатление Анны: «Ее поразила вся фигура Удашева. И поразила приятно. Она не помнила, видела ли она когда-нибудь таких маленьких, крепких, с черной щеткой бороды, спокойных и джентльменов» (т. 20, с. 71). И далее еще одно: «Но эти неизменяющиеся, твердо блестящие глаза. И эта частая щетка бритой бороды на широких скулах» (т. 20, с. 668). *Такая борода «не мокнет», ее не нужно «вытирать платком».*

Ну, а теперь и решительный вывод: обрамление автором дотоле бритого лица Вронского *окладистой* бородой, на наш взгляд, совсем не случайно. Хронология и воспроизведенные отрывки черновиков позволяют предположить, что сделал он это намеренно, под впечатлением знакомства с посмертным портретом Раевского — в Москве, в ноябре 1876 г. «Наружность» героев, таким образом, окончательно совпала...

И последняя деталь, прямо, как нам кажется, подтверждающая общность судеб полковника Раевского и графа Вронского. Известно, что

последний, отправляясь в Сербию, «не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет» (т. 19, с. 356). Деталь, заметим, ключевая и крайне много говорящая о характере Вронского, в которой, как в зеркале, отражена его суть и наши представления о нем. Но об этом чуть позже, сейчас о другом. А именно, нет ли и здесь какой-нибудь связи с поведением реального волонтера? Если просмотреть публикации, помещенные вместе с его изображениями в целом ряде изданий, то она явно прослеживается. И пусть не в буквальной форме, но по духу. Так, в номере «Всемирной иллюстрации» от 11 сентября, помимо всего прочего, читаем: «Увидя, что война принимает серьезный оборот, он (Раевский. — А. III.) поспешил уехать в Сербию, причем взял с собой до 50. 000 рублей серебром, для раздачи нуждающимся офицерам»¹⁹. В «Ниве» от 27 сентября та же информация: «Николай Николаевич увез с собой в Сербию 50. 000 рублей для оказания помощи нуждающимся».²⁰

Так ли оно было на самом деле, или это — красивая легенда, мы проверить не можем, что, впрочем, не столь уж важно (этических воззрений Раевского в связи с отъездом на войну мы еще коснемся — и они точно соответствуют такому подходу). Но о том, что в видоизмененной форме эта журнальная версия отразилась в тексте завершающих глав, можно думать, говорить с немалой уверенностью.

***

Завершая наши размышления о судьбах Раевского и Вронского, зададимся дилетантским вопросом: а почему, собственно, автор вообще послал своего героя в Сербию? Ведь в момент написания эпилога романа у него уже был выбор для решения вопроса, куда отправить Вронского на погибель — начиналась Русско-турецкая война. Сын писателя Илья Львович вспоминал: «Когда отец работал уже над восьмой частью “Анны Карениной”, в России шла турецкая война»²¹. И Софья Андреевна, через три дня после объявления Манифеста о ней, извещала сестру, что Лев Николаевич «пишет эпилог к “Анне Карениной”»²²... Хорошо, пусть не на войну, но хотя бы в действующую армию он ведь мог его направить, ибо решение о частичной мобилизации было принято еще 1 ноября. Тем более, что и наглядный пример был под рукой: родной брат А. А. Фета, Петр Афанасьевич Шеншин, побывавший и в Герцеговине, и в Сербии, в январе 1877 г. поступил волонтером в казаки — тогда отдельные части русской армии «на всякий случай» концентрировались в Молдавии²³. Толстой же крайне интересовался его судьбой, постоянно запрашивая о нем Фета. «Что Петр Афанасьевич? Нет ли известий?» — писал он ему, к примеру, 12 января (т. 62, № 304).

Как видим, варианты были, простор для авторского маневра имелся, а потому твердый выбор Балкан для финала в который уже раз доказывает тот тезис, что чаша сия никак и не могла миновать Вронского, поскольку туда уехал и оттуда не вернулся его «верный» прототип.

Существует, однако, иная версия. Мы уже упоминали о попытке мотивировать «фатальный, скрепя сердце», отъезд Вронского тем, что «Толстой своему герою не симпатизирует»²⁴. «По мысли Толстого, — комментирует детали его отправки в Сербию другой автор, — это предел духовного падения человека, его нравственная смерть»²⁵. И, наконец, Толстой «наказывает возлюбленного Анны», заставляя «бороться за дело, бессодержательность которого разоблачена в романе устами Константина Левина», и посылая «с эскадромом, на вербованным за собственный счет, сражаться за “братьев-славян”». Из этого следует, что «Вронский в конце романа не просто жалок, но и смешон»²⁶... Итак, Сербия — это своего рода позорный столб, к которому в финале Толстой пригвождает духовно павшего и жалкого Вронского. Добровольческое же движение — оперетта, заслуживающая не только осуждения, но и осмеяния. И Левин в этом деле — рупор писателя. Как же, «в романе Левин относится с осуждением к этому добровольческому движению и даже с некоторой насмешкой, в которой выражается взгляд Толстого»²⁷. Сплошное морализаторство, одним словом.

Что на это ответить? Вспомним здесь Н. Н. Страхова — «Вронский для Вас всего труднее...». Почему? Да потому, что его образ сложнее всех — он *неопределим*²⁸, т. е. не сотворен раз и навсегда, но по ходу романа снова и как бы заново творится, причем не только в саморазвитии, но и в отношении к нему автора. Это, на наш взгляд, тот персонаж, превратить который в олицетворение отвлеченного начала возможно менее всего. А раз так, то и живет он по своим, чисто *человеческим* законам, не вписываясь в привычную черно-белую схему, в заданный ряд симпатий и антипатий писателя. Один из близких знакомых Толстого, Г. А. Русанов, вспоминал, как в 1883 г. тот обронил: «Вообще, герои и героини мои делают иногда штуки, каких я не желал бы; они делают то, что *должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни*, а не то, что мне хочется (выделено нами. — А. Ш.)»²⁹. И более всего, думается, это вскользь брошенное признание относится как раз к «Карениной», где,

---

²⁴ 23 апреля 1876 г. Л. Н. Толстой писал Н. Н. Страхову: «Глава о том, как Вронский принял свою роль после свидания с мужем, была у меня давно написана. Я стал поправлять ее, и совершенно для меня неожиданно, но несомненно, Вронский стал стреляться. Теперь же для дальнейшего оказывается, что это было органически необходимо...» (Цит. по: *Шкловский В. Лев Толстой*. М., 1963. С. 492).

в отличие от других произведений, «авторская оценка героев и их поступков сведена к минимуму»³⁰.

Тот же подход справедлив и в отношении финала — далеко не все так просто с проводами Вронского на Балканы, да и с самим Толстым, когда он пишет о них. С одной стороны, герой-действительно уезжает с Яшвиным, который «все проиграл и собрался в Сербию» (т. 19, с. 360). Но с другой — он ведет с собой целый эскадрон. Как-то нелогично получается. Почему в своем порыве Вронский жалок, смешон и даже нравственно мертв? Из чего это следует? Трудно сказать, и потому никак не отпускает ощущение какой-то заданности, желания додумать за автора. Отметим здесь всего три момента, причем, без всякого намерения кому-то что-то доказать — *любая* субъективная позиция (и наша в том числе) отнюдь не бесспорна.

Во-первых, тот же эскадрон. В этой детали, а она совсем не случайна (Толстой повторяет ее трижды), органично проявилась характернейшая черта Вронского — ко всему относиться серьезно. Поездка в Сербию — не шаг отчаяния³¹, не попытка заработать славу или скрыться от кредиторов. Для Вронского — это *дело*. Несмотря ни на что. В плане эпилога писатель прямо говорит: «Вронский угрюмый. Жизнь моя мне не нужна, так отдать ее за дело» (т. 20, с. 12). Перед нами еще один пример цельности героя, каковую мы не раз уже в нем отмечали. Даже в экстремальных условиях он не изменяет себе. «Я никогда не любила его. Но это выкупает многое. Он не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет», — говорит старая княгиня Сергею Ивановичу Кознышеву (т. 19, с. 356). И нам почему-то кажется, что слова Ее Сиятельства окрашены авторским настроением.

Во-вторых, сам Вронский в контексте добровольческого движения, которое под пером Толстого действительно выглядит крайне непривлекательно. На фоне молодого купчика, промотавшего все свое состояние; вчистую проигравшегося Яшвина; недоучки артиллериста; или «солдата бессрочного, пьяницы и вора, которого никто уже не брал в работники», Вронский, с его «постаревшим и выражавшим страдание лицом» (т. 19, с. 356), подлинно трагичен. И потому, источая неприкрытый сарказм при описании путешествия добровольцев (что постоянно «прикладывались к фляжке дорогой»), автор не проронил ни слова насмешки в его адрес. Он даже едет как-то подчеркнuto сепаратно, в отдельном купе, демонстрируя свою полную отстраненность — причем не только от новых «соратников», но и от писателя с его отношением к ним. Так, выбившись из заданной системы предпочтений, герой продолжает жить своей собственной жизнью. Прав коллега-историк, заметивший, что война на Балканах — «это выбор именно Вронского, а не Толстого»³².

И, в-третьих, «разоблачение» Константином Левиным «бессодержательности» Сербской войны. Спор в Покровском – мировоззренческий акцент в эпилоге. И здесь многочисленные комментаторы романа совершенно правы. Вот только чем он завершается? И о чем вообще идет речь? За всеми затронутыми в том разговоре сюжетами – славянским вопросом, добровольцами, помощью сербам и отношением к этому народа, – на которые Левин смотрит глазами типичного либерала-изоляциониста («непосредственного чувства к угнетению славян нет и быть не может»), что вполне соответствовало настроениям одного из сегментов русского общественного мнения, угадывается глобальная проблема – проблема войны в целом. Именно в подходе к ней более всего проявилась личная позиция Толстого, а, точнее, столь свойственные ему тогда сомнения и колебания.

« – Но ведь не жертвовать только, а убивать турок, – робко сказал Левин. – Народ жертвует и готов жертвовать для своей души, а не для убийства, – прибавил он, невольно связывая разговор с теми мыслями, которые так его занимали...

– “Я не мир, а меч принес”, говорит Христос, – с своей стороны возразил Сергей Иванович, просто, как будто самую понятную вещь, приводя то самое место из евангелия, которое всегда более всего смущало Левина» (т. 19, с. 391).

И все, спор как-то быстро свернулся упоминанием о том, «что тучки собрались и что от дождя лучше идти домой» (т. 19, с. 392). Никто никого в своей правоте не убедил, так где же «разоблачение»? Потом Константин Дмитрич по инерции еще долго размышлял, сплетя целую сеть аргументов, призванных подкрепить его пацифизм. Но «все это были мысли, которые ничего не могли решить», т. е. *доказать* всю ущербность мнения оппонентов. «Нет, мне нельзя спорить с ними, – подумал он, – на них непроницаемая броня, а я голый» (т. 19, с. 392).

Этот неуверенный подход Левина, эта неготовность, если не боязнь, открыто его высказать и защитить, отражали то двойственное отношение к войне, которое в период написания эпилога «Карениной» испытывал сам Толстой. Война-то ведь уже шла. И что мы видим – ее отрицание? Ничуть не бывало. Через несколько дней после объявления царского манифеста Софья Андреевна пишет сестре: «Левочка... говорит, что война настоящая и трогает его»³³. Еще неделю спустя, в письме к А. А. Толстой, писатель лично делится своими ощущениями: «Как мало занимало меня сербское сумасшествие и как я был равнодушен к нему, так много меня занимает настоящая война и сильно трогает меня» (т. 62, № 326). Старший сын, Сергей Львович, фиксирует в мемуарах тот же настрой: «Турецкая война была в полном разгаре, и отец горячо ею интересовался»³⁴.

Со временем интерес этот перешел в тревогу и беспокойство, настолько сильное, что Толстой был вынужден на время оставить обычные занятия. 12 сентября супруга записала в дневник: «Л. Н. говорит: “Пока война, ничего не могу писать, так же, как если пожар в городе, то нельзя ни за что браться, и все тянет туда...”»³⁵. И ведь действительно тянуло. Мало кто знает, что он сам чуть было не отправился на фронт («убивать турок», надо полагать), на те же Балканы, которые так сильно не любил, но куда год назад послал своего героя. Лишь с огромным трудом Софья Андреевна уговорила не ехать*...

Итак, что касается эпилога, то очевидно одно – и с Вронским, и с Левиным все совсем не так просто и однозначно, как это представлено в большинстве литературоведческих трудов. Ведь на поверку оказалось, что в финале романа Вронский не только не смешон и не жалок, но даже «нравственно жив», поскольку он делает то, что «должен делать в действительной жизни». Искать же здесь какие-то осудительные подтексты и приговоры – занятие непродуктивное. Тем более, что и его реальный прототип из «действительной жизни» нам прекрасно известен. Об этом, думается, уже можно говорить с полной уверенностью.

Именно к нему – Николаю Николаевичу Раевскому – мы, наконец, и вернемся. Познакомившись выше с его краткой биографией и отметив некоторые черты деятельного и крайне динамичного характера, постараемся теперь проникнуть глубже, т. е. выйти на уровень мотивации его поступков.

---

* Журналист суворинского «Нового времени» Алексей Ксюнин, побывав в Ясной Поляне сразу после похорон Толстого, записал разговор с вдовой. В нем, помимо всего прочего, «вспомнили войну».

«– Вы вероятно не знаете, – говорит Софья Андреевна, – ведь Лев Николаевич хотел идти в ряды армии в Турецкую войну. “Вся Россия там, и я должен идти...”». Каких только трудов стоило уговорить его, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России...» (*Ксюнин А. Уход Толстого. СПб., 1911. С. 36*).

Примечания

- ¹ Цит. по: Гусев Н. Н. Жизнь Льва Николаевича Толстого. Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862-1877). М., 1927. С. 264.
- ² Бирюков П. И. Л. Н. Толстой. Биография. Берлин, 1921. Т. 2. С. 223.
- ³ Лотман Ю. М. Люди и знаки // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 7.
- ⁴ Порочкина И. М. Л. Н. Толстой и славянские народы. Л., 1983. С. 142.
- ⁵ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870-1894. СПб., 1914. С. 81.
- ⁶ Моисеева Г. Н. Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность. СПб., 1981. С. 199.
- ⁷ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1968. С. 51.
- ⁸ Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. М., 1958. С. 460.
- ⁹ Цит. по: Гудзий Н. К. История написания и печатания «Анны Карениной» // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1939. Т. 20. С. 622.
- ¹⁰ Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860-1891. М., 1928. С. 106-107.
- ¹¹ Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. С. 461.
- ¹² См.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 62. С. 289 (примечание к документу 292); Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. С. 461; Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 143 и др.
- ¹³ В. Шкловский давно почувствовал такую прерывистость «Анны Карениной»: «Роман недаром появлялся с перерывами: это не только перерывы работы, это поиски новых решений...» (Шкловский В. Лев Толстой. М., 1963. С. 493).
- ¹⁴ Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860-1891. С. 37.
- ¹⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений... Т. 62. С. 294 (примечание к документу 297).
- ¹⁶ Елпатьевский С. Я. Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1960. Т. 2. С. 184.
- ¹⁷ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870-1894. С. 95.
- ¹⁸ Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860-1891. С. 37.
- ¹⁹ Всемирная иллюстрация. № 402. 11 сентября 1876 г. С. 194.
- ²⁰ Нива. № 39. 27 сентября 1876 г. С. 652.
- ²¹ Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 2000. С. 158.
- ²² Цит. по: Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828-1890. С. 472.
- ²³ Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 2. С. 324.
- ²⁴ См. примечание 4.
- ²⁵ Бабаев Э. Г. Роман и его время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Тула, 1975. С. 47.
- ²⁶ Старчаков А. Предисловие // Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.-Л., 1928. Т. 1. С. XV-XVI.
- ²⁷ Бирюков П. И. Л. Н. Толстой. Биография. Т. 2. С. 223.

²⁸ Этот исключительно точный, применительно к характеристике героев Толстого, термин предложил еще в 1908 г. молодой Корней Чуковский. Именно данное их качество, по его мнению, часто приводит к тому, что «с ними очень трудно различным специалистам по российской словесности» (*Чуковский К. И.* Толстой как художественный гений // Ясная Поляна. 2000. № 1. С. 359-360).

²⁹ *Русановы Г. А. и А. Г.* Воспоминания о Л. Н. Толстом. Воронеж, 1972. С. 31.

³⁰ *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 г. М., 1963. С. 299.

³¹ Биограф писателя П. И. Бирюков пишет: «В последней части, как известно, Толстой ... рассказывает о судьбе Вронского, в отчаянии отправившегося добровольцем в Сербию с целым отрядом кавалерии, сформированным на его счет» (*Бирюков П. И.* Л. Н. Толстой. Биография. Т. 2. С. 222). *В отчаянии* вообще-то эскадрон за свой счет не формируют. Одно с другим здесь явно не сходится.

³² *Секеринский С.* Барское дело // Родина. 1998. № 5-6. С. 100.

³³ Цит. по: *Гусев Н. И.* Жизнь Льва Николаевича Толстого. Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862-1877). С. 264.

³⁴ *Толстой С. Л.* Очерки былого. С. 54-55.

³⁵ Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860-1891. С. 39.

УБЕЖДЕНИЯ

Так кто же он был? Что двигало им в его постоянной «охоте к перемене мест»? И что привело, наконец, в Сербию, откуда живым он уже не вернулся?

Понять внутренний мир Раевского и разобраться в его порывах позволяет прекрасная психологическая зарисовка, сделанная знаменитым пушкинистом Б. Л. Модзалевским. Представив в контрастном свете черты двух братьев, он «слепил» в ней привлекательные, каждый по-своему, образы обоих. Итак: «Вообще говоря, романтическая, исполненная исканиями жизнь Н. Н. Раевского выступает ярче, чем фигура его младшего брата — более уравновешенного и спокойного по своему характеру Михаила. Идеалист, мечтатель, поэт и музыкант, он остается как-то в тени рядом с постоянно метущимся, постоянно стремящимся в неизведанные дали, волнуемым и волнующим окружающих Николаем Раевским*. В то время, как Михаил Николаевич, отдавшись по окончании курса службе в полку (в том же самом, лейб-гвардии Гусарском. — *А. Ш.*), ведет жизнь совершенно мирную и рано становится семейным человеком, его брат ищет простора для своей широкой предприимчивости, бросает гвардейский гусарский полк для службы в дальнем Туркестане, с отличием участвует затем в походе на Китаб, увлекается разведением хлопка и винограда в Туркестане, устраивает в Ташкенте Отдел «Общества для содействия русской промышленности и торговле», в котором, как председатель, старается развить энергичную деятельность, а в приезды свои в Петербург выступает то в печати, то в общественных собраниях с различными проектами и предложениями». И далее: «Рано почувствовав интерес к судьбам славянских народов — интерес, зародившийся в нем еще в студенческие годы, в кружке и под влиянием И. С. Аксакова, а в 1867 г. совершив поездку на Балканский полуостров — Раевский, естественно, не

---

* В неопубликованной части архива Раевских сохранилась копия приказа по Гусарскому полку от 2 июня 1865 г.; в котором поручику Раевскому 1-му от имени начальника 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, объявлялось семь суток ареста с содержанием на гауптвахте (Отдел рукописей Института Русской Литературы (Пушкинского Дома). Ф. 253. Оп. 1. Д. 545. Л. 2). Мы не знаем проступка молодого офицера, но можно с уверенностью говорить, что наказание его было связано именно с этой, присущей ему привычкой «волноваться и волновать окружающих». С другой же стороны, совершенно невозможно себе представить, чтобы подобная кара когда-либо постигла его младшего брата — поручика Раевского 2-го.

мог остаться хладнокровным зрителем возникшего в 1875 г. славянского движения (т. е. восстания в Герцеговине. — *А. III.*) и начавшейся вскоре войны сербов с турками за освобождение»¹.

И еще одно наблюдение, как бы синтезирующее сказанное выше, — «Раевский был личностью далеко незаурядной. Он принадлежал к числу тех редких русских натур, которые всю жизнь неустанно ищут себе живого дела и, раз остановившись на чем-то, готовы вложить в него всю свою душу»².

Для нас эти свидетельства, рисующие характер Н. Н. Раевского, чрезвычайно важны, поскольку помогают объяснить ту глубокую увлеченность, с которой он отдался славянскому делу, вложив в него не только «всю свою душу», но и жизнь. Тем более, что у истоков этого увлечения стоял не кто иной, как сам Иван Сергеевич Аксаков — Раевского вели по жизни действительно первоклассные учителя...

Они познакомились в начале 60-х годов, правда, сначала заочно. 15 октября 1861 г., как известно, в свет вышел первый номер знаменитого аксаковского «Дня». И уже в нем был опубликован материал за подписью Раевского. В письме дальнему родственнику последнего — протоиерею русской посольской церкви в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому — Аксаков отозвался о нем крайне лестно: «Самые лучшие корреспонденции в моей газете были — написанные неким Раевским. Знакомы ли вы с ним? Парень дельный, и перо у него живо и искренно. Его письма прочтены всеми с удовольствием»³. Именно так маститый литератор оценил опыт студента, которому едва минуло двадцать два года. Тогда же, судя по всему, произошла их личная встреча. Тем более, что жили они в то время совсем рядом: в Москве, на Спиридоновке. Раевский — в родительском доме, Аксаков — в арендованной для нужд редакции квартире, буквально по соседству*.

А спустя всего несколько месяцев, 13 февраля 1862 г., Николай Николаевич сделал еще один шаг в избранном направлении — вступил в Московское славянское благотворительное общество (Аксаков являлся тогда его секретарем и казначеем), сразу же предложив ряд мер по организации обучения православных славян. «В Париже, — мотивировал он свое предложение, — возникло общество для обращения болгар в католичество». Причем, «иезуиты не только обещают болгарам все, но и удовлетворяют их любовь к просвещению». «Неужели, — с жаром вопрошал совсем юный докладчик солидную и титулованную аудиторию, — иезуиты окончательно восторжествуют? А мы останемся равнодушными свидетелями до тех

* 31 января 1862 г. в письме М. П. Погодину Раевский сообщал: «Я от Аксакова до сих пор не получал никакой записки, вот почему я Вам и не отвечал...» (Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. Погодин / П. Карт. 27. Ед. 40. Л. 1).

пор, когда уже будет поздно подать этим народам руку помощи, когда все связи, соединяющие их с нами будут разорваны?» Дабы такого не произошло, Раевский и предлагал: «1) содержать на счет общества в духовных академиях и университетах молодых людей из подвластных Турции славянских племен; 2) печатать на языках болгарском и сербском сочинения духовного, исторического и литературного содержания; 3) поддерживать существующие в Турции православные училища»^{4*}.

Что из всего этого следует? А только то, что идейно Н. Н. Раевский сформировался на удивление быстро, найдя свое место и уже в самом начале публичной деятельности обнаружив умение мыслить масштабно, но при этом весьма конкретно. Данную особенность мышления мы зафиксируем еще не раз.

Кстати, ко времени вступления в члены Славянского общества относится его новое и не менее важное знакомство — с М. Г. Черняевым (будущим покорителем Ташкента и незадачливым сербским главнокомандующим), который в начале 60-х годов всерьез увлекся славянофильскими идеями⁵. Знакомство это для нашего героя станет в какой-то мере роковым. Но произойдет это позже...

***

Еще более наглядно степень погружения Раевского в славянскую проблематику демонстрирует упомянутая Б. Л. Модзалевским его секретная миссия на Балканы 1867 г.⁶ При чем — существенная для понимания будущих событий деталь — как офицер, он предпочитал *практическое* действие.

Напомним, что 1867 год в европейской Турции — это время складывания Балканского союза, готовившего под руководством сербского князя

---

* Любопытная и важная, опять-таки с точки зрения возможности передачи информации, деталь — на *той же* заседании, что и Раевский, т. е. 13 февраля 1862 г., в члены Московского славянского общества, внося 25 рублей, вступил и Петр Федорович Самарин — старинный, как уже упоминалось, друг Толстых. (Протокол заседания Славянского общества или благотворительного комитета. 13 февраля 1862 г. // Отчет и протоколы Славянского общества. М., 1862. С. 4). Заметим, что именно в начале 60-х годов он посещал их особенно часто (*Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. М., 1986. С. 245, 262).

⁵ Особое впечатление на Черняева произвел выход первого номера газеты «День» (см.: Письма властителей Сербии к М. Г. Черняеву (предисловие А. М. Черняевой) // Русский архив. 1914. № 1. С. 27-28). И, словно идя стезей Раевского, он сразу же вступил в Московское славянское общество (*Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах*. М., 1960. С. 59-60).

⁶ Задолго до Б. Л. Модзалевского о миссии Н. Н. Раевского на Балканы в 1867 г. упомянул известный русский публицист П. А. Ровинский (см.: *Ровинский П. А. Наши отношения к сербам (Поучение из прошлого и настоящего)* // Древняя и новая Россия. СПб., 1877. Т. 1. № 2. С. 184).

Михаила Обреновича и его первого министра Илии Гарашанина общеполитическое восстание против турок. Аксаков находился в связи с организацией И. Гарашанина и был в курсе всех приготовлений*. А потому нет ничего удивительного в том, что «в разведку» на место предполагаемых событий он послал своего ученика — блестяще образованного военного специалиста. В апреле штабс-ротмистр Раевский прибыл в Бухарест, где вступил в связь с болгарской «Добродетельной дружиной», ставившей целью освобождение своей страны от турецкого ига... Все эти действия хорошо известны историкам. Им неведомо другое, а именно — что поездка его во многом была шагом вынужденным, точнее вторичным, поскольку вначале планировалось совсем не это «одиночное плавание», а нечто иное. Но что же?

Предполагалась куда более масштабная акция, душой которой были Раевский с Черняевым, уже увенчанным ташкентскими лаврами. Дело в том, что еще 3 февраля 1867 г. Раевский подал на имя директора Азиатского департамента МИД России П. Н. Стремоухова записку «О необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок»^{5**}.

«В виду постоянно усиливающегося волнения на Балканском полуострове, — читаем в ней, — всякому становится ясным, что с наступлением весны там должно вспыхнуть всеобщее восстание христиан против мусульманских властителей», которое «уже не ограничится испрошением каких-нибудь прав», но «будет иметь целью совершенное освобождение христианских племен от турецкого ига». «Для России, — полагал автор, — такое разрешение Восточного вопроса было бы как нельзя желательно не только с точки зрения человеколюбия, но и с точки зрения ее собственных интересов». И далее он предлагал «меру, которая, будучи принята нашим правительством, должна обнаружить весьма важное влияние на успешный ход восстания».

Мера эта, как видно из названия документа, — «отправка в Сербию и другие славянские земли Турции нескольких десятков опытных офицеров всех родов оружия для обучения и начальствования сербскими войсками и ополчениями в предстоящую народную войну». Что имелось в виду конкретно? «Избрать одного опытного и способного штаб-офицера

---

* В прямой контакт с готовившими восстание сербскими деятелями И. С. Аксаков вошел еще в 1860 г. При этом, в сношениях с ними его фигура «заслонила собой славянский комитет» (см.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России... С. 147-152).

** Дата появления документа отнюдь не случайна. Черняев предполагал incognito выехать в Сербию уже в конце января 1867 г. (ОР РГБ. Ф. 169 (Д. А. Милютин). Карт. 16. Ед. 1. Воспоминания. Кн. XVII (1867 г.)).

или генерала, пользующегося общим доверием, и поручить ему ведение всего этого дела. Для этого он должен был бы выбрать из числа желающих нужное число офицеров и с ними отправиться в Турцию для принятия под свое начальство и заведывания теми войсками и милициями, которые будут поручены ему сербским правительством. Такой образ действия имел бы ту выгоду, что не все желающие, а только лучшие из них были бы допущены к отправлению в Турцию. И эта горсть отборных офицеров, соединенных под одним общим начальством, могла бы принести делу гораздо более пользы, чем целые сотни офицеров, брошенных в этот край и предоставленных там самим себе, без всякой связи и поддержки».

В заключении своей записки Раевский предостерегал: «Ко всем этим мерам следует приступить немедленно, так как события не ждут и вполне может статься, что восстание в Сербии и соседних с нею областях вспыхнет уже в марте, тотчас после таяния снегов, в каком случае помощь наша могла бы прийти решительно поздно». И еще резон: «Заблаговременное прибытие наших офицеров в Сербию имело бы еще ту хорошую сторону, что дало бы им возможность ознакомиться сперва с положением края и заняться организацией самих войск, чего они никак не смогут сделать, если придут туда только к открытию военных действий».

Заметим, что данное предложение Раевского не было его личной инициативой — сербские власти, как официально, так и в частном порядке, не раз обращались в Петербург с просьбой о присылке специалистов для оценки военных возможностей Княжества⁶. Он лишь развил уже известные мысли, доведя их до логического конца (в чем явно просматривается математический ум), и трансформировал идею чистой инспекции в проект максимально эффективного и действенного использования целой группы боевых офицеров. При этом автор записки предельно корректен политически, стремясь никак не навредить высшим интересам России: «Такая мера могла бы быть принята нашим правительством без явного нарушения миролюбивых отношений, в которых оно находится теперь к турецкому правительству. Для этого достаточно было бы разрешить желающим брать отпуск за границу (в крайнем случае брать отставку), с тем однако, чтобы время отсутствия их было им зачтено за службу, и чтобы они не лишались чрез это прав и преимуществ, присвоенных им во время нахождения их на военной службе».

Перед нами — не что иное, как фактический набросок того порядка, что ляжет в основу русского добровольческого движения девять лет спустя, в 1876 г. Но тогда, увы, подкачает исполнение.

Пока же с запиской Раевского знакомятся весьма влиятельные круги — ее копии мы находим в бумагах военного министерства и в личном фонде тогдашнего посла России в Константинополе графа Н. П. Игнатьева.

Последнее отнюдь не случайно. В написанных уже на склоне лет воспоминаниях военный министр Д. А. Милютин отмечал, что тот «оказывал явное покровительство вожакам славянского движения. Он давал советы сербскому правительству и даже поручил нашему военному агенту в Константинополе полковнику Франкици проектировать для сербов целый план кампании»⁷. Раевский, как видим, искал и находил единомышленников.

А тем временем в рамках разработанного плана был сделан следующий шаг. 7 марта получивший за взятие Ташкента генеральские эполеты и орден Святого Георгия 3-го класса, Черняев обратился с письмом к сербскому князю Михаилу Обреновичу. «Воодушевленный желанием посвятить себя великому делу, — писал он, — которого Вы являетесь представителем и защитником, смею надеяться, что Вы не откажетесь от предложения моих услуг и прошу Вашу Светлость располагать мною и моей готовностью явиться в Сербию немедленно, как в мирное, так и в военное время»⁸. Монарх согласился и, благодаря генерала за предложение, попросил его взять отпуск и «прибыть в Белград для ознакомления с обстоятельствами»⁹. Свое ответное письмо он отправил через русское посольство в Константинополе, причем Игнатьев сопроводил его особой запиской¹⁰.

Но не тут-то было. По получении в Петербурге, послание князя было вскрыто, а его содержание немедленно сообщено Д. А. Милютину — давнему антагонисту Черняева. Сцена была бурной, и в результате Дмитрий Алексеевич с Михаилом Григорьевичем окончательно рассорились: один назвал другого изменником, другой в ответ на это подал в отставку¹¹. Чего здесь было больше в поступке министра — принципиальности или личной ненависти, сказать трудно, тем более, что Александр II отнесся к замыслу Черняева в общем-то снисходительно.

Как бы там ни было, план Раевского-Черняева в его *широкой* версии сорвался, на что отставной уже генерал заметил: «Больно видеть, как упущено золотое время, почти ничем не вознаградимое»¹². В российской политике победила узкая опция — в ответ на просьбу сербов к ним была послана специальная миссия во главе с полковником Леером для экспертизы военного положения страны и конкретной помощи на месте¹³. В этих условиях Раевский и отправился на Балканы — неофициально и ранее миссии. Он хотел все увидеть лично, так сказать, «ознакомиться с положением края». Аксаков передал ему свои связи. Начиналось то самое «одиночное плавание»...

⁷ Нам думается, что на принятие решения о направлении в Сербию русской военной миссии записка Раевского какое-то влияние оказала. По крайней мере, ее копия обнаружена нами не где-нибудь, а среди донесений командированных офицеров.

Мы особо подчеркиваем здесь *неофициальный* характер миссии Раевского, поскольку в сербской литературе настойчиво утверждается, что в Белград его (причем *единственного!*) отправил лично Д. А. Милютин – и чуть ли не по приказу самого царя Александра II¹⁴.

Всю надуманность этой версии, порожденную крайне слабым знакомством с русскими архивными источниками, подтверждают воспоминания Милютина. Описывая посылку официальной военной миссии, в состав которой – помимо генштабиста Леера – вошли инженерный полковник Постельников и капитан артиллерии Снесарев, он заметил: «Независимо от того, просились отправиться в Сербию некоторые офицеры, под видом отпуска: гвардейского гусарского полка Раевский, Преображенского – поручик Кесяков и другие...»¹⁵. В конечном счете, разрешение посетить Балканы гусарский штабс-ротмистр получил, однако, очевидно, что только «под видом отпуска» – никаких поручений от министра ему дано не было. И хотя Раевский отправил с дороги письмо Милютину (что могло бы, наверное, свидетельствовать об их «особых» отношениях – а именно так трактует послание автор указанной версии, знакомый с ним не по тексту, приведенному нами в приложениях, но лишь по беглому упоминанию в монографии С. А. Никитина¹⁶), он витиевато извинялся в нем за явное нарушение воинской субординации: «Смею надеяться, что цель, которую я имел в виду, сообщая Вашему Высокопревосходительству эти сведения, извинит меня в глазах Вашего Высокопревосходительства за ту смелость, которую я беру писать Вам, не будучи на то уполномочен Вашим Высокопревосходительством»^{17*}.

О чем же шла речь в письме Раевского? В нем автор всего лишь повторял свое раннее предложение о необходимости посылки русских офицеров в Сербию и настаивал на его скорейшей реализации. Почему? «В бытность мою в Вене, – писал он, – я узнал, что не только множество сербских офицеров и солдат, служащих в австрийском войске, ожидают только минуты, чтобы переправиться через Саву и принять участие в боевых действиях против турок, но что и один австрийский генерал, игравший значительную роль в событиях 1848 г., имеет намерение, как только вспыхнет война в Сербии, броситься туда с батальоном граничар и принять также участие в боевых действиях». Иными словами, «в настоящую минуту Австрия еще всячески старается предотвратить готовящееся столкновение, но, как скоро столкновение произойдет, она будет иметь все

---

* В качестве «контраста» приведем обращение к Милютину капитана Н. А. Снесарева – члена официальной миссии: «Пользуясь позволением Вашим писать Вам, я буду писать по мере возможности...» (ОР РГБ. Ф. 169 (Д. А. Милютин). Карт. 36. Ед. 63. Л. 2 об.).

средства, чтобы извлечь из него пользу для себя...»¹⁸. Этого-то Раевский и боялся, а потому и «брая смелость» срочно писать министру. Добавим, что письмо было послано им из Бухареста 7 апреля... Но вернемся непосредственно к его поездке.

Посетив весной 1867 г. Бухарест и Константинополь и установив нужные контакты, посланец Славянского комитета подготовил «Проект организации восстания на Балканском полуострове». Датированный 20-м апреля, документ предназначался «для подачи генералу Игнатьеву» (АР, т. V, с. 483). Копия же была послана Черняеву, в архивном фонде которого хранится и поныне¹⁹. Ознакомление с текстом показало, что разработанный Раевским план был в высшей степени оригинален.

Из его преамбулы следовало, что в первую очередь антитурецкому возмущению подлежала Болгария, движение в которой стало бы началом общевосточной акции. При этом, учитывая разделенность территории страны на низменную часть и горы, организовывать борьбу предполагалось двояким образом: «В *горной* части должно быть теперь же положено основание *партизанским* действиям, которые, начавшись сперва в форме гайдучества, должны мало помалу возрасти до самых обширных размеров (здесь и далее выделено в оригинале. — А. Ш.). В *долинах*, до поры до времени, должно избегать всяких столкновений с турками, так как борьба с ними в открытой местности невозможна до тех пор, пока сербские войска не вступят в пределы Болгарии». Это, так сказать, общая диспозиция. Для успешного же «устройства восстания» в горах документ предусматривал целый ряд мер. Всего их было пять.

В качестве главной задачи он определял формирование «*партизанских отрядов*» и набор волонтеров «из горной и низменной части Болгарии, из Сербии, Черногории и других славянских стран», а также доставку оружия, как сухим путем — из Молдавии, Валахии и Сербии, так и морем — через Варну и Бургас, где с этой целью следовало держать специальных агентов.

Далее предполагалось одновременное начало и единство партизанских действий, для чего «весь хребет на пространстве от Черного моря и до границ Сербии, должен быть разделен на несколько частей, из которых каждая должна быть поручена одному опытному офицеру из числа болгар, сербов или русских». В их тесном общении друг с другом и взаимной координации планов автор «Проекта» видел неперемutable условие синхронности акции. В случае же недостатка офицеров следовало разделить всю цепь Балкан на семь более крупных округов: от Сливенского и Габровского — на востоке, до Пиротского и Нишского — на западе.

Верховное военное руководство операциями повстанцев планирова-

лось возложить на «более опытного и сведущего офицера» — через него «должны производиться все сношения действующих в горах отрядов с городскими комитетами, которые будут снабжать их оружием и припасами». Кроме того, «на обязанности этого начальника будет лежать сговориться с сербами на счет предстоящего образа действий и поддерживать постоянное соглашение с ними для успеха общего дела».

Для того же, чтобы «с самого начала придать восстанию несколько точек опоры, которые бы облегчили формирование партизанских отрядов и их первоначальные действия», эмиссар Аксакова полагал необходимым «отправить на Балканы несколько сотен *черногорцев* (прирожденных воинов, имевших большой опыт повстанческой борьбы с турками. — *А. Ш.*), распределив их малыми партиями на всем протяжении от Черного моря и до границ Сербии». Эти небольшие группы, утверждал он, «принесли бы ту пользу, что образовали бы собою ряд маленьких центров», вокруг которых «не замедлили бы собраться толпы болгарских волонтеров».

И, наконец, последний пункт проекта, касающийся «способа ведения войны». Он явно заслуживает того, чтобы привести его полностью. Итак, «самый способ ведения войны должен состоять в начале только в том, чтобы нападать на турецкие пикеты и небольшие отряды, перехватывать почты, транспорты с оружием и припасами и вообще наносить всевозможный вред Турецкому правительству. В то же самое время должно воздерживаться от нападения на турецкие деревни, и от всяких враждебных действий против турецкого населения, стараясь напротив *сблизиться* с ним и повторяя при всяком удобном случае, что настоящая война *отнюдь не есть война религиозная*, а что цель ее *избавиться от притеснений чиновников*, которые своими беспрестанными поборами разоряют *как христианское, так и мусульманское* население и довели наконец край до совершенного истощения».

Как видим, наряду с предложением целой системы продуманных и по-военному четких мер по организации и тактике восстания (каковое, под пером автора «Проекта», приобретало некий общеславянский оттенок — болгары, сербы, черногорцы, русские), он не забывал и о его идеологическом обеспечении, стремясь заручиться, если уж не поддержкой, то хотя бы нейтралитетом турецкого населения. Весьма редкая в ту пору и всегда похвальная политическая дальновидность.

Закончив работу над «Проектом организации восстания», Н. Н. Раевский 26 апреля отбыл из Константинополя. Весь май и начало июня он провел в Сербии и Боснии. Поездка по западным Балканам носила инспекционный характер и, по всей видимости, была одобрена на самом

высоком уровне – в архиве Сербии в Белграде сохранились четыре письма русского офицера сербскому военному министру Миливое Петровичу-Блазнавцу*. Они опубликованы²⁰. О чем же шла речь в тех письмах?

Во-первых, объезжая места дислокации воинских частей и наблюдая за их учениями, гость делился с министром своими впечатлениями от увиденного. Но не только. Отталкиваясь от них, он разработал детальный план реформирования сербской кавалерии (на основе использования русского опыта) с целью поднятия ее боевых качеств. И, наконец, «имея в виду, что Босния в очень скором времени станет театром военных действий между Сербией и Турцией», Раевский представил Блазнавцу информацию о наличии и состоянии дорог за Дриной. Мало того, он даже составил целый список путей сообщения с сербской стороны, которые следовало срочно реконструировать для беспрепятственной переброски войск на боснийскую границу и далее, когда наступит «время Ч».

Такой подход к делу, проявленный Раевским в переписке с военным министром Княжества, свидетельствовал о его несомненном стратегическом мышлении, а также компетентности, понимаемой как отсутствие иллюзий, свойственных большинству славянофилов, и признание необходимости всесторонней подготовки каждого серьезного шага. Не случайно, ознакомившись с реальным положением дел в сербской кавалерии, он высказал весьма трезвое суждение относительно сроков завершения ее возможной перестройки: «Если упорно работать осень и зиму, при полной самоотдаче офицеров и солдат, то к будущей весне появится хороший полк регулярной конницы, полностью готовый сразиться с неприятелем»... В этих своих выводах Раевский по существу предвосхитил весьма схожие заключения официальной военной миссии о состоянии сербской армии в целом²¹. В июне он вернулся из Сербии в Петербург**²² ...

---

* В своем первом письме сербскому министру из Чачка от 15 мая Раевский открывает характер и обстоятельства своего путешествия: «Прежде всего позвольте выразить Вам глубокую благодарность за все, что Вы сделали для облегчения моей поездки по Сербии. Столь сердечные встречи, которых я был удостоен на протяжении всего пути от Шабца до Ужице, причем как со стороны властей и офицеров, так и населения, превзошли все мои ожидания. Я знаю, что обязан за это исключительно Вашей любезности» (*Митровић В. Николај Рајевски о реорганизацији српске војске // Војно-историјски гласник. 1997. Бр. 2-3. С. 243*). Тогда же наш путешественник сообщил Блазнавцу о письме, которое получил от него (там же).

** 8 июня 1867 г. Директор Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухов направил телеграмму генконсулу России в Белграде Н. П. Шишкину: «Лагерный сбор уже начался, кончится в половине июля. Милютин полагает, что кавалерийским офицерам надо торопиться. Иностранные кабинеты делали запросы о наших офицерах в Сербии, напомним им необходимость быть крайне осторожными и держать себя частными лицами, не компрометируя правительство» (ОР РГБ. Ф. 169 (Д. А. Милютин). Карт. 36. Ед. 68. Л. 1).

И не его вина, что практические наработки остались без применения – в ноябре 1867 г., несмотря на протесты из Петербурга, главный «архитектор» Балканского союза Илия Гарашанин был уволен в отставку, что означало усиление в Сербии австрийского влияния. В стране начался внутренний кризис, разрешившийся в конце концов 29 мая 1868 г. убийством князя Михаила Обреновича в Топчидерском парке под Белградом. Планы антитурецкого выступления были сданы в архив. Но лишь на время.

Как бы там ни было, авторитетный исследователь истории славянских комитетов в России С. А. Никитин назвал балканские деяния Н. Н. Раевского и стоявшего за ним И. С. Аксакова «самыми крупными актами политической деятельности комитетов, за исключением съездов 1867–1868 гг.»²³. И это при том, что ученый даже не подозревал о поездке офицера в Сербию и Боснию, оценив один только болгарский эпизод...

Приведенные факты, думается, более чем наглядно подтверждают ту глубокую мотивированность и осознанность выбора, сделанного Раевским девять лет спустя (в 1876 г.), когда в отношениях между Сербией и Турцией все-таки наступило «время Ч». Никакой иной реакции, кроме решения тут же отправиться на место событий, ожидать от него не приходилось. И негласное разрешение правительства русским добровольцам ехать на Балканы устранило, как писал он матери 24 июня 1876 г., «последнее препятствие, удерживавшее меня еще от поездки в Сербию». Ее же Раевский рассматривал, как «попытку осуществить те мечты, которые меня с детства воодушевляли»; поэтому я решился уехать отсюда как можно скорее²⁴. Немаловажен для него и чисто этический аспект (кто когда об этом думал?). Так, он сообщал Анне Михайловне, что собирается «взять с собой достаточную сумму денег, дабы явиться в Сербию волонтером, ни в чем не нуждающимся, а не авантюристом, продающим свои услуги сербскому правительству»²⁵ (АР, т. V, с. 582–583). Не правда ли, перед нами – четкая, выверенная во всех деталях позиция. И сразу же, как прямое ее продолжение, следуют практические действия.

16 июля, как уже упоминалось, Раевский подал прошение об отставке, причем, ожидая ее, он не переставал «дополнять своего военного образования» (АР, т. V, с. 589). 22 июля Высочайшим приказом его уволили из

* В подтверждение тезиса о «воодушевлении» Н. Н. Раевского приведем еще одну показательную деталь – 22 февраля 1869 г. он, одним из первых, вступил в члены Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (Первые пятнадцать лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. СПб., 1883. С. 853).

²³ Шла ли в данном случае речь о пятидесяти тысячах рублей, о которых, как помним, писали газеты после смерти Раевского – неизвестно, поскольку конкретные суммы в доступных нам источниках не фигурируют. Сам же такой его подход, повторимся еще раз, вполне соответствовал решению Вронского сформировать за свой счет эскадрон.

армии «с награждением мундиром»²⁵, а 27-го, получив сообщение о том, он телеграфировал матери из Одессы в Ялту: «Завтра выезжаю через Яссы в Турн-Северин»²⁶. Именно 28 июля наш герой отбыл из Одессы.

Его путь в Белград, а затем и на фронт реконструировать не сложно. Сначала он доехал поездом, через Унгены и Яссы, до Турн-Северина. Затем последовали переправа через Дунай в Сербию и остановка на два дня в Кладово. Оттуда он послал телеграмму военному министру, полковнику Тихомилю Николичу, испрашивая его приказаний. Получив приказ следовать в Белград, Раевский доехал сухим путем до Текии, откуда пароходом — до сербской столицы (АР, т. V, с. 623-624), куда и прибыл 4 августа²⁷. На следующий день русский доброволец был «принят на службу полковником»²⁸ и сделал визиты Николичу, князю Милану Обреновичу, председателю Государственного Совета Йовану Мариновичу (АР, т. V, с. 624, 674). А также снялся на память в ателье фотографа Стевановича²⁹.

6 августа, около 6 вечера, Раевский, в компании нескольких русских офицеров, отбыл на пароходе «Делиград» из Белграда в Смедерево³⁰. На следующий день, в 7 утра, они двинулись в Делиград (там располагался штаб Черняева) в экипаже. Причем, по словам его спутника, «на станциях Раевский старался говорить по-сербски и был хорошо понимаем» (АР, т. V, с. 677). К полуночи волонтеры добрались до Делиграда, но, не застав генерала на месте, отправились в Алексинац. Между 4 и 5 часами 8 августа они въехали в город и, скоротав время на постоялом дворе, уже в 9 представлялись командующему (АР, т. V, с. 624, 677).

Туда, в долину Моравы, к генералу Черняеву, мы теперь и отправимся... Жить «графу Вронскому» оставалось двенадцать дней.

Примечания

¹ Модзалевский Б. Л. Предисловие // Архив Раевских. Пг. 1915. Т. V. С. V-VI.

² Раевский Николай Николаевич // Русский биографический словарь. Том «П-Р». СПб., 1910. С. 407.

³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. СПб., 1896. Т. 4 С. 70.

⁴ Протокол заседания Славянского общества или благотворительного комитета. 13 февраля 1862 г. // Отчет и протоколы Славянского общества. М., 1862. С. 4, 11.

⁵ Российский Государственный Военно-Исторический Архив (далее — РГВИА). Ф. 349. Оп. 1. Д. 13. Л. 113-116 об. (копия); Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 957. Л. 1-4 (копия).

⁶ См.: Вучкович В., Јакшић Г. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први Балкански савез. Београд, 1963. С. 305.

⁷ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169 (Д. А. Милютин). Карт. 16. Ед. 1. Воспоминания. Кн. XVII (1867 г.).

⁸ Письма властителей Сербии к М. Г. Черняеву (предисловие А. М. Черняевой) // Русский архив. 1914. № 1. С. 35.

⁹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 13. Л. 17-17 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Письма властителей Сербии к М. Г. Черняеву... С. 29.

¹² Два письма М. Г. Черняева, 1867 года // Шукинский сборник. М., 1912. Вып. 10. С. 242.

¹³ *Овсяный Н. Р.* Сербско-турецкая война 1876 г. // *Овсяный Н. Р.* Ближний Восток и славянство. СПб., 1913. С. 143; *Никитин С. А.* Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX века // Славянский сборник. М., 1947. С. 285-288; *Карасев В. Г.* Илија Гарашанин и Балканский союз 60-х гг. XIX в. в контексте русско-сербских отношений // Илија Гарашанин (1812-1874). Сборник радова. Београд, 1987. С. 257-258; *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005. С. 148-149.

¹⁴ *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. Београд, 2002. С. 15-17; 41; *Он же.* Вронски у Србији. 4 // Вечерње новости. 23. јануар 2006.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 169 (Д. А. Милютин). Карт. 16. Ед. 1. Воспоминания. Кн. XVII (1867 г.).

¹⁶ Ср.: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858-1876 годах. М., 1960. С. 152; *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. С. 29.

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 169 (Д. А. Милютин). Карт. 36. Ед. 61. Л. 1.

¹⁸ Там же. Л. 3-3 об.

¹⁹ Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 208. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-4. Данный «Проект» Н. Н. Раевского крайне бегло упомянут в следующих работах: *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России... С. 153; *Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 198; *Сафронов В. И.* Раевский как прототип графа Вронского – героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Од Делиграда до Делиграда. 1806-1876. Београд, 1997. С. 252; *Поточан Б. П. И.* Чајковски и Н. Н. Рајевски уз Моравско ратиште // Там же. С. 267; *Он же.* Погибија Аниног љубавника // Српско наслеђе. Историјске свеске. 1998. Фебруар. Бр. 2 С. 20; *Он же.* Пуковник Рајевски о Србији // Даница. Београд, 1998. С. 187; *Он же.* Вронски. Част и љубав. С. 17, 29... Вполне очевидно, что *единственным* источником при упоминании о «Проекте» в позднейшей литературе явилась книга С. А. Никитина... Единственным же иностранным автором, кто ознакомился непосредственно с копией «Проекта» в архиве М. Г. Черняева, был американский историк, профессор Дэвид Маккензи (см.: *MacKenzie D.* The Lion of Tashkent. The Career of General M. G. Cherniaev. The University of Georgia Press. Athens, 1974. P. 97). Правда, этот источник интересовал биографа Черняева весьма мало, и далее констатации его наличия в своем исследовании он не пошел.

²⁰ За последние годы письма Раевского Блазнавцу публиковались в полном объеме 4 раза. См.: *Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске

војске // Војно-историјски гласник. 1997. Бр. 2-3. С. 241-250. Аналогични материјал воспроизведен в сборнике: Од Делиграда до Делиграда... С. 349-360. Годом позже их опубликовал и Будимир Поточан (см.: *Поточан Б.* Пуковник Рајевски о Србији // Даница. Београд, 1998. С. 185-201). И он же – еще четыре года спустя: *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. С. 18-28.

²¹ В сербской историографии о деятельности российской военной миссии и об оценках, данных ею состоянию сербской армии на 1867 г., упоминается в следующих работах: *Ристић Ј.* Последња година спољне политике кнеза Михаила. Београд, 1895; *Он же.* Пирофанчева «Историјска размишљања». Београд, 1897; *Јакшић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први Балкански савез; *Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске војске...

²² Существует однако иная версия пребывания Раевского на Балканах в апреле-июне 1867 г. Выше уже говорилось, что Будимир Поточан считает его *личным и единственным* посланцем военного министра Милютина, которого тот, в договоре с Блазнавцем и по приказанию императора, послал на Балканы. При этом, сначала, по мнению Поточана, русский офицер объехал Сербию и Боснию, затем – «другие балканские страны», после чего подготовил «план под названием “Проект организации восстания на Балканском полуострове”». И только вслед за этим он отправил из Бухареста письмо Милютину «о необходимости посылки русских офицеров в Сербию», как отчет о своей миссии (см.: *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. С. 16-17; 29; 41)... На самом деле, как мы старались показать, все обстояло с точностью до наоборот. 7 апреля Раевский послал из Бухареста письмо Милютину, какое не имело ни малейшего отношения к его «миссии в Сербию». 20-го составил «Проект организации восстания на Балканском полуострове» и только затем прибыл в Сербию, откуда отправился в Россию. При этом, исходя из содержания «Проекта», четко прослеживается логика самой «миссии в Сербию» – именно эта страна должна была стать главной базой «общеевропейского восстания»... Несмотря на все это, Б. Поточан непоколебим в своей уверенности: «Я доказал, что за девять лет до первой Сербско-турецкой войны Раевской был со специальной миссией в Сербии и Боснии для организации восстания...» (см: *Влис.* 16. mart 2002. g.). Однако, *инспекция и организация восстания* – это несколько разные «жанры», что показал и сам Раевский. Препровождая Н. П. Игнатьеву копию своего «Проекта», он писал 26 апреля: «Сейчас уезжаю в Белград, чтобы ознакомиться там с положением дела, после чего думаю проехать в Петербург» (Архив Раевских... Т. V. С. 483)... Подробный разбор версии Б. Поточана см.: *Шемјакин А.* Између мита и чиненице (О књизи Будимира Поточана «Вронски. Част и љубав») // *Годишњак за друштвену историју.* 2001. Св. 3. Београд, 2003. С. 305-319.

²³ *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России... М., 1960. С. 154.

²⁴ Данная фраза из письма к матушке подтверждает ту глубокую мотивацию сделанного ее сыном выбора, о которой уже говорилось. И потому мы, увы, не можем разделить весьма привлекательное утверждение коллеги А. А. Петрова, будто «Николай Раевский... пережил незадолго до 1876 г. личную драму», что «и определило его решение ехать в Сербию – для того, чтобы с честью погибнуть на поле боя» (*Петров А.* Добровольцы // Родина. 1998. № 5-6. С. 105)... Кстати

говоря, в сербской литературе также весьма часты намеки на то, что именно *личная драма*, схожая с той, которую пережили персонажи Толстого, толкнула Раевского на Балканы (см., например: *Опачић П., Скоко С.* Српско-турски ратови. 1876-1878. Београд, 1981. С. 114-115; *Бранковић С.* Независност слободолубивих. Београд, 1998. С. 354; *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. С. 41). Мало того, кое-где присутствует расшифровка этой пресловутой «драмы». «На балу, — читаем в одном сочинении, — Раевский знакомится с госпожой Х. Между ними вспыхивает страстная любовь, которая заканчивается трагически — самоубийством госпожи Х.» (*Сафронов В. И.* Н. Раевский как прототип графа Вронского — героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // Од Делиграда до Делиграда... С. 252). «Как офицер, — продолжает эту «трогательную» историю другой автор, — Раевский не мог поступить так же, ибо тогда он рисковал своей офицерской честью. Он решил покончить с собой более элегантно — погибнуть в борьбе. Поэтому он и приехал в Сербию» (*Ђокић Н.* Нови подаци о Рајевском // Победа. Крушевац. 31 март 2000. Бр. 2420. С. 17)... Слов нет, версия романтическая, только почему-то ни одного источника, который подтвердил бы ее подлинность, уважаемые коллеги не привели. Так создаются и живут мифы, кочуя из одной работы в другую.

²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14148. Л. 1-2.

²⁶ Отдел рукописей Института Русской Литературы (Пушкинского Дома). Ф. 253. Оп. 1. Д. 444. Л. 72.

²⁷ Там же. Л. 73-74 (Н. Н. Раевский — А. М. Раевской. 5 августа 1876. Белград. Телеграмма). Этот важнейший источник опубликован в: Архив Раевских... Т. V. С. 596-597.

²⁸ Там же.

²⁹ Б. Поточан, который всерьез полагает, что именно он «реконструировал из дня в день, и даже из часа в час, жизненный путь и трагическую судьбу Раевского в Сербии» (см.: Политика. 25. март 2002. г.), — причем сделал все это на «основе архивных источников и литературы» (см.: Blic. 16. mart 2002. g.) — утверждает в своей книге, что Н. Н. Раевский «уехал в Сербию из Одессы 21 июля» (см.: *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. С. 5, 38). Что касается даты его приезда в Белград, там же подчеркивается, что «точных данных о прибытии нет...». Но, что «точно известно о приезде полковника Раевского в Белград, — это то, что 5 августа он отправил письмо матери уже из сербской столицы...» (Там же. С. 39). Если учесть, что это — не письмо, а цитированная выше телеграмма, где имеется точная дата приезда Раевского в Белград, и которая *полностью* опубликована в «Архиве Раевских», хорошо видно — как использует автор «архивные источники и литературу», особенно русского происхождения... А между тем, в сербской публицистике имеются работы, которые содержат эту «точную дату» — 4 августа (см., например: *Стојковић С.* Црква Свете Тројнице у Горњем Адровцу // Православље. 1-15. август 1992.).

³⁰ С. -Петербургские ведомости. 8 сентября 1876 г. № 248.

СЕРБСКАЯ ВОЙНА

Прибыв 8 августа в расположение Тимокско-Моравской армии (именно так она официально именовалась), Н. Н. Раевский получил под свою команду правый фланг обороны и уже на следующий день показал себя в деле. 9 августа командующий писал ему из Алексинца: «Без высоты, которую Вы так славно сегодня обороняли, мы не можем держаться в Алексинце. Кроме Вас мне некому поручить командования... Посылаю Вам Таковский крест. Пусть он будет служить Вам доказательством, как я ценю Вашу сегодняшнюю деятельность. Преданный Вам М. Черняев» (АР, т. V, с. 605). Похвалы эти были ответом на занятие и удержание частями Раевского тактически важной высоты Перчиловица, недалеко от местечка Житковац. Причем против пяти его батальонов (одного белградского и четырех чуприйских), как то следует из донесения самого генерала в Белград, действовало восемь батальонов турок¹.

Но уже к вечеру ситуация изменилась. Не получив от Черняева, кроме лестных слов, никакой реальной помощи, Раевский был вынужден оставить выгодную позицию. И затем снова брать ее с боем, по приказу из штаба. Ночной штурм увенчался успехом. На следующий день, 10 августа, турки начали наступление по всему фронту. Под натиском неприятеля стоявшие рядом сербы отошли. Рискуя оказаться в окружении, Раевский дважды посылал донесения в штаб, продолжая защищать высоту, но ответа так и не получил. Под утро отступил и он.

Реакция командующего была бурной. «Вместо благодарности за одержанный блестящий успех, — писал Раевский, — и удержание моей позиции до ночи после бегства всего центра, я был встречен упреками и неприятностями со стороны Черняева и его начальника штаба Комарова...». (АР, т. V, с. 635). Руководитель медицинской службы армии, подполковник Владан Джорджевич, оказавшись невольным свидетелем этой встречи Черняева с Раевским, оставил подробное описание их «диалога».

« — Какое отступление, в своем ли вы уме?

— Было невозможно держаться дальше, Ваше Превосходительство.

— Но как вы посмели оставить вверенную вам позицию без особого на то разрешения?

— Я дважды посылал к вам за разрешением, но не получил никакого ответа... — начал было Раевский, но Черняев его перебил. Держась за голову, он стал ходить взад и вперед, постоянно срываясь на крик:

— Полковник русской службы, и сделать такое! Это никакая не армия! Это черт знает что такое, это милютинская армия! — Кто знает, как

сильно ненавидели друг друга Черняев и военный министр Милютин, тот поймет смысл этого упрека, брошенного Черняевым. В нем все больше вскипала желчь. Он остановился перед бедным Раевским и буквально процедил сквозь зубы:

— Вы... вы... вы не заслуживаете носить имя Раевских. Вы сегодня осрамили вашего деда, который так славно дрался с Наполеоном... — Раевский побледнел как смерть, отошел на шаг назад, словно наступив на змею, и проговорил только:

— Это неправда, Михаил Григорьевич! — Вслед за этим он взял фуражку и вышел»^{2*}.

---

* Пребывание Раевского в Сербии и его героическая гибель были хорошо известны в среде русских добровольцев. В том числе очень широкое распространение получил и слух о его разговоре с Черняевым. Редактор газеты «Гражданин» В. П. Мещерский, побывав в сентябре 1876 г. в Делиграде, оставил в своих письмах свидетельство об этом: «О Раевском рассказов было много. Он приехал в Сербию уже со славой храброго и отважного воина: его привлекла также идея освобождения славян. По поводу Раевского рассказывали следующий, весьма интересный, эпизод. В августовских сражениях Черняев дал Раевскому одну из главных позиций, с приказанием держаться на ней до последней возможности. Раевский в 3 часа дня, заметя, что один из флангов отступает, задает себе вопрос: держаться или отступить?

Он посылает спросить Черняева.

Ответа нет.

Час спустя он посылает вторично.

Ответа нет.

Тогда Раевский созывает совет из своих офицеров.

Решают отступить.

Пушки снимают с позиций, — и начинается отступление.

Раевский приезжает в штаб.

— Вы откуда? — спрашивает его Черняев.

— С позиции.

— Как с позиции?

— Мы отступили.

Едва он произнес это слово, как лицо Черняева побелело.

— Да я Вам послал восемь батальонов резерва.

Бедный Раевский остолбенел.

Минута была ужасная.

Гнев Черняева заставил его сказать Раевскому много неприятного.

Раевский оправдывал себя тем, что он не получил никакого ответа на два запроса о том, что ему делать.

В тот же день Раевский решил уехать из армии. Но Черняев, как всегда, добрый и ласковый, сам извинился перед Раевским в том, что позабылся в первую минуту гнева. Раевский остался: принял через несколько дней командование отрядом, и пуля покончила его боевую карьеру также неумолимо, как окончила она карьеры многих храбрейших и лучших офицеров черняевской армии...» (Мещерский В. П. Правда о Сербии. Письма. СПб., 1877. С. 122-124).

После такого разноса Раевский тут же хотел покинуть расположение сербской армии и вернуться в Россию. Но генерал извинился, и Раевский остался. Он еще на что-то надеялся. Однако, надежды гасли. 11 августа начальник штаба армии полковник В. В. Комаров отстранил его от командования правым флангом оборонительной линии, под предлогом неудобства перед сербскими офицерами. Все просьбы Раевского поручить ему конкретное дело (тем более, что сражение при Шуматовце было в самом разгаре) остались без удовлетворения — под тем же предлогом. Мало того, в ответ на них последовала бурная реакция Черняева: «Как смею я обращаться к нему. Разве я не знаю громадного расстояния, отделяющего полковника от главнокомандующего...» (АР, т. V, с. 636). В конце концов, боевого офицера прикомандировали к Главному штабу, чтобы, как писал он сам с горькой иронией, «в толпе прапорщиков скакать за Черняевым» (Там же)³. Ситуация складывалась тупиковая, а день 20 августа между тем приближался...

Символично, но буквально накануне этого рокового дня Раевский закончил обширное письмо генералу В. С. Семене, под началом которого служил в Одессе. В нем он подводил итог своему пребыванию на войне, который, надо понимать, оказался неутешительным. И не потому, что автору было в чем упрекнуть себя. Напротив, прибыв в Сербию, движимый ясной целью, и желая драться за ее воплощение, он, как мы видели, не встретил здесь адекватной реакции начальства на свой порыв, что и вызвало разочарование.

Но не только личными переживаниями значимо для нас послание Раевского. Трезвый анализ всего виденного, слышанного и пережитого, сделанный офицером-интеллектуалом, дает возможность представить общую картину боевых действий и их организации значительно шире и беспристрастнее. Тем более, что его соображения органично согласуются с другими источниками, которые мы используем в виде общей канвы. Кроме того, письмо помогает выявить и некоторые важные черты М. Г. Черняева, как военного руководителя и человека, что, имея в виду сказанное выше, кажется нам совсем не лишним.

Итак, что касается подготовки и ведения боевых операций, то планомерного руководства войсками штаб генерала Черняева не осуществлял — все делалось экспромтом. Директивы отдавались командующим без всякой системы, хаотично, что затрудняло взаимодействие отдельных частей. Ответа на донесения с мест, даже в случае их дублирования, часто не поступало, и как следствие — «полевые командиры» были предоставлены сами себе. И это в самые ответственные минуты сражений. По словам одного из добровольцев, «посещая офицеров на позиции, я убедился, что между штабом и позицией нет никакой связи»⁴.

Кроме того, рекогносцировки на местах не проводились, а разведка полностью отсутствовала. И, бывало, Черняев просто не знал где нахо-

дится противник, и что он собирается предпринять. Так, 8 августа генерал телеграфировал князю, что «в ночь с 6 на 7 турки, числом более 25 тысяч, *незаметно* (выделено нами. — А. Ш.)» приблизились к линии наших аванпостов»⁵. 8 сентября он извещал правительство, что «турки отводят войска и концентрируют их неизвестно где»⁶. Чуть позднее опять — «Турок не слышно, не ушли ли они в Ниш? Вот будет штука»⁷. А в конце августа посетивший Делиград В. П. Мещерский занес в дневник: «Я застал Черняева в нервном настроении от вопроса, не дававшего ему ни днем, ни ночью покоя — почему турки не атакуют его... День проходит за днем, и все-таки турки не двигаются... Когда все стихало вокруг, Черняев выскакивал из своей комнаты на свежий воздух, потому что ему слышалась стрельба, возвещавшая наступление турок. Но турецкий лагерь крепко спал, и эти галлюцинации слуха повторялись ежедневно...»⁸. В отличие от русско-сербской стороны, неприятель постоянно вел разведку. А потому, по свидетельству одного из добровольцев, «нельзя удивляться, что турки знали о наших намерениях»⁹.

Впоследствии, объясняя причины поражения в войне, Черняев в качестве одной из них назвал неподготовленность и неопытность сербской народной милиции. Однако, спрашивается, кто мешал ему заниматься боевой подготовкой, когда «день проходит за днем, а турки не двигаются»? Тем более, что по наблюдениям командира батальона из волонтеров, «сербсы любовью учились приемам, фронту, они отлично понимали, что в этом заключается их спасение, что на этом должны быть основаны их надежды»¹⁰. Но, увы, «в армии не было инспекторов, не было сделано никаких расписаний лагерных занятий. В этом отношении штаб Черняева совершенно бездействовал, упуская из вида много свободного времени, которое при других условиях могло быть употреблено с большой пользой для дела»¹¹.

Такие просчеты (если не сказать — хаос в штабной работе) наглядно показывают уровень сотрудников, с которыми Черняев связал себя. За четыре месяца войны у него сменилось три начальника штаба — В. Беккер, В. В. Комаров, Д. П. Дохтуров. «Ни один из них, — пишет исследовательница добровольческого движения Л. В. Кузьмичева, — не мог оказать существенную помощь Черняеву в принятии решений, организации и ведении боевых действий»¹². Ниже уровнем в окружении генерала оказались вообще случайные люди — так, адъютант его, капитан Лаврентьев, приехав в Петербург, «собирал деньги везде, ибо все ему давали, без малейшего недоверия... и вот на эти деньги он завтракал, обедал, ужинал, шампанское разливал потоком, кутил с красавицами, и все это видели и как ни в чем не было продолжали давать ему деньги»¹³.

Многие наблюдатели в России с сожалением констатировали столь очевидную кадровую неразборчивость Черняева — в качестве альтернативы

его приближенным они порой приводили нашего героя. «Мы знаем, — писал, к примеру, знаменитый русский славист П. А. Ровинский, — что некоторые личности давно ждали минуты, когда можно будет встать в ряды славян; к числу таких принадлежал Раевский, который... был в Сербии в 1867 г. в ожидании, что начнется дело. Нельзя не пожалеть и не удивляться тому, что главнокомандующий окружил себя не такими людьми»¹⁴. Причины, по каким генерал так себя вел — т. е. практически не использовал Раевского в войне, мы покажем ниже. Увы, они довольно банальны.

Пока же, в контексте сказанного, приведем оценку общего положения из письма последнего Семеке: «В заключении скажу следующее — война ведется без плана и без всякого порядка; мы не имеем разъездов и не знаем, где неприятель и сколько его, пока не сойдемся с ним. Сербские офицеры негодуют на такой образ действий и говорят, что если еще его терпят, то только из опасения оскорбить национальное чувство русских, но что войско гибнет и страна разоряется» (АР, т. V, с. 637). Вердикт сколь печальный, столь и справедливый...

К тому же главнокомандующий больше занимался политикой, чем военным планированием. При этом он весьма мало понимал специфику народа, в среде которого временно оказался, не уважал его правительство и традиционные институты¹⁵. Общаюсь исключительно с князем, он желал полностью поднять под себя чиновников*. Отсюда и его известный конфликт с военным министром Княжества, полковником Тихомилем Николичем. По свидетельству очевидца, «вся военная власть была в руках русских. Русский увлекался этой властью. занимал лучшие места, получал высшие награды; опираясь на строгость дисциплинарного закона военного времени, он творил то, что хотел, распоряжался в Сербии как в своей стране, как у себя дома...»¹⁶. Немногие из волонтеров, подобно полковнику Клиндеру, смели возразить на это: «Вы забываете, что мы в чужой стране, в гостях у сербов; они здесь хозяева, а мы гости»¹⁷. И в результате — «сербская интеллигенция питала к Черняеву затаенную злобу»¹⁸.

Да и как не питать, если, к примеру, 4 сентября он организовал провозглашение князя Милана королем Сербии. Слава Богу, сербскому монарху хватило ума отказаться от предложенного титула... А королева Наталья** вспоминала, с каким ужасом слушала она советы, которые давал генерал ее мужу — «отменить конституцию и, опираясь на русских добровольцев,

* Князь В. П. Мещерский писал в своих письмах из Сербии: «Как потом я узнал, прямые известия от Черняева получает в Белграде только князь Милан; даже военное министерство ничего, подчас, не знает, или узнает по сообщении ему князем Миланом черняевского донесения...» (*Мещерский В. П. Правда о Сербии...* С. 83-84).

** Сербия была провозглашена королевством в феврале 1882 г.

совершить в стране переворот, если народ воспротивится таким действиям¹⁹. Причем не только она была шокирована. Видный российский публицист Г. К. Градовский писал в своих заметках о событиях тех дней: «В августе посетил меня сербский представитель в Петербурге г-н Протич и со слезами на глазах негодовал на своеволие и бесчинства Черняева, нарушавшего конституцию и попиравшего права народной скупщины». Кстати говоря, советы отменить конституцию и объявить князя *самодержавным* правителем генерал получал из России, от своих единомышленников (и, в частности, они содержались в письме его шурина, полковника Г. А. Вульфберта²⁰). О таких настроениях в столице Протич в смятении информировал министра иностранных дел Сербии Йована Ристича²¹... «Глупая, насильственная выходка Черняева, — подводил итог Градовский, — свидетельствовала о его легкомыслии, дерзости и совершенном непонимании политической обстановки»²².

Последнее, весьма дельное, замечание перекликалось и с позицией российских верхов. Так, 6 сентября военный министр Д. А. Милютин записал в дневнике: «Государь все одобрил все разрешил, хотя слушал как-то рассеянно. Видно было, что в мыслях у него совсем другое. Его встревожило новое сумасбродство Черняева, который вздумал провозгласить князя Милана королем сербским. Если Милан примет этот титул и объявит себя совершенно независимым от Порты, то это станет вразрез с нынешним направлением политических переговоров... и крайне затруднит нашу дипломатию». Мало того, Александр II прямо заявил Милютину, что «предвидит намерение Черняева свергнуть Милана и провозгласить республику, приготавливая себе звание президента»²³. Ни больше, ни меньше.

На первый взгляд, это «предвидение» выглядело фантастикой. Сходного мнения придерживался и военный министр, отметив, что «государь придает слишком большую важность безумной затее Черняева»²⁴. Но,

---

* Жена И. С. Аксакова, Анна Федоровна Тютчева — автор мемуаров «При дворе двух императоров», занесла 8 сентября в дневник: «Черняев ввязался в игру с преторианской гвардией и возводит на престол королей. Мой муж вернулся очень расстроенный этим известием. Черняев ни с кем не советовался и никого ни о чем не предупреждал. Он вообще обращается в Славянский комитет только с просьбами прислать вещей и денег, а просимые суммы все возрастают (третьего дня муж получил телеграмму, в которой тот просит комитет присылать ему 12 тысяч дукатов ежемесячно); он никогда ничего не пишет, ничего не объясняет, ни о чем не отчитывается, а его военные успехи отнюдь не столь блестящи, чтобы оправдать эти диктаторские замашки; теперь он вдобавок, захватив власть, стал действовать вразрез с принятой политикой и своими безрассудными поступками мешать переговорам европейских держав с Портой и добиваться автономии для христианских провинций» (Тютчева (Аксакова) А. Ф. Честь России и славянское дело. Перевод с франц. и публикация Л. Гладковой // www.moskwa.ru/2000/08/aksakova.htm).

думается, Его Величество отлично знал, о ком говорил. И лучшее свидетельство тому — декларация самого генерала, выдававшая его затаенные грезы: «Если славянское дело победит, то я войду в историю, как *славянский Вашингтон* (выделено нами. — А. Ш.)»²⁵.

«Дело», однако, потерпело крах, соответственно и новый Вашингтон не родился; в историю Михаил Григорьевич, конечно, вошел, но скорее как «Дон-Кихот последних дней», или «неутомимый и амбициозный дух, стремящийся к военным победам исключительно ради собственной славы». Именно так завершает свои размышления о нем американский историк Дэвид Маккензи²⁶... Но закончим с большой политикой и вернемся к чисто военным аспектам и отношениям Черняева с «Вронским».

Что до боевых качеств генерала, то ухарство и партизанщина, так свойственные ему и мало прощительные даже в действиях небольших отрядов в условиях Средней Азии, но имевшие там шансы на успех (что проявилось во время взятия Ташкента²⁷), в случае с *регулярной армией* были явно неуместны. Потому и отношение «ташкентского льва» к Д. А. Милютину — реформатору и педанту, обладавшему высочайшей военно-штабной культурой, всегда отличалось откровенной неприязнью. Видный сербский литератор Пера Тодорович, отлично говоривший по-русски и служивший в штабе Черняева переводчиком, вспоминал впоследствии о поведении генерала во время битвы за Шуматовац: «Когда 11 августа турецкий штурм застал его в шуматовацком редуте, мы своими глазами видели, как он бежал от орудия к орудию, сам наводил их и отдавал команду целой батарее»²⁸. Все так, вот только можно ли воспринимать как комплимент это свидетельство о безусловной личной храбрости Черняева. Главнокомандующему не пристало играть роль капитана Тушина.

Прав был российский посланник в Белграде А. Н. Карцов, обобщивший в письме Н. П. Игнатьеву указанные черты его натуры: «По моему

---

* Исключительно точное сравнение М. Г. Черняева с Дон-Кихотом — отнюдь не находка заокеанского автора. Еще на заре XX века тонкую психологическую характеристику генералу дал известный русский дипломат Ю. С. Карцов, сам — свидетель поражения 1876 г. В ней-то впервые и прозвучал данный мотив. Итак: «Практическим человеком Михаил Григорьевич не был, он жил воображением. Его вечно окружал сонм мошенников, которые поддакивали его фантазиям и овладевали его доверчивостью. Подобно знаменитому герою Сервантеса, Михаил Григорьевич не признавал препятствий, всю жизнь сражался со злыми гениями и великанами, изнемогал в борьбе и вечно ходил с помятыми боками. У него, как полководца, волевые способности несомненно преобладали над критическими, сердце над разумом. Но именно этой отзывчивостью, главной чертой его характера, и объясняется тайна как его колоссальных успехов, так и за ними следовавших столь же необыкновенных неудач» (*Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879-1886. СПб., 1906. С. 56*).

скромному суждению, основанному на десятках отзывов людей сведущих и беспристрастных, он — храбрый боевой генерал, но крайне слабый главнокомандующий. Ему надо, или вернее, без него надо все устроить, распорядиться расстановкой войск и начать сражение, а потом уже поставить его на позицию... Добавьте к этому, что он по целым пяти-шести дням запирается в свою комнату для занятия высшими политическими соображениями»²⁹.

Что ж, такие люди могли одержать победу в *отдельном* сражении, но выиграть целую кампанию было им уже не под силу.

В конечном итоге, именно это и проявилось в Сербии — столь явно выказанные генералом «военная неспособность и дореформенные вкусы», как нелицеприятно, но по делу, выразился современник³⁰, привели к ожидаемому результату. Тяжелое поражение сербско-русских войск под Джунисом, последовавшее в октябре 1876 г., показало всю правоту многих скептиков, в том числе и Раевского. «Дальнейший разгром Сербии, — продолжал тот же современник, — был остановлен ультиматумом России. Сербская война кончилась. Черняев уехал путешествовать по Европе; ликвидация его неумелой затеи была поручена другим лицам»³¹...

Впоследствии он много писал о причинах былых неудач, отыскивая их где угодно, но только не в себе самом. Оценивая его многочисленные меморандумы, Дэвид Маккензи с иронией заключил, что «лев Ташкента» показал себя «куда более лучшим писателем, чем военным руководителем»³².

Исследователь вполне прав — повороты мысли Черняева до и после поражения удивительны (его недюжинное умение жонглировать понятиями проявилось еще во время службы в Туркестане³³). Так, за три недели до Джуниса в беседе с художником В. Д. Поленовым генерал заявил: «Несмотря на наши поражения, мне кажется, что мы одержали пассивную победу. Турки дальше не идут. Не будь на их стороне Англии, мы, может быть, теперь не тут бы были...»³⁴. И 2 октября (т. е. за 15 дней до Джуниса) в письме к Аксакову он назвал турецкие победы «мнимыми», продолжив: «Мы накануне шестинедельного перемирия. Обвиняют наши газеты в этом Милана, но настоящий виновник его ваш покорный слуга... Если число добровольцев дорастет до 10. 000 (преимущественно из солдат домилютинской армии) и 1500 казаков, я ручаюсь, что буду зимой в Софии, а следовательно Болгария свободна... Официальное участие России теперь даже излишне... Дадут мне все, что я прошу, да пришлют в сербское казначейство 10 миллионов, и турок не будет в Европе»³⁵. И снова о том же: «Сюда бы хорошую дивизию русских солдат, и дело было бы кончено»³⁶.

Когда же сербско-добровольческая армия была разбита, Черняев мгновенно нашел виновных: «Все теперь пропало. У сербов нет любви к родине»³⁷. Потом он скорректировал свой взгляд, но опять-таки в выгодном для себя свете: «Когда началась неравная борьба, вся Россия стала молиться за бойцов угнетенного славянства, но сочувствие к ним побуждало такие надежды, которых мы сами не могли иметь. От нас требовали побед, тогда как наша задача состояла в том, чтобы временно удержать напор мусульманских сил...»³⁸. Напор же этот, с которым генерал считал возможным справиться силами одной дивизии, теперь под его пером принимал фантастические размеры — оказывается, Сербия вела борьбу против «всего мусульманского мира», противостоя армии, сильнейшей в тридцать раз³⁹. Конкретными же виновниками того, что «удержать напор мусульманских сил» все же не удалось, объявлялись сербское правительство, не предоставившее в распоряжение Черняева всех ресурсов страны, да военный министр Николич, который, по его мнению, был достоин командовать разве что батальоном⁴⁰... Комментарии, думается, излишни.

Ко всему прочему добавлялись интриги — факт, что после 11 августа Раевскому так и не дали руководства отдельным отрядом или участком фронта, а посылали, что называется, затыкать дыры, вряд ли можно назвать случайностью. Тот же П. Тодорович оставил в своем «Дневнике добровольца» свидетельство о первой встрече полковника и командующего: «Передавая визитную карточку Раевского Черняеву, мне показалось, что его приезд совсем не так обрадовал генерала, как это бывало, когда прибывали другие русские»⁴¹. Да и сам Раевский, оценивая ситуацию, писал В. С. Семеке: «Теперь мне стало вполне ясно, что мне не хотят давать никакого командования, ни случая отличиться, чтобы вывести меня, наконец, из терпения и заставить покинуть край, где мое присутствие Черняеву и Комарову почему-то неприятно» (АР, т. V, с. 636).

Но почему? Уж не кроется ли ответ на этот вопрос в цитированном нами письме Раевского матери от 24 июня 1876 г. «В феврале я написал в Петербург Черняеву, — читаем в нем, — прося его уведомить меня, обращалось ли сербское правительство к нашему с просьбой о присылке ему офицеров, и как отнеслось или отнесется к такой просьбе наше правительство. На письмо это Черняев мне не отвечал и вскоре сам отправился в Сербию; какая могла быть причина его молчания, я не знаю, но думаю, что причина эта заключалась в его чрезмерном самолюбии и желании монополизировать в своих руках как заслугу такой поездки, так и связанную с нею популярность; между тем Вам хорошо известно, что если Черняев и пользовался до этого времени некоторой известностью в Сербии, то единственно благодаря тем значительным суммам, которые

я оставил ему, при отъезде моем в Ташкент, для употребления на болгарско-сербское дело» (АР. т. V, с. 580-581).

По всей видимости, ответ лежит здесь, в этом письме, поскольку все жесткие слова из него оказались фактами. Во-первых, в архиве Черняева действительно обнаружено то самое февральское послание автора, которое так и не удостоилось генеральского внимания⁴². Во-вторых, что касается его же пассажа о всего лишь «некоторой известности» будущего главнокомандующего в Сербии, то и тут нет никакой натяжки. Ведь когда весной 1876 г. шли тайные переговоры о том, кого направлять в живущую ожиданиями войны с турками Сербию, и Славянским комитетом была названа кандидатура Черняева, сербы согласились с ней отнюдь не сразу. Поначалу они предпочитали видеть у себя другого русского – боевого генерала и талантливого публициста Р. А. Фадеева, прославившегося своей работой «Мнение о Восточном вопросе». Только после его отказа отправиться в Белград, оттуда было дано добро на приезд Черняева⁴³. И, наконец, то «чрезмерное самолюбие» и стремление к популярности, о которых упоминает Раевский, уже неоднократно наблюдались нами у несостоявшегося «славянского Вашингтона». Особо наглядно, но с присущей ему крайней тактичностью, те же качества генерала проиллюстрировал И. С. Аксаков.

«Пишу Вам с полной откровенностью, — обращался он к Черняеву в январе 1877 г. — Вам несколько мешает избыток личной гордости и раздражения... Мне очень совестно, дорогой мой Михаил Григорьевич, повторять Вам такую пошлую истину, что достоинство *героя* (здесь и далее выделено в оригинале. — А. Ш.) — особенно русского героя — смирение и скромность. И скромность казалась мне присущей Вам чертою, насколько я Вас знал. Позвольте же сказать Вам откровенно, что больше Дюнишского (т. е. Джунишского. — А. Ш.) погрома Вам повредило, даже в общественном мнении России, известие о той обстановке, которой Вы

---

* После возвращения с Балкан летом 1867 г. и вплоть до своего отъезда в Ташкент три года спустя, Раевский находился в весьма тесных отношениях с Черняевым и часто виделся с ним. Они по-прежнему оставались единомышленниками, а потому упоминание об оставленных генералу деньгах «на болгарско-сербское дело» выглядит вполне логичным. Понятно и то место из письма Раевского к матери, где говорится о том, что ей многое «хорошо известно» — Анна Михайловна также знала Черняева, и даже состояла с ним в переписке. В архиве генерала сохранились два ее письма, датированных 1871 г. В одном она предлагает генералу ссуду на покупку земли, другое заканчивает словами: «Искренно уважающая Вас и благодарная Вам за Николая, А. Раевская» (Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея. Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Л. 28-29 об.).

себя окружили, об этих несчастных, в пух разодетых телохранителях*, которыми Вы обзавелись *после поражения*, об этом черняевском эскадроне, мундирами которого Вы занимались, вообще о том параде, с которым Вы появлялись в публике"... Все это не совсем по-суворовски и даже не по-кутузовски, да и не по-Вашему в начале войны»⁴⁴.

А ведь был еще *черняевский батальон*, вошедший в состав дивизии полковника Меженинова, приказ о создании которой командующий подписал 25 октября⁴⁵. В его фонде сохранился «Почетный рапорт 4-го русского им. Его Высокопревосходительства генерала Черняева батальона»⁴⁶... Но что за странная содержится в нем титулатура — *Его Высокопревосходительства*. Ведь в бытность в Сербии Черняев являлся генералом сербской армии, в которой титулование вообще не употреблялось: все обращались друг к другу по чину. Если же подобное «название» продолжало российскую традицию, то и тогда оно было неверным, поскольку Черняев, как отставной генерал-майор, подлежал титулованию *лишь Превосходительством*, но никак иначе...

Хочется быть правильно понятым. У автора нет никакой антипатии по отношению к М. Г. Черняеву. Напротив, мы совсем не собираемся умалчивать тот факт, что в литературе имеется целый ряд очерков и воспоминаний о нем, написанных в жанре панегирика⁴⁷, равно как и то, что были люди, кого генерал просто очаровывал, как, например, знаменитого художника В. Д. Поленова, посетившего его штаб в конце сентября 1876 г.⁴⁸. Мы только хотим заметить, что, на наш взгляд, Черняев и Раевский по-разному относились к самому «славянскому делу». Перефразируя

* Во время решающего сражения под Джунисом в Белград был послан адъютант Черняева — чтобы «заказать для ординарцев национальные костюмы. Тут были албанский, черногорский, старо-сербский, болгарский костюмы. Заказ был исполнен, но не в веселую минуту для Черняева...» (*Де-Воллан Г. А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 7. С. 374*).

⁴⁴ Ю. С. Карцов оставил свои впечатления о личной встрече с Черняевым после Джуниса: «Михаил Григорьевич хранился, подогревал себя надеждой, что дело освобождения славян не погибнет, что он, Черняев, доведет его до конца и т. п.» (*Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке... С. 54*). Отсюда и отмеченные Аксаковым его «парады» на публике.

⁴⁵ В «Дневнике добровольца» Поленов писал: «Редко доводилось мне встречать столь симпатичного человека, как Михаил Григорьевич Черняев. Ни фатовства, ни позировки, а напротив — необыкновенная простота и скромность во всех словах, приемах и действиях. При этом глубокая преданность идее, которая сообщалась и вам, совершенно вас побеждала и заставляла чуть не боготворить его... Я вышел от него совершенно обвороченный, мне припомнился Кутузов в «Войне и мире»» (*Сахарова В. Е. Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М. -Л., 1948. С. 128-129*).

Станиславского, скажем, что, если Раевский (и десятки других, погибших и выживших, добровольцев, сохранивших честь русского имени в Сербии) любили само *дело*, то их предводитель — более всего любил *себя* в нем...

Итак, отношения двух бывших приятелей и единомышленников не сложились — по вине Черняева, буквально оттиравшего Раевского от участия в боевых операциях*. И это в условиях постоянных стенаний генерала о нехватке опытных офицеров. «Если такое положение не прекратится, — писал Раевский Семеке, — то через несколько дней я подам в отставку и уеду в Россию, так как я приехал сюда с целью служить *сербскому* делу, а не для того, чтобы оставаться в бездействии и выносить оскорбления от Черняева».

Но уйти в отставку и уехать в Россию Николаю Николаевичу не пришлось и на этот раз — сутки спустя он погиб, выполнив до конца свой долг... Гибель Раевского имела глубокий отклик в России**. По свидетельству В. П. Мещерского, она «зажгла славянский вопрос в народе»⁴⁸. И в Сербии память о нем сохранилась. По сей день! О Черняеве же там мало кто вспоминает. Разве что профессиональные историки⁴⁹, да жители Поморавья.

Показательный факт — последние минуты жизни Раевского и его гибель были описаны очевидцами буквально в деталях, что, несомненно, является свидетельством совершенно определенного к нему отношения. Для нас же такое внимание к памяти добровольца — существенное подспорье, которое дает возможность довольно точно воспризвести события того рокового дня.

***

Итак, 20 августа продолжались жестокие бои под Алексинцем. Пертерпевшие незадолго до этого поражение при Шуматовце турки жаждали реванша и вал за валом накатывались на сербские позиции. Раевский, уже более недели состоявший при штабе Черняева — «в опале», по его собственным словам (АР, т. V, с. 679), с утра находился в свите командующего

---

* «Популярность Раевского вызывала ревность Черняева», — справедливо замечает современный автор (см.: *Якубов-А. Первый генерал-губернатор края* // <http://www.russian-bazar.com>. 2002. № 10).

** 25 августа 1876 г. в храме Параскевы Пятницы, что в Охотном ряду в Москве, состоялась панихида по убитым в Сербии Николаю Раевскому и всем православным воинам. На ней присутствовали многие известные деятели: И. С. Аксаков, М. П. Погодин, княгини Оболенская, Трубецкая, Уварова, посол России в Константинополе Н. П. Игнатьев с супругой и т. д. (см.: *Козлов В. Ф. Москва Сербии. Из истории русско-сербских связей XVII-начала XX вв.* М., 2001. С. 31).

в Житковце. Когда же туда стали поступать донесения о резком ухудшении обстановки в районе Горнего Адровца — этого ключевого пункта обороны сербов, генерал обратился к нему со словами: «Господин полковник. Прошу вас, пожалуйста, поторопитесь к Горнему Адровцу, примите команду и постарайтесь продержаться хотя бы час, пока я не пришлю вам на помощь свежие силы». «С большим удовольствием», — ответил Раевский и, подтягивая подпругу, шепнул стоявшему рядом В. Джорджевичу: «Наконец-то, мой дорогой доктор, представился случай увидеть, такой ли уж я недостойный потомок генерала Раевского, и правда ли, что милютинская армия столь плоха, как здесь о том говорят». «Прощайте, Михаил Григорьевич!» — на ходу бросил он Черняеву, и голос его задрожал⁵⁰. Было около двух часов пополудни...

А теперь дадим слово непосредственному очевидцу гибели Раевского, поручику Косте Шамановичу — пожалуй, лучшему артиллерийскому офицеру во всей сербской армии. В расположении его батареи русского добровольца и постигла смерть. И его же донесение о том известно и часто цитируется⁵¹... Мы же хотим привести неизвестный документ — собственноручную запись К. Шамановича, сделанную 5 марта 1902 г., всего через несколько дней после освещения закладного камня «церкви Вронского» в Горнем Адровце, и предназначенную для участвовавших в той церемонии родственников Н. Н. Раевского. На наш взгляд, эта хранящаяся в семейном архиве записка точнее передает многие детали случившегося 20 августа.

Итак, повторим экспозицию — турки прорываются к Адровцу, сербы отступают, Черняев приказывает Раевскому выправить ситуацию, тот спешно отправляется на поле боя и останавливает неприятеля...

А далее — слово Косте Шамановичу: «Когда с батареей Пожаревацкой бригады около двух часов пополудни я занимал позицию выше села Горни Адровац, то увидел здесь полковника Николая Раевского, который, с остальными офицерами и народными старейшинами, приводил в порядок пехоту Рудницкой бригады, находившуюся в явном расстройстве. Собрав всех трубачей и барабанщиков, полковник Раевский приказал им играть сигнал на штурм — под его руководством войска снова вступили в борьбу, заняв окраину поля и опушку небольшой рощи. На самом же поле, в линии стрелковой цепи располагалась отличная позиция для батареи. В желании содействовать нашей пехоте я рискнул и поспешил ее занять, а затем начал обстреливать наступающих турок. Едва я открыл огонь, командир взвода моей батареи доложил мне, что меня ищет полковник Раевский. Но в этот момент сам господин полковник подъехал ко мне. Я отрапортовал ему, а он, похлопав меня по плечу, похвалил за то, что я так близко расположил свою батарею.

Слезши с коня и передав его моим ездовым, он находился на батарее все время, пока не был убит. Он лично командовал нашим правым крылом и, наряду с отдаванием приказаний, оценивал расположение турецких и наших войск. Затем он спросил меня — сколько еще нужно орудий, чтобы защитить эту позицию. Я отвечал ему, что, кроме моей, необходимы еще две полевые батареи. Потом он наблюдал за ходом боя и что-то записывал.

Около четырех часов я находился на правом фланге батареи, руководя оттуда ее огнем. В это время командир взвода Антоние Станоевич обратился ко мне со словами: “Господин поручик, полковник Раевский погиб”, показывая при том рукой, где он упал — это было между первым и вторым орудиями. Я тут же подбежал к нему и нашел его сидящим на земле и обхватившим голову двумя руками. Карандаш и записная книжка выпали из рук и лежали рядом. Я схватил его обеими руками под мышки, спрашивая, что случилось. Как только я начал его поднимать, чтобы увидеть, куда он ранен, руки его опустились — он только открыл рот, словно хотел вздохнуть поглубже, и испустил дух на моих глазах. Держа его под мышки и видя, что он уже умер, я позвал взводного Станоевича, и мы вместе с ним вынесли его из-под огня и положили позади орудий. Затем я дал команду, чтобы в моем присутствии тело Раевского было передано санитарам. Они же и отнесли его в тыл, на перевязочный пункт, что находился рядом с церковью Святой Петки... Полковник Раевский, — заключал Шаманович свое скорбное повествование, — погиб от ружейной пули, которая поразила его в голову навывлет, чуть выше виска...»⁵².

Одно лишь прибавление позволим мы себе сделать к рассказу комбата, уточняя действия Раевского в последние мгновения жизни — что бы это значило: «он наблюдал за ходом боя и что-то записывал»?

А то, что, оценив ситуацию и отхлебнув воды из фляги рядового Гавриловича⁵³ — солнце палило нещадно, — посланец Черняева на оружейном лафете начал составлять донесение в штаб, которое предполагало наступление: «Турецкие войска укрепляются на высоте Алексинацкой долины, налево от нас. С правой стороны долина чиста для прохода нашего войска в тыл неприятелю...» (АР, т. V, с. 638-639). Но поставить точку полковник не успел. Турецкая пуля ударила в левый висок, пробив форменную шапку*. Командир батареи, после того, о чем он уже нам поведал,

---

* Эта шапка сохранилась — денщик Раевского сберег ее и доставил, как реликвию, родным погибшего офицера. Один из русских добровольцев вспоминал: «Вчера видел денщика полковника Раевского. Он убит наповал пулей в висок... Денщик показывал нам капу (шапку вроде шотландской, форменная, сербская) покойного, простреленную и обрызганную кровью» (Записки добровольца о сербской кампании // Колосья. 1892. № 5. С. 74-75).

послал с нарочным срочную депешу. «Имею честь известить вас, — писал он главнокомандующему, — что полковник Раевский только что погиб возле моей батареи от пули неприятеля. Его саблю, ордена, кошелек и записную книжку я взял на хранение до дальнейшего приказа»⁵⁴...

Увы, как это нередко бывает, внезапная гибель командира надломил дух его бойцов, до того стойко отражавших все атаки врага. К шести часам вечера позиции у Горнего Адровца были оставлены. В большой же и толстой книге с длинным названием «Ведомость о русских офицерах и волонтерах, состоящих в Тимоко-Моравской армии под командованием генерала Черняева», безвестный штабной писарь против фамилии Раевского приписал простым карандашом: «При главном штабе. Убит 20 августа под Алексинцем»⁵⁵.

Примечания

¹ Архив Српске Академије наука и Уметности (далее — АСАНУ). Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 18/258. Сигн. XVIII/2.

² *Ђорђевић В.* Српско-турски рат. Београд, 1907. С. 204-205. Мемуары доктора Владана Джорджевича, являющиеся одним из главных источников для изучения деятельности Н. Н. Раевского в Сербии, давно известны российской науке. Практически все данные из них, которые связаны с пребыванием Раевского в Сербии и его гибелью, привел в своих комментариях к «Архиву Раевских» Б. Л. Модзалевский (см.: Архив Раевских. Пг., 1915. Т. V. С. 681-683). И позднейшие авторы, писавшие о Раевском, активно использовали эти воспоминания (см.: *Корнилов Ю. Э.* Как погиб граф Вронский? М., 1975. С. 27; *Петров А.* Добровольцы // Родина. 1998. № 5-6. С. 105-106)... И в сербской литературе мемуары Владана Джорджевича (а точнее — отрывки из них, связанные с Раевским) неоднократно цитировались. Как в периодике, так и в монографических сочинениях (см., например: *Стојановић Р.* Легенда о Вронском // Вечерње новости. 5. август 1958.; *Јанковић П.* Како је погинуо Вронски из «Ане Каренине» // Политика. 14. септембар 1975.; *Нешић Т.* «У гостима» код Вронског // Политика. 24. август 1976.; *Он же.* Повратак добровољца Рајевског // Политика. 4. децембар 1991.; *Он же.* Срце остало у Србији // Политика. 16. септембар 1996.; *Милошевић С.* У Србији је Рајевски оставио своје срце / «Културни корак 92». Заједничка акција Радио-Београда и «Илустроване политике»: Алексинац // Илустрована политика. Београд, 1992.; *Стојановић Д.* Јунак са три срца (3) // Вечерње новости. 31. август 2001.; *Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске војске // Војно-историјски гласник. 1997. Бр. 2-3. С. 242-243; *Југовић М., Марковић Р.* Ражањ. Ражањ, 1977. С. 86-87; *Бранковић С.* Независност слободољубивих. Београд, 1998. С. 355; *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. Београд, 2002. С. 55-56, 71-73, 74-75 (мы не упоминаем здесь его много-

численные публикации в прессе, практически повторяющие друг друга); *Јовић С.* Вронски у Адровцу. Београд, 2003. С. 74-75, 77, 81, 84, 86).

³ Существует, однако, другая версия развязки знаменитого «спора» Черняева и Раевского. По мнению Б. Поточана, полковник после него не только не был отстранен от участия в боевых действиях, но наоборот — повышен: «Еще в тот же вечер генерал извинился. А наутро повесил на грудь Раевского, рядом с русским орденом, Таковский крест (мы уже говорили, что тот был награжден им еще 9 августа. — А. Ш.). И взял его в Главный штаб» (*Поточан Б.* Вронски одјахао у смрт // Илустрована политика. 10. новембар 2001. С. 31.).

⁴ *Де-Воллан Г. А.* В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2. № 7. С. 360.

⁵ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 18/60. Сигн. XVIII/2 (Черњајев — Милану Обреновићу. Алексинац, 8. августа 1876.).

⁶ Там же. Инв. бр. 18/803. Сигн. XVIII/9 (Састанак министарског савета од 9. септембра 1876.).

⁷ *Де-Воллан Г. А.* В Сербии. Недавняя старина... С. 358.

⁸ Князь Мещерский В. П. Воспоминания. М., 2001. С. 364.

⁹ *Де-Воллан Г. А.* В Сербии. Недавняя старина... С. 369.

¹⁰ *Максимов Н. В.* Две войны 1876-1878. Воспоминания и рассказы из событий последних войн в двух частях. СПб., 1879. Ч. I. Война в Сербии. С. 140.

¹¹ Там же.

¹² *Кузьмичева Л.* В Русские добровольцы в сербско-турецкой войне 1876 г. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 85.

¹³ Князь Мещерский В. П. Воспоминания. С. 357.

¹⁴ *Ровинский П. А.* Наши отношения к сербам (Почтение из прошлого и настоящего) // Древняя и новая Россия. 1877. Т. 1. № 2. С. 184.

¹⁵ *MacKenzie D.* Cherniaev on the Serbo-Turkish War of 1876 // *MacKenzie D.* Serbs and Russians. Columbia University Press. NY., 1996. P. 254-257.

¹⁶ *Максимов Н. В.* Две войны... С. 135.

¹⁷ Там же. С. 150.

¹⁸ Там же. С. 136.

¹⁹ *Краљица Наталија Обреновић.* Моје успомене. Приредила Љ. Трговчеви Ћ. Београд, 1999. С. 84.

²⁰ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 18/263. Сигн. XVIII/2 (Г. А. Вульферт — М. Г. Черняеву. Петербург, 22 июля 1876 г.).

²¹ Там же. Инв. бр. 26/717. Сигн. XXVI/12 (М. Протић — Ј. Ристићу. С. -Петербург, 26. јула 1876.).

²² *Градовский Г.* «Архистратиг славянской рати». Из воспоминаний литератора // Образование. 1909. № 1. С. 123.

²³ Дневник Д. А. Милютина. М., 1949. Т. 2 (1876-1877). С. 79.

²⁴ Там же.

²⁵ *Хвостов А. Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость славян. СПб., 1877. С. 27.

²⁶ *MacKenzie D.* The Lion of Tashkent. The Career of General M. G. Cherniaev. University of Georgia Press. Athens, 1974. P. 243-244.

²⁷ Подробнее о тактике М. Г. Черняева и его действиях в Туркестане см.: *Шемякин А. Л.* Генерал М. Г. Черняев и Сербская война // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 2. М., 2006. С. 199-217.

²⁸ *Тодоровић П.* Писма. Личности и личност. Приредила Л. Перовић. Београд, 2000. С. 438. См. также: *Максимовић М.* Генерал Михаило Черњајев // Политика. 23. јун 2003.

²⁹ Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 3094. Л. 80.

³⁰ Градовский Г. «Архистратиг славянской рати»... С. 123.

³¹ Там же.

³² *MacKenzie D.* Cherniaev on the Serbo-Turkish War of 1876... P. 265.

³³ См., например: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1863-1864. М., 2003. С. 518.

³⁴ *Сахарова В. Е.* Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М. -Л., 1948. С. 129.

³⁵ Рукописное отделение Российской Национальной Библиотеки (далее – РО РНБ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 387. Л. 19-20.

³⁶ *Де-Воллан Г. А.* В Сербии. Недавняя старина... С. 356.

³⁷ Там же. С. 374.

³⁸ РО РНБ. Ф. 1009. Д. 1. Л. 4.

³⁹ *MacKenzie D.* Cherniaev on the Serbo-Turkish War of 1876... P. 252.

⁴⁰ Ibid. P. 257-258.

⁴¹ *Тодоровић П.* Дневник једног добровољца. Београд, 1964. С. 131. «Дневник добровољца» Перы Тодоровича, выдержавший три издания (1938, 1964, 1988), также хорошо известен авторам, повествующим о русских добровольцах в целом, и о Раевском, в частности. Из российских историков его использовала Л. В. Кузьмичева (см.: *Кузьмичева Л. В.* Русские добровольцы в сербо-турецкой войне... С. 84, 90). А из наших сербских коллег – Момо Капор, Снежана Милошевич, Миодраг Тодорович, Вера Митрович, Ольга Манойлович, Слободан Бранкович, Душан Стоянович, Будимир Поточан, Стоян Йович (см.: *Капор М.* Последња љубав Вронског // Политика. 3. новембар 1991; *Он же.* Србија – последња љубав Вронског // Ефимија. Београд, 2001. С. 124-125; *Милошевић С.* У Србији је Рајевски оставио своје срце / «Културни корак 92». Заједничка акција Радио-Београда и «Илустроване политике»: Алексинац...; *Тодоровић М.* Пера Тодоровић. Живот и дело. Смедеревска Паланка, 1994. С. 27-28; *Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске војске... С. 243; *Манојловић О.* Смрт и сећање // Од Делиграда до Делиграда. 1806-1876. Београд, 1997. С. 255; *Бранковић С.* Независност слободољубивих. С. 354; *Стојановић Д.* Јунак са три срца (2) // Вечерње новости. 30. август 2001.; *Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. С. 39-43, 50-54, 57-59 (мы также не приводим здесь его статей); *Јовић С.* Вронски у Адворцу. С. 112-113).

⁴² Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Л. 26-26 об. (письмо из Севастополя от 24 февраля 1876 г.).

⁴³ *Дурново Н. Н.* К истории сербско-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. Т. 75. № 2. С. 534.

⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 42. Л. 16-16 об.; РО РНБ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 31.

⁴⁵ АСАНУ. Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 18/185. Сигн. XVIII/2.

⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 14. Л. 78-79.

⁴⁷ См., например: *Moser H. 'A travers de l'Asie Centrale. Paris, 1885; Шнейдер И. И. Русский герой. Памяти М. Г. Черняева. Спб., 1903; Михайлова А. (Черняева А. М.) М. Г. Черняев: биографический очерк. СПб., 1906 и др.*

⁴⁸ *Мещерский В. П. Правда о Сербии. Письма. СПб., 1877. С. 121.*

⁴⁹ В октябре 1996 г. в городке Каоник, под Крушевцем, состоялась научная конференция, посвященная очередному юбилею сербо-турецкой войны 1876 г. В своих выступлениях, с цифрами и фактами в руках, сербские историки показали как крупные недостатки боевого развертывания частей и соединений, осуществленного штабом Черняева, так и явные провалы в организации им разведывательной службы (см.: *Бокић Н. Научни скуп «Креветска битка и српско-турски ратови 1876-1878» // Историјски часопис. Београд, 1997. Књ. XLII-XLIII (1995-1996). С. 489-492*). Увы, нам было нечего противопоставить своим коллегам.

⁵⁰ *Борђевић В. Српско-турски рат. С. 343-344.*

⁵¹ См.: *Опачић П., Скоко С. Српско-турски ратови 1876-1878. Београд, 1881. С. 132; Нешић Т. Срце остало у Србији // Политика. 16. септембар 1996.; Поточан Б. Вронски. Част и љубав. С. 75-76.*

⁵² Отдел рукописей Института Русской Литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф. 253. Д. 620. Л. 84-85 об.

⁵³ *Југовић М., Марковић Р. Ражањ. С. 86.*

⁵⁴ *Борђевић В. Српско-турски рат. С. 343-344.*

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 1750. Д. 142. Л. 176 об. -177.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Черняев, по воспоминаниям очевидцев, был сражен скорбной вестью. В тот же день он отправил А. М. Раевской телеграмму о смерти сына. А 22 августа князь Милан Обренович написал Михаилу Николаевичу: «С чувством глубокой грусти посылаю к Вам сие печальное известие, что Ваш доблестный брат Николай Раевский геройски пал в кровавой борьбе против врага славянского имени и веры православной. Ваша потеря велика, но она не менее велика и для сербского войска и того святого дела, во имя которого он геройски боролся. Я надеюсь, что это войско, в котором он командовал и показал такой доблестный пример, отметит его героическую смерть и прошу Всевышнего, да укрепит Ваши силы перенести эту тяжелую потерю». (АР, т. V, с. 651-652).

Сразу же по получении телеграммы Черняева Анна Михайловна собралась в дорогу — отправившись в конце августа поездом из Одессы, она (через Кишинев, Яссы, Плоешти, Бухарест и Турн-Северин) спустя несколько дней прибыла в Белград. Все это время сын дождался ее в монастыре Святого Романа, где был расположен лазарет сербской армии, который, правда, уже ничем не мог помочь, — на следующий день после гибели тело Раевского было перенесено в обитель и там захоронено. До сих пор на месте этой временной могилы лежит каменная плита с выбитым на ней крестом, окруженная цветами. В голове растет вечнозеленый кустарник. За местом первого упокоения русского добровольца ухаживает монастырское сестринство. Существует легенда, что здесь навсегда осталось его сердце...

Снова ненадолго прервемся. Дело в том, что в прошлом издании книги мы не пошли дальше констатации этой красивой и общеизвестной легенды. Но теперь, после новых находок, стало возможным, как нам представляется, рационально объяснить и происхождение легенды, и то, что на самом деле за нею стояло.

В сохранившейся монастырской летописи от 1911 г., опубликованной в конце 1930-х гг., читаем: «Архимандрит Данило Неделькович находился во главе монастыря 29 лет — с 1873 г. по 1902 г., когда заболел; а умер он в 1907 г... . Еще во время болезни архимандрита Данила настоятелем Святого Романа назначен архимандрит Атанасие Радованович. Он и ныне управляет обителью, пребывая в глубокой старости»¹. На другом месте приводится рассказ последнего: «Тело Раевского, — утверждает архимандрит Атанасие, — пролежало в могиле всего два дня, потом было вынута

и подготовлено к отправлению в Россию, а внутренние органы были возвращены в ту же могилу»².

Эти драгоценные сведения и проливают свет на все, дотоле легендарное. Владыка Данило (что явствует из времени его настоятельства) был именно тем, кто непосредственно принял в монастыре тело убитого Раевского в августе 1876 г. Соответственно — он наблюдал все, что с ним затем происходило. А потому и рассказ архимандрита Атанасия — его наследника и современника, приобретает характер вполне достоверного источника. Который подтверждается действиями однокашника братьев Раевских еще по Московскому университету и спутника Николая по поездке в Сербию в 1867 г., подполковника Константина Кесякова (также добровольца Сербской войны³) — именно он, по просьбе Анны Михайловны, прибыл за ее сыном.

Для возвращения на родину тело Н. Н. Раевского было эксгумировано; по просьбе Кесякова забальзамировано (операцию проводил доктор Моллов⁴); положено в дубовый гроб, который был затем поставлен в другой, привезенный из Белграда свинцовый, и, наконец, отправлено в сербскую столицу... Процесс же бальзамирования, как известно, подразумевает изъятие внутренних органов — они-то и остались на месте первого упокоения. Так что, действительно, могила в Святом Романе отнюдь не пуста: часть праха добровольца, включая его *сердце*, покоится в земле, которую он полил собственной кровью, — в стране, за которую погиб.

Как-то сразу вспоминаются Кутузов и Шопен, подросток Людовик XVII и Пьер де Кубертэн...

Одна лишь неточность вкралась в рассказ владыки Атанасия — будто бы тело русского офицера находилось в Святом Романе всего двое суток. Старого настоятеля подвела память, что легко показать. Известно, что в монастырь оно было доставлено и там захоронено 21 августа⁵. А 29 августа местный сербский чиновник телеграфировал из Делиграда (где находился главный штаб Черняева) министру иностранных дел Йовану Ристичу: «Здесь подполковник Кесяков. Он ожидает прибытия заказанного в Белграде свинцового гроба, в котором затем и доставит туда тело полковника Раевского»⁶. 31 августа уже сам Константин Искрович обращается к Ристичу с просьбой отговорить Анну Михайловну от посещения Горнего Адровца (мать, несмотря ни на что, рвалась на место гибели сына): «Прошу вас, пожалуйста, сообщите госпоже генеральше Раевской, что место, где пал ее благородный сын, занято турками. Мы находимся в зоне действия их ружейно-артиллерийского огня. Поэтому я и прошу передать госпоже Раевской мою просьбу не приезжать сюда, ибо в этом нет никакого смысла. Я привезу его тело на этих днях»⁷.

А 1 сентября для «графа Вронского» начался путь домой. В 11 часов утра, по свидетельству корреспондента газеты «Новое время», его тело извлекли из могилы, сделали все необходимые приготовления, и, под звон колоколов, проводили из Святого Романа. «Когда же печальная процессия вступила в Делиград, — продолжал тот же очевидец, — её встретили священники пением и батальон солдат барабанным боем и ружейным и пушечным огнем»⁸. Находившийся в штабе Черняева другой русский также зафиксировал: «Сегодня провозили тело полковника Раевского, ему салютовали тремя залпами и шестью выстрелами из орудий»⁹. При этом, «весь штаб и почти все офицеры, русские и сербские, провожали гроб из Делиграда далеко по дороге на Ражань...»¹⁰.

4 сентября К. И. Кесяков доставил скорбный груз в Белград. Столичные мастера посеребрили украшения на поверхностях саркофага. Затем закрыли его и залили свинцом, подготовив к последнему путешествию. В 5 часов по полудни, «при громадном стечении народа», гроб поставили в собор¹¹.

На следующее утро в белградском кафедральном соборе состоялось отпевание Н. Н. Раевского. Чинодействовал при том сам Высокопреосвященный митрополит Михаил, при содействии тридцати иерархов и священников. «Вечную память» пел хор московских певчих. Поклониться праху героя в храме собралось все местное высшее общество во главе с князем Миланом. И только княгиня Наталья (дочь полковника русской службы Петра Ивановича Кешко) не была, по причине своей болезни. Присутствовала и А. М. Раевская. Все отмечали, что на нее было больно смотреть — на тридцать третьем году вдовства она потеряла и старшего сына. «Она держала себя с достоинством, но горькие слезы, порой пробивавшиеся у нее, несмотря на все старание удерживать их, трогали всех присутствовавших», — писал очевидец¹². На улице выноса гроба ожидало целое море народа, что хорошо видно на гравюре, запечатлевшей момент прощания Сербии с Раевским.

Во время панихиды владыка — бывший воспитанник Киевской духовной академии, пользовавшийся огромным уважением в России, — высказал «вечную благодарность благородным, добродушным и геройским братьям нашим». «Христоробивую же душу Николая Раевского, который пал на поле битвы за святое общее дело гуманности, справедливости и братства, — продолжал он, — пусть Господь примет в свое блаженное царство. Благородной же матери усопшего, госпоже Анне, пусть Господь пошлет утешение и укрепление, чтобы она, видя, какими горючими слезами русскими и сербскими орошен хладный гроб сей, возмогла перенести ощутительную потерю свою» (АР, т. V, с. 664).

В тот же день, в четыре часа пополудни, депутация граждан Белграда посетила Анну Михайловну. В ответ на соболезнования, принесенные ей от имени депутации протоиреем Яковом Павловичем (будущим сербским митрополитом Инокентием), она смогла только сказать: «Благодарю вас, господа, за сочувствие, которое вы оказываете мне в потере моего сына, вспоминая таким образом память его. Это было давнишнее желание моего сына: давно он питал в сердце своем желание жертвовать собою для освобождения славян от ига и изгнания турок из славянских земель. Еще раз благодарю вас, господа, за сочувствие ваше» (АР, т. V, с. 665).

А последний день Раевского на сербской земле тем временем продолжался. В шесть часов вечера гроб с его телом был вынесен из собора и в сопровождении всего белградского гарнизона, генералитета, духовенства и массы народа, под звуки военной музыки, перенесён на пристань. Роль почетного караула выполнял эскадрон русских кавалеристов. Приготовленный по случаю катафалк остался без надобности — всю дорогу офицеры несли гроб на руках.

У пристани уже ждал пароход «Делиград» — тот самый, что лишь месяц назад доставил живого Раевского из Белграда в Смедерево. Сейчас, под гром пушек, он увозил его, мертвого, в Одессу (там «вступившего» на родную землю добровольца еще раз отпели в кафедральном соборе)... Из Одессы траурный груз проследовал по железной дороге до станции Фундуклеевка (в уездном городке Александровка), откуда двадцать верст его везли на лошадях. Черные кони с траурными лентами быстро домчали «Вронского» до родовой Еразмовки, где он и остался навечно, рядом с прахом деда — защитника легендарной батареи.

И мы даже осмелимся предположить, не опасаясь — в свете сказанного выше — слишком ошибиться, что за плитой в стене фамильного склепа стоит свинцовый гроб, с дубовым внутри себя, где лежит совсем не тронутый тлением Раевский 3-й в сербской полковничьей униформе...

Уже упоминалось, что семейной усыпальницей Раевских служила Свято-Крестовоздвиженская церковь, заложенная 3 мая 1833 г. над местом погребения генерала Раевского 1-го, скончавшегося четырьмя годами ранее. Таким образом, храм с самого начала имел двойное назначение: мемориальное и культовое, что не могло не отразиться и на его внешнем облике. Мощная двойная колоннада из двенадцати дорических чугунных колонн, оформляющая вход в однокупольную церковь, — это, своего рода, триумфальные ворота в Пантеон героя. На взгляд В. Г. Бухарова, многие годы исследующего усыпальницу, «просто напрашивается удивительная по своей простоте аналогия — колоннада практически в точности повторяет Московские триумфальные ворота в С. -Петербурге, поставленные

в честь победы русских войск на Востоке»¹³. И, соответственно, как он полагает, автором церкви в Еразмовке вполне мог быть или сам «поэт русского триумфа» – известный архитектор В. П. Стасов, или кто-то из его учеников¹⁴.

В сентябре 1855 г. храм-усыпальница был торжественно освящен.

Интересно архитектурное решение и собственно склепа, расположенного в помещении под зданием церкви. Не трогая захоронения генерала, его просто «накрыли» каменным цилиндрическим пантеоном, свод которого и по сей день служит опорой для алтарной части. Вокруг пантеона остались проходы, которые затем были частично заделаны, образовав две погребальные камеры – справа и слева от него. В одну из них (ту, что слева от Н. Н. Раевского-старшего) позднее перенесли останки неизвестного члена семьи. Кто он – до сих пор тайна. Хотя, скорее всего, это старший и любимый брат генерала, Александр Николаевич – тот самый, что погип на стенах Измаила¹⁵.

По правую же от деда руку, осенью 1876 г., и положили его погибшего в Сербии внука. В нише на стене, за которой скрыт его саркофаг, – чугунная доска с надписью: «Полковник Николай Николаевич Раевский. 5 ноября 1839 + 20 августа 1876. Убит в сражении при Верхнем Адроваце»... Похороны состоялись 23 сентября при участии священника Свято-Крестовоздвиженской церкви Андрея Нестеровского и дьячка того же храма Евлампия Оссинского. Акт о погребении подписал Благодичинный Григорий Плуговский¹⁶.

Казалось бы, все. Но история «графа Вронского» в Сербии на этом отнюдь не закончилась. Начиналась жизнь после смерти – материализация памяти.

---

* В 1883-1886 гг., тщанием М. Н. Раевского, Свято-Крестовоздвиженская церковь была заметно расширена. Причиной перестройки стало желание увеличить фамильный склеп. Тем более, что в 1881 г. в нем (а не в своем имении Сунки, как пишет Г. С. Шенкман – см.: *Шенкман Г. С.* Генерал Раевский и его семья. СПб., 2003. С. 159) уже упокоилась дочь генерала Софья Николаевна. В 1883 г. на церковном погосте в ограде храма был похоронен четырехлетний сын М. Н. Раевского Григорий; в 1889 – скончавшаяся во младенчестве дочь Елена; в 1893 г. там же лег сам Михаил Николаевич, а в 1900 – его старший сын Николай... Судьба хранила усыпальницу Раевских. Она пережила вихрь революций, разметавший многие дворянские гнезда и могилы «эксплуататоров» по соседству, и две немецкие оккупации. Все захоронения остались нетронутыми. Лишь в 1965 г., на излете хрущевского наступления на церковь, храм лишился куполов. В таком, довольно «светском», виде он и простоял четыре десятилетия... В настоящее время усилиями фонда имени Н. Н. Раевского Свято-Крестовоздвиженской церкви возвращается ее первоначальный облик.

Примечания

- ¹ *Веселиновић М.* Свети Роман. Ниш, 1939. С. 42.
- ² Там же. С. 36.
- ³ Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее – АСАНУ). Ф. Јована Ристића. Инв. бр. 25/448. Сигн. XXV/13.
- ⁴ Новое время. 13 сентября 1876 г. № 195; Всемирная иллюстрация. 9 октября 1876 г. № 406.
- ⁵ Новое время. 6 сентября 1876 г. № 188.
- ⁶ АСАНУ. Фонд Јована Ристића. Инв. бр. 32/366. Сигн. XXXII/12.
- ⁷ Там же. Сигн. Инв. бр. 32/368. XXXII/12.
- ⁸ Новое время. 13 сентября 1876 г. № 195; Всемирная иллюстрация. 9 октября 1876 г. № 406.
- ⁹ Записки добровольца о сербской кампании // Колосья. 1892. № 5. С. 84.
- ¹⁰ Новое время. 13 сентября 1876 г. № 195; Всемирная иллюстрация. 9 октября 1876 г. № 406.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Всемирная иллюстрация. 9 октября 1876 г. № 406.
- ¹³ *Бухаров В. Г.* Усыпальница семьи Раевских – памятник истории и архитектуры // Семья Раевских в истории и культуре России XVIII-XIX веков. Материалы I-х Елисаветградских Международных историко-литературных чтений. Кировоград, 2004. С. 6-8.
- ¹⁴ Там же. С. 8-9.
- ¹⁵ Там же. С. 10.
- ¹⁶ Центральный Государственный Исторический Архив Украины. Ф. 127. Оп. 1012. Д. 4584 Л. 573. Мы выражаем искреннюю признательность В. Г. Бухарову, ознакомившему нас с этими данными, почерпнутыми из «Метрической книги, данной из Киевской Духовной Консистории в Крестовоздвиженскую церковь села Еразмовки Чигиринского уезда за 1876 год».

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

В первые после военного лихолетья годы место смерти Н. Н. Раевского зарастало травой, как в прямом, так и в переносном смысле. Память о подвиге добровольца была свежа, но где точно он погиб, мало кто мог показать. Не до того было: сожженные и разоренные турками села многострадального Поморавья только-только возрождались из пепла, а население приходило в себя от войны. Лишь в 1887 г. оно было отмечено каменным крестом с надписью «Русский полковник Николай Раевский пал здесь в борьбе с турками 20 августа 1876 г.». Крест этот был возведен тщанием королевы Натальи по просьбе семьи Раевских. Причем всю практическую работу по его установке выполнил наш старый знакомый Коста Шаманович, получивший к тому времени чин капитана. Именно ему, как непосредственному участнику событий, поручил это дело военный министр Сербии, полковник Сава Груич. И именно он как бы заново открыл место гибели «Вронского», обозначив его, чем фактически спас от забвения, теперь уже навсегда.

В неопубликованной части архива Раевских сохранилась копия донесения капитана Шамановича министру. «5 августа, — докладывал он по-военному четко, — я обошел поле сражения, находящееся выше села Горни Адровац, т. е. те позиции, на которых действовала моя батарея 20 августа 1876 г., а затем нашел и само место, где упал русский полковник Николай Раевский, когда пуля поразила его в голову... Земля эта принадлежит Новаку Стефановичу, крестьянину из Горнего Адровца. Я вызвал его и, объяснив все значение этого места, поручил сделать ограждение вокруг него... Крест же по моему заказу был изготовлен в городе Алексинац из твердого камня, на нем вырезана указанная надпись. Все работы я завершил к 11 августа». И наконец: «Перед своим отъездом я обратился к властям Алексинацкого округа с письмом, в котором настоятельно просил их обратить особое внимание на сохранность памятного знака с тем, чтобы дети или пастухи, вследствие неразумения или случайно, не повредили его. Начальник округа, — с удовлетворением резюмировал офицер, — сразу же отдал нужное распоряжение местным властям»¹.

О принятых мерах было немедленно сообщено королеве, и 21 августа она писала Саве Груичу: «От всего сердца благодарю Вас за то, что Вы так быстро исполнили мою просьбу, относительно увековечивания места смерти полковника Раевского. Спешу уведомить его брата о выполнении

данного ему обещания»². 20 октября это ее намерение было выполнено – поверенный в делах Сербии в Петербурге М. Михайлович передал Михаилу Николаевичу «полученный на днях от адъютанта королевы сербской план местности, где погиб полковник Раевский»³.

А 25 декабря Ее Величество снова адресовалась к Саве Груичу, ставшему к тому времени премьер-министром: «Я получила письмо от брата Раевского. Он глубоко тронут посланным мною планом. Буду Вам очень обязана, если Вы доставите мне и фотографию. Я напишу, чтобы сресскому (уездному. — А. Ш.) начальнику было выдано 60 франков»⁴. Речь в заключении письма идет о снимке поставленного К. Шамановичем креста, который королева также хотела послать Раевским. Что впоследствии и сделала – фото стоящего на огороженном досками участке памятного знака хранится в архиве семьи. Деньги же предполагались для компенсации выведенной из оборота земли: площадь огороженной парцеллы составляла 25 квадратных метров⁵...

Давно уже покинули сей мир королева и министр, боевой офицер, так трогательно заботившийся о памяти русского собрата^{*}, и простой селяк, «оградивший» ее на своей земле. А каменный крест с полустертой временем надписью и поныне стоит на высоте у Горнего Адровца. Но уже не один. Рядом с ним возвышается небольшая церковь в византийском стиле, которая также имеет свою историю.

***

Идея сооружения храма-памятника на месте гибели старшего сына возникла у А. М. Раевской еще в момент пребывания в Белграде. Но до ее воплощения в жизнь прошло долгих двадцать семь лет... Сначала все заслонила Русско-турецкая война и опасения за сына младшего, флигель-адъютанта государя, отправившегося на фронт вместе с ним. Да и общий тонус после выпавших потрясений оставлял желать много лучшего. Анна Михайловна была женщиной энергичной, что проявилось хотя бы в воспитании детей и управлении обширным фамильным состоянием, которое после смерти мужа только приумножилось. И потому как-то очень искренне звучит ее признание (из письма И. С. Аксакову от 4 июля 1877 г.) в том, что «здоровье и силы в последнее время мне совершенно изменили»⁶. Видя всю невозможность реализовать свою идею о постройке церкви

---

^{*} Коста Шаманович находился в контакте с семьей Раевских. Помимо цитированной выше копии донесения военному министру и ряда других документов, в их архиве сохранилось его фото с надписью: «Константин Шаманович, поручик. Командир батареи в день 20 августа 1876 г. ».

в Сербии, она увековечила память о сыне иначе, крайне деликатно и чисто по-матерински, т. е. у себя в душе.

В том же послании Аксакову, как вице-председателю Московского славянского комитета, А. М. Раевская писала: «Я читала в газетах о предположении Московского общества поощрения трудолюбия основать ремесленную школу для дочерей русских воинов, павших в настоящую турецкую войну, и это навело меня на мысль просить названное общество принять в число воспитанниц первого приема трех девочек, дочерей русских добровольцев, павших или тяжелораненых в последнюю сербско-турецкую войну, причем я платила бы назначенные деньги (как мне известно, по 60 рублей в год за каждую воспитанницу) за обучение...». И далее читаем: «Я льщу себя надеждой, что Общество поощрения трудолюбия не откажет мне в моей просьбе», поскольку «девочки, о которых идет речь, такие же русские, как и те дети, о которых заботится Общество. Отцы их сражались за ту же идею — освобождение славян от турецкого ига, и к тому же сражались, не рассчитывая, что кто-либо на родине помнит их, павших в неравной борьбе, или изувеченных, и помянет в лице их детей». И наконец: «Кроме только что объясненного мною, я желала бы также содействовать определению в мужские гимназии трех мальчиков, сыновей русских добровольцев, павших или тяжелораненых в сербско-турецкой войне. Следствие этого должно состоять в выдаче каждому из трех мальчиков на его содержание 20 рублей в месяц во все время его обучения в гимназии»⁷.

Должно отметить, что, обращаясь к Аксакову, Анна Михайловна никак не желала придавать своим «скромным предположениям какую-либо гласность», намеренно это оговорив. И даже в сугубо частной переписке, она ни разу не обмолвилась о мотивах, подвигнувших ее на такое решение. Лишь однажды, и то скорее подсознательно, под пером матери, словно водяной знак на бумаге, проглянул образ сына — касаясь выбора учебных заведений для образования детей погибших добровольцев, она писала: «В первом моем письме я указывала только на гимназии, потому что эти заведения не только достигают заданной цели (т. е. возможности «по выходе из них добывать себе хлеб самостоятельным трудом». — А. III.), но также и готовят молодых людей к дальнейшему научному образованию, что во всяком случае бесполезно»⁸. Ей-ли этого не знать!

И. С. Аксаков горячо откликнулся на просьбу Раевской. Его тицанием в Арбатскую ремесленную школу были помещены дочери павших в Сербии фельдфебеля Сергеева и унтер-офицера Дмитриева (Анна Михайловна принципиально не желала ограничивать круг своих пансионеров лишь детьми с «голубой кровью»). С сыновьями же оказалось сложнее — в бумагах Славянского комитета подходящих кандидатур не было.

И тогда в целом ряде московских газет появилось объявление: «Неизвестное лицо вызывается жертвовать по двадцать рублей в месяц на каждого из трех мальчиков, сыновей убитых или тяжелораненых в сербско-турецкой войне 1876 г. русских добровольцев в продолжении воспитания этих сирот в классической гимназии или реальном училище»⁹. Но, увы, на объявление так никто не отозвался. И вдова вновь апеллирует к Аксакову: «Жаль мне, что семейство без вести пропавшего добровольца потеряно из виду. Нельзя ли вызвать мать этого семейства посредством публикации (на мой счет)... Что касается до публикации о мальчиках, то мне казалось бы нелишним повторить ее в “Новом времени”, или другой, не менее распространенной в провинции петербургской газете. Россия велика, и даже с самых отдаленных окраин ее стремились в Сербию жертвы этой несчастной войны»¹⁰. Что верно, то верно, вот только граф Л. Н. Толстой никак не мог согласиться со столь очевидным фактом. Но это к слову.

В конце концов усилия принесли результат. В январе 1878 г. сын поручика П. Н. Орехова, умершего от ран в сербском городке Парачин, был принят в приют общины «Утоли моя печали» с перспективой поступления в гимназию. Плату за его содержание (90 рублей в год) вносило то самое «неизвестное лицо».

Трудно сказать, как протекала бы дальше благотворительная деятельность А. М. Раевской, но в июле 1878 г. Аксаков, за свою знаменитую речь с критикой российской дипломатии, был выслан из Москвы. Славянский же комитет разогнали. Отлаженная связь прервалась. Однако, что бы там ни было, девочки учились, мальчик готовился в гимназию, не ведая, как и их матери, кто обеспечил им эту возможность. Да и зачем им было это знать. Exegi monumentum...

***

А Анну Михайловну не покидала мысль о возведении храма на месте гибели Нико — так его звали в семье. Чувствуя приближение смерти (последовавшей 10 декабря 1883 г.), она просила младшего сына исполнить заветное желание, оставив на это 50 тысяч рублей.

Должно заметить, что Николай Михайлович всегда с благоговением относился к памяти брата, что вполне разделялось его супругой и детьми. По своей кончине он и упокоится рядом с ним, в Свято-Крестовоздвиженской церкви родовой Еразмовки. Но все это произойдет позже. Мы же пока вернемся в роковые семидесятые... Не прошло и года с трагического дня 20 августа, как флигель-адъютант М. Н. Раевский сам отправился на Балканы. Его письма жене с театра Русско-турецкой войны интересны тем, что придают новые грани восприятию «Вронского» людьми в погонах. Они же, думается, позволяют уточнить и отношение самого семейства

к некоторым известным нам персонажам. Поэтому, как раньше за старшим братом в Сербию, последуем теперь за младшим в Румынию, где летом 1877 г. располагалась Императорская Главная квартира. Здесь, при особе государя и состоял полковник Раевский.

Понятно, что находясь в действующей армии, да еще в чисто офицерской среде, Михаил Николаевич не мог не встречаться с однополчанами Н. Н. Раевского. И, по всей видимости, происходило это нередко. 8 августа он писал жене: «Я опять встречаюсь с сослуживцами брата по Сербии... и по Ташкенту... Все сожалеют и превозносят его»¹¹. Три месяца спустя, в очередном послании – новые впечатления: «5 ноября утром встал и пошел к генералу Ганецкому, который командует Гренадерским корпусом, просить проводника... Генерал Ганецкий известен вспыльчивостью нрава и резкостью. Он принял меня официально, руки не дал, дал проводника и потом спросил, брат ли я того, кто убит в Сербии. На положительный ответ с чувством протянул мне руку. Оказывается, что он брата несколько знал»¹².

Заметим, что война – не место для реверансов, особенно когда речь идет о боевых, а не «паркетных» начальниках. Генерал-лейтенант Иван Степанович Ганецкий был как раз из таких. Командуя своим Гренадерским корпусом, он действовал с отличием под Плевной и Дольним Дубняком, где дрался с Осман-пашой, войска которого пленил 28 ноября, за что ему был пожалован орден Св. Георгия 3-го класса. А потому его жест многого стоит. Впрочем, он всего лишь иллюстрирует данные выше оценки. Но как!..

Теперь из поздней осени возвратимся в самое начало душного румынского лета и заглянем в письмо Раевского от 6 июня. В нем воспроизведен его крайне любопытный разговор с человеком, несомненно, компетентным, почему он и заставляет задуматься. Итак: «В субботу 4 июня я был дежурным, и тут же странным образом приехал князь Милан в сопровождении Ристича*, Хорватовича**, Лешанина*** и др. Я завтракал рядом с Хорватовичем, который чрезвычайно интересная личность, он много говорил о моем брате, говорил, что, будь он у него под командой (выделено в оригинале. – А. Ш.), он не дал бы ему слишком подвергаться и погибнуть. Все были очень любезны...». И далее: «Тотчас после завтрака государь поехал отдавать визит Милану и взял меня с собой в коляску.

* Ристич Йован – сербский политик, занимал пост министра иностранных дел Княжества во время обеих сербо-турецких войн (1876, 1878 гг.).

** Хорватович Джура – сербский военачальник, полковник. Во время войны 1876 г. командовал войсками 4-го корпуса Тимокско-моравской армии.

*** Лешанин Милойко – сербский военачальник, полковник. В начале войны 1876 г. командовал Тимокской армией.

Дорогой он очень милостиво со мной разговаривал и вообще в течение всего дня был в духе и довольно часто говорил со мной. Милану он вторично меня представил, упоминая о моем брате»¹³.

Обращает на себя внимание неожиданный поворот в словах Джуры Хорватовича — толкового сербского командира, может быть, самого талантливого из всех — «он не дал бы ему погибнуть». Не отсюда ли, ознакомившись с подробностями смерти старшего брата, и вывел Михаил Николаевич заключение о косвенной виновности в ней М. Г. Черняева? По крайней мере, можно точно утверждать, что такое мнение в семействе сложилось. Данный факт, кстати, подтвердил и сам Черняев. В черновике его письма М. Н. Раевскому, набросанном в июне 1887 г., помимо всего прочего, читаем: «Вместе с тем, я не могу воспользоваться этим случаем, чтобы не коснуться и обстоятельств, сопровождавших смерть брата Вашего Николая Николаевича, потому что в бытность свою в 84 г. в Японии, я услышал от А. П. Давыдова, что родные покойного возлагают на меня обвинения в смерти его»¹⁴. К величайшему сожалению, именно на этом месте черновик обрывается, и мы, видимо, так никогда и не узнаем личную версию генерала. Было ли письмо закончено и отправлено, или, быть может, оно так и осталось недописанным, сказать трудно — оригинала в архиве адресата мы не обнаружили, как ни пытались. Однако расклад и без того ясен. Ну, а насколько был прав каждый из участников этого «диалога», судить не нам. Мы лишь старались показать отношения Черняева и Раевского-старшего в их развитии. Выводы же пусть делает читатель.

И в заключение еще об одном. Как следует из приведенного чуть выше письма Михаила Николаевича, государь при встрече с сербами также не преминул вспомнить о его брате. Казалось бы, обычная любезность, но стоит лишь сопоставить некоторые факты, дабы заключить, что под ней скрывалось подлинное чувство. Известно, что полковник М. Н. Раевский получил флигель-адъютантские вензеля 6 ноября 1876 г. Человек он был открытый и правдивый, весьма объективно относившийся как к себе, так и к другим. В тот же день новоиспеченный свитский офицер телеграфировал теще, княгине С. А. Гагариной: «За заслуги брата и отца назначен флигель-адъютантом» (АР, т. V, с. 673)...

Нам, право, не хотелось бы, чтобы по прочтении этой части книги, у читателя сложилось впечатление, будто младший брат нашего героя только и делал, что сидел в штабах или дежурил по царским квартирам. Нет, он еще и повоевать успел. Так, за мужество и отвагу, проявленные в деле с турками при занятии Бабадага, ему была вручена золотая сабля с надписью «За храбрость» (25 июля 1877 г.). Любопытно, что в письме супруге об этом упоминается как бы походя.

По возвращении в Россию, М. Н. Раевский продолжил военную карьеру, получив в 1882 г. чин генерал-майора с зачислением по гвардейской кавалерии. Затем занимал должности директора департамента земледелия и сельской промышленности, а также члена совета министра государственных имуществ. Удостоился ордена Св. Владимира 3-го класса и высших степеней Станислава и Анны. В 1891 г. был избран почетным гражданином городка Новохоперска, что в Воронежской губернии*. ... А параллельно с этим отдавался любимому занятию – разводил в своих крымских имениях фруктовые сады, причем делал это образцово. Его занятия садоводством (страсть всех Раевских к земле – это, как мы уже видели, фамильное свойство) носили столь профессиональный характер, что он написал даже пособие по данному вопросу: «Фруктовая школа и плодовый сад. Руководство к культуре плодовых деревьев в южной половине России», выдержавшее целых семь изданий, и со временем стал президентом Российского императорского общества садоводства. Кроме того, Раевский-младший занимался поэзией** и собственным домом – у него было четыре сына и шесть дочерей.

В октябре 1893 г., находясь в Крыму, он вдруг почувствовал себя плохо. Быстро собрался и выехал в Петербург, но до столицы так и не добрался, скончавшись по пути, в Севастополе. Откуда его прах проследовал в Еразмовку, к брату...

***

За всеми своими заботами М. Н. Раевский не забывал и о поручении, возложенном на него матерью. Однако, сложившаяся тогда в Сербии неблагоприятная политическая обстановка не позволила ему реализовать ее давнюю мечту. Перед смертью он передал семейное обязательство теперь уже своему старшему сыну – Николаю Михайловичу. Но и тот, спустя несколько лет (в 1900 г.) умер. И тогда за осуществление завета покойной свекрови взялась вдова Михаила Николаевича – Мария Григорьевна Раевская (урожденная княжна Гагарина). Она-то и довела фамильное дело до благополучного завершения. В немалой степени ей удалось это потому, что отношение официального Белграда к России и русским изменилось тогда в лучшую сторону.

---

* В Новохоперском уезде располагались его обширные, унаследованные от матери, имения – слободы Красенькая и Подосиновка. В Красенькой, которую принесла в приданое М. М. Бороздину его вторая супруга Екатерина Александровна (урожденная Шемякина), Анна Михайловна родилась; там она и похоронена, рядом со своим мужем – генерал-лейтенантом Н. Н. Раевским 2-м.

** В 1894 г., посмертно, в Петербурге вышли его «Стихотворения».

И здесь хотелось бы сделать одно предположение. Все дело в том, что сын М. Н. и М. Г. Раевских умер не естественной смертью, но покончил с собой. И несмотря на то, что в семейных бумагах нет ни малейшего намека на такой конец, в позднейших воспоминаниях знававших молодого лейб-гусара сверстников мы находим конкретные обстоятельства его гибели. Увы, они довольно банальны для блестящей офицерской среды той эпохи. Известный «красный граф» Алексей Игнатьев – родной племянник графа Н. П. Игнатьева и будущий военный агент России в Париже, перешедший после Октября 1917 г. на службу к большевикам, – обронил мимоходом в своих мемуарах, что «талантливый молодой Ника Раевский пустил себе пулю в лоб из-за неуживчивого характера своей любовницы – танцовщицы Императорского балета»¹⁵.

Известно, что отношение к самоубийцам с стороны Церкви всегда было резко отрицательным – она отказывала им в спасении и поминании. Но мать остается матерью. И потому встает вопрос: не были ли активные хлопоты М. Г. Раевской по возведению храма-памятника в Сербии, начавшиеся сразу же после трагической смерти ее первенца, желанием увековечить память *обоих* Николаев Раевских, т. е. не только деверя, но и сына? По-человечески такое желание абсолютно понятно...

Как бы там ни было, работа закипела. В буквальном смысле слова. Уже в феврале 1901 г. Мария Григорьевна начала переговоры с посланником Сербии в Петербурге Стояном Новаковичем об урегулировании формальностей, связанных с постройкой церкви. Виднейший сербский историк и филолог, иностранный член Российской Академии наук, чьи труды неоднократно переводились на русский язык, Новакович сразу же поддержал начинание невестки Н. Н. Раевского, оказав ей всяческую помощь – в архиве Раевских хранится 16 писем и записок Новаковича. К середине апреля был готов план будущего храма, разработанный художником Николаем Александровичем Бруни (он получил за это 600 рублей).

В самой Сербии за дело принялся епископ Нишский Никанор. Летом того же года он посетил Горни Адровац и приобрел там участок земли под будущее строительство (на что 27 сентября ему было послано из России *две тысячи франков*¹⁶). Местные жители с воодушевлением приняли весть о сооружении церкви на месте гибели русского полковника – и четверть века спустя благодарная память адровчан хранила воспоминание о его подвиге.

15 декабря в белградской газете «Дневник» был объявлен конкурс на возведение храма¹⁷. По его итогам, подряд получил итальянский предприниматель Иосиф Коллар (J. Collaro). 3 января 1902 г. с ним был подписан контракт, а уже 15-го М. Г. Раевская передала Ст. Новаковичу чек

на шестьдесят тысяч франков из завещанной свекровью суммы¹⁸. Как явствует из ее письма сыну «доктора Вернера» Н. Н. Мейеру, она желала закончить постройку непременно к 20 августа¹⁹. Однако, находясь в Петербурге, трудно все предусмотреть – различные согласования и утряски требовали времени, и немалого.

Наконец, все приготовления были закончены, и 3 марта 1902 г. в полдень – при огромном стечении народа – состоялась торжественная закладка храма-памятника Н. Н. Раевскому во имя Святой Троицы*. Но еще до этого, в первой половине дня, был отслужен молебен в церкви Святой Петки Трнянской, рядом с которой в августе 1876 г. находился перевязочный пункт, куда, напомним, и доставили с передовой мертвое тело добровольца²⁰. Из села Трняне, участники церемонии, включая прибывших накануне из России родственников Раевского, отправились на высоту Голо Брдо, где и происходили главные события.

Российский посланник в Белграде Н. В. Чарыков – тот самый, кто никак не мог поверить, что Толстой писал Вронского с погибшего в Сербии волонтера, – доносил министру иностранных дел, графу В. Н. Ламздорфу об общей атмосфере мероприятия: «Король, правительство, войска и народ приняли в нем участие, придавшее этому частному делу государственное значение, причем с сердечной искренностью были выказаны с сербской стороны любовь и благодарность России в лице русского офицера, пожертвовавшего жизнью для освобождения Сербии»²¹.

Государственный характер торжеств, на что справедливо обратил свое внимание Чарыков, подтверждает и состав гостей, прибывших в Горни Адровац. Его Величество короля Александра Обреновича представлял адъютант, полковник М. Кумрич. В память о ратном подвиге Раевского здесь же присутствовал военный министр, подполковник В. Антонич, в сопровождении командиров всех воинских частей, расквартированных в Моравской области. Кроме того, депутаты прислали Сенат и Народная скупщина. От имени Русского клуба из Белграда прибыл его председатель Р. Милошевич. Двух своих членов на праздник отрядил муниципалитет сербской столицы. Со стороны местных властей в закладке храма участвовали заместитель начальника Нишского округа, председатель городской управы Ниша и главы восьми сельских общин (волостей). Вот уж действительно, говоря словами поэта, «все побывали тут».

Россию представляли первый секретарь императорской Миссии П. Б. Мансуров и военный агент в Сербии, Болгарии и Черногории полковник Е. А. Леонтович. Семью же Раевских – второй сын Марии Гри-

---

* Посвящение храма, возведенного на месте гибели Н. Н. Раевского, Святой Троице представляется совсем не случайным. Напомним, что крестили его при рождении также в Свято-Троицкой церкви, в Керчи.

горьевны, корнет лейб-гвардии Гусарского полка Михаил Михайлович Раевский и их зять (супруг Марии Михайловны Раевской) — ротмистр Николай Сергеевич Плаутин.

Руководил всей церемонией владыка Никанор.

Для ее описания вновь прибегнем к помощи дипломатов. «Место кончины Н. Н. Раевского, — сообщал Мансуров, — представляет из себя возвышенность, командующую на значительное расстояние окрестностью. На ней расположена была 20 августа 1876 г. сербская батарея, на которой пал Раевский. Самое место падения его ознаменовано каменным крестом, воздвигнутым в свое время по распоряжению королевы Натальи, согласно просьбе семьи покойного. У означенного креста отслужено было архиереем молебствие с водосвятием. Затем преосвященный Никанор пригласил племянника покойного, корнета Раевского, произвести закладку будущего храма. По совершении закладки, епископ сказал прочувственное слово, пригласив присутствовавших вознести молитвы свои об упокоении души Н. Н. Раевского, и отслужил панихиду. Во время богослужения произведены были несколько раз залпы из орудий»²².

Последовавшая за тем торжественная трапеза неоднократно прерывалась тостами и здравицами, как чисто дипломатическими, так и идущими от сердца. «Речи сербских участников торжества, сопровождавшие вышеозначенные здравицы, — заключал свой отчет П. Б. Мансуров, — отличались большой горячностью и стремлением убедить присутствовавших русских в искренности и непоколебимости чувств сербского народа по отношению к России»²³.

Сербская пресса также не обошла вниманием столь знаменательное событие²⁴. Изложение всех комментариев заняло бы слишком много места, а потому обратим внимание только на один материал. 10 марта 1902 г. издававшаяся в городе Пожаревац газета «Новый гражданин» поместила статью «Что рассказывает очевидец о последних мгновениях жизни покойного полковника Николая Раевского»²⁵. Этим очевидцем был не кто иной, как уже известный нам бывший взводный командир А. Станоевич, который в момент гибели Раевского вынес его тело из-под огня турок. Ныне крестьянин села Петка, близ Пожареваца, он снова повторил то, что видел и пережил 20 августа 1876 г. Но самым показательным в его рассказе представляется другое, а именно — маленький факт, наглядно иллюстрирующий ту самую «искренность и непоколебимость чувств» сербского народа к России и конкретным ее представителям, о которых так много говорилось на торжествах в Горнем Адровце.

Оказалось, что в свое время Анна Михайловна Раевская послала Станоевичу 100 рублей (примерно 300 динаров по тогдашнему курсу) за спасение тела ее сына. Деньги эти передал ему Коста Шаманович. Так вот, всю эту, немалую по тем временам, сумму он употребил не на собственные

нужды, но на устройство колодца в оживленном месте на пути из Пожаревца в село Дубровицу, который и назвал с крестьянской безыскусной трогательностью: «Колодец покойного полковника Николая Раевского — русского, что погиб в 1876 г. в борьбе с турками за освобождение сербства» (перевод дословный)²⁶. Из таких вот мелочей складывалась *вечная память*.

По возвращении из Горнего Адровца, 4 сентября, родственники Н. Н. Раевского были приняты в Белграде королевской четой («чрезвычайно любезно», по словам Чарыкова) и после аудиенции «удержаны к завтраку», вместе со всей русской дипломатической колонией²⁷. Церемония закладки храма-памятника «Вронскому» заканчивалась на высшем уровне...

***

1903 год в истории Сербии — это год кровавой драмы. 29 мая группа офицеров-заговощиков физически уничтожила короля Александра Обреновича и королеву Драгу, совсем недавно столь радушно принимавших русских гостей, и возвела на сербский престол нового монарха, Петра Карагеоргиевича.

А церковь Святой Троицы тем временем строилась. К середине лета все основные работы были завершены — причем само здание мастера возвели уже к началу декабря 1902 г., всего за 7 месяцев²⁸... Дело оставалось за иконами. Их писал в Петербурге все тот же Н. А. Бруни. 7 июля владыка Никанор торопил Марию Григорьевну: «С нетерпением жду иконы, так как уже все готово: церковь готова, иконостас готов. Только иконы и все будет. Прошу поспешить с их посылкой»²⁹. С тем же письмом он выслал и счета, в ответ Раевская отправила в Сербию еще два чека — на тридцать одну тысячу восемьсот и семь тысяч франков³⁰. Наконец, 2 августа Бруни закончил свой труд (он написал 16 образов, получив за это 5400 рублей), и неделю спустя пять ящиков с иконами — общим весом 4 пуда 29 фунтов, как записано в сопроводительных документах, — были отправлены на станцию Алексинац, откуда их перевезли в Горни Адровац.

К концу месяца они заняли свои места в иконостасе. Теперь все действительно было готово. Изнутри храм блистал свежей росписью. Эскизы фресок для него сделал русский художник Васнецов³¹. Натурно их затем воспроизвел местный живописец Душан Обренович (его гонорар составил 5100 динаров). Кроме того, на одной из стен, — что весьма нехарактерно для православной традиции, — располагался портрет самого Н. Н. Раевского в гусарской форме, писанный крупнейшим сербским художником-реалистом, профессором Стеваном Тодоровичем. Характерная деталь — еще в 1867 г. автор портрета был избран почетным вольным общником петербургской Академии художеств³².

Добавим, что недалеко от церкви строители возвели здание школы, также в память Раевского. Это был подарок семьи адровчанам, должный сим-

волизировать юность и жизнь вечную, а не только напоминать о смерти... Общие затраты на постройку обоих объектов составили 98 тысяч 800 франков, из которых И. Коллар (за возведение здания церкви) получил 65 тысяч 662 динара³³.

И вот наступил долгожданный день. 2 сентября 1903 г. состоялось торжественное освящение нового храма. Его внешний облик и эффектное расположение описал в своем донесении состоявший при императорской Миссии в Белграде М. Н. Горяинов: «Храм построен в позднем византийском стиле, с сильно выпуклым, но небольшим куполом. Находясь на возвышенности и будучи окрашенным в белую краску, он ещё издали рельефно обрисовывается на фоне окружающей густой зелени»³⁴. На северной стене его установили мраморную плиту с надписью: «Трудом и надзором епископа Нишского господина Никанора, и на средства благородной госпожи Марии Раевской возведен сей святой храм и освящён 2 сентября 1903 г.». До сих пор она радует глаз, сохраняя, несмотря на все перипетии бурного XX века, имена подвижников памяти.

Официальных лиц на сей раз было значительно меньше, чем год назад, что вполне объяснимо — страна находилась в тяжелейшей политической ситуации. И тем не менее, *государственный* характер торжеств в Горнем Адровце новой династией был сохранён. Монарха на них представлял его адъютант, майор Г. Джурич; кабинет — министр просвещения Д. Ружич; армию — штаб Нишской дивизии. От русской колонии присутствовали Горяинов и консул в Нише С. И. Чахотин, а от семейства Раевских — кроме уже известных нам гусарских офицеров Н. С. Плаутина и М. М. Раевского, брат последнего — студент Университета, а в недалеком будущем также лейб-гусар, Петр Михайлович Раевский**.

И вновь, как при закладке, первую скрипку на церемонии освящения храма играл владыка Никанор. «После торжественной обедни, — сообщал

---

* Сербский динар был приравнен тогда к французскому франку.

** Присутствие этого племянника Н. Н. Раевского на церемонии освящения Троицкой церкви — факт глубоко символический. Он родился в 1883 г., т. е. в год смерти бабки, завещавшей возвести храм. И вот, двадцать лет спустя, взрослый внук стоял перед его воротами... И вообще, мы должны быть крайне благодарными Петру Михайловичу Раевскому, поскольку именно он был издателем «Архива Раевских» (выходившего под редакцией Б. Л. Модзалевского), пятый том которого послужил основным источником при написании исторической части нашей работы. К этому добавим, что П. М. Раевский, так же как его отец и дядя, вышел из Университета (правда, Петербургского) в лейб-гвардии Гусарский полк. В 1908 г. женился на фрейлине императрицы графине Софье Ферзен. В 1913-1914 гг. был церемониймейстером императорского двора. На известном портрете Эрнста Липгарта (1913) он изображен в «бальном» лейб-гусарском мундире. Именно в таком виде Раевский появился на придворных балах, распорядителем которых ему приходилось бывать по своей должности. Грудь молодого офицера на портрете украшает сербский орден Святого Саввы.

Горяинов, — на которой епископ Никанор провозгласил многолетие государю императору, а потом королю Петру, Его Преосвященство совершил троекратный крестный ход вокруг освящённой церкви, причём в это время гремели орудия с соседних холмов». Ну, а далее все шло по привычному сценарию: «В тут же находящейся школе, также построенной на иждивение семьи Раевских, был сервирован для почетных гостей завтрак». Официальных слов, на нем произнесенных, мы касаться не будем, но, как и ранее, обратим внимание на неформальное отношение простых сербов к русским. В качестве примера такового, «особенно выделялась речь местного кмета (главы общины. — *А. Ш.*), в которой он выразил глубокую благодарность семейству Раевских, не только почтивших память знаменитого родственника, но и облагоденствовавших постройкой церкви и школы местное население»³⁵.

Так, спустя двадцать семь лет с момента гибели, завершилась история «графа Вронского», приобретя каноническую форму. Его смерть (и физическая, и мифологизированная) стала символом, «закрепившим еще одним звеном цепь, связующую два братских народа», как удачно выразился на приеме у короля Петра Карагеоргиевича корнет М. М. Раевский³⁶. Памятником русскому стал храм, воздвигнутый на сербской земле. А дорога к нему, согласно еще одной бытующей в крае легенде, засажена липами из Еразмовки. «Все смешалось...».

Примечания

¹ Отдел рукописей Института Русской Литературы РАН — Пушкинского Дома (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 51-51 об.

² Писма краљице Наталије Обреновић. Превела с француског и приредила И. Хаћи-Поповић. Београд, 1996. С. 40-41.

³ ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 57.

⁴ Писма краљице Наталије Обреновић... С. 41.

⁵ Существует, однако, и иная трактовка информации, содержащейся в письмах королевы. «Письма королевы Натальи, — утверждает Будимир Поточан, — помогли пролить свет на целый ряд ключевых вопросов. Один из них касался того, когда начались и с кем велись переговоры о строительстве церкви. Два письма сербской королевы Натальи Обренович от 1887 г. показывают, что именно тогда они и начались. Поскольку мать полковника Раевского к тому времени уже умерла, интересы семьи представлял его брат Михаил» (*Поточан Б.* Вронски. Част и љубав. Београд, 2002. С. 81). И в других своих пассажах автор столь же категоричен: «Из писем королевы Натальи... мы обнаруживаем, что она лично приняла меры для покупки участка земли, где должна была возводиться церковь, послав с этой целью 60 франков. Другое важное обстоятельство — это то, что сербская королева вступила в переписку с братом полковника Раевского именно по

вопросу ее строительства» (*Поточан Б.* Црква за вечни помен // Глас јавности. 19. септембар 2001). И, наконец, как резюме, говорится, что «участок для строительства выкупила сербская королева, а само строительство оплатила графиня Мария (имеется в виду М. Г. Раевская — жена Михаила Николаевича Раевского. — *А. Ш.*)» (*Поточан Б.* Вронски одјао у смрт // Илустрована политика. 10. новембар 2001. С. 32)... Очевидно, что данная версия не выдерживает никакой критики. Письма королевы Натальи свидетельствуют совсем о другом: пообещав Михаилу Раевскому обозначить место гибели брата, она (с помощью Савы Груича и руками Косты Шамановича) выполнила свое обещание, заплатив при этом за изъятую у владельца четверть сотки земли. И все. Ни о какой церкви, а тем более о покупке участка под ее строительство, в 1887 г. речь не шла — не странно разве, что почти два гектара (сколько действительно будет приобретено в 1901 г.) стоят всего 60 франков? Однако несмотря на то, что объяснение этого *единственного* смысла писем сербской королевы было дано еще весной 2002 г. (на сербском и русском языках), автор данной версии продолжает ее тиражировать. Уже в феврале 2003 г. белградский журнал «НИН» писал: «Занимаясь личностью Н. Н. Раевского и его пребыванием в Сербии почти двадцать лет, Будимир Поточан открыл большое количество драгоценных фактов о той эпохе. Например, что участок земли, на котором выстроена церковь в Горнем Адровце, выкупила лично королева Наталья, послав 60 дукатов, дабы компенсировать издержки тех крестьян, кому принадлежала та земля» (Да ли је Толстој наш? // НИН. 27. фебруар 2003. С. 31). Показательно, как легко франки превратились в дукаты — в конце XIX века 1 дукат был равен примерно 12 франкам или динарам... Как уже упоминалось выше, именно так и рождаются мифы, кочуя затем из текста в текст, — совсем недавно версию Б. Поточана некритически воспроизвела Лиляна Джурувич (см.: *Ђуровић Љ.* Црква Св. Тројице — црква пуковника Рајевог у Горњем Адровцу // Расински анали. Крушевац, 2004. Бр. 2. С. 62).

⁶ Рукописное отделение Российской Национальной Библиотеки. Ф. 14. Оп. 1. Д. 415. Л. 1 об.

⁷ Там же. Л. 1-1 об.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 30.

¹¹ ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 719. Л. 54.

¹² Там же. Л. 75.

¹³ Там же. Л. 18.

¹⁴ Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея. Ф. 208. Оп. 1. Д. 37. Л. 14.

¹⁵ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Новосибирск, 1959. Кн. 1. С. 141.

¹⁶ ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 100 об.

¹⁷ Дневник. 15 децембар 1901 г. Бр. 227.

¹⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 18.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ *Веселиновић Д.* Црква Св. Петка Трњанска. Летопис. 1821-1931. Ниш, 1932. С. 11; *Поповић Љ.* Спомен сенима Н. Рајевог. Подизање спомен цркве «Св. Тројице» у Горњем Адровцу // Пешчаник. Ниш, 2003. Бр. 1. С. 159.

²¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 495 (1902 г.). Л. 165 об.

²² Там же. Л. 166 об. -167.

²³ Там же. Л. 167.

²⁴ См.: *Поповић Љ.* Спомен сенима Н. Рајевског...

²⁵ Шта прича очевидац о смрти и посљедним тренуцима пок. пуковника Николе Рајевског // Нови грађанин. 10 март 1902. Бр. 20.

²⁶ См. и собственноручное письмо А. Станоевича семье Раевских от 27 марта 1902 г. (ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 38).

²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 495 (1902 г.). Л. 165 об.

²⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 96.

²⁹ Там же. Л. 69.

³⁰ Там же. Л. 71.

³¹ В первом издании «Вронского» мы констатировали, что автором эскизов для фресок был самый знаменитый из Васнецовых – *Виктор Михайлович*. Аргументом (правда, косвенным) для такого вывода стал тот факт, что Балканы были ему хорошо знакомы – тогда же, в начале XX в., он расписывал русскую церковь в Софии. Однако, при более углубленном рассмотрении, мы все больше склоняемся к авторству другого Васнецова – *Юрия*. Благодаря участию и постоянной поддержке князя Андрея Александровича Гарденина, у нас в руках оказалась его переписка с Комитетом по защите памятников культуры в Нише. В ответном письме А. А. Гарденину художник-реставратор Миодраг Анджелкович прямо указал, что «автор эскизов – Юрий Васнецов»... Нам предстоит еще выяснить, кем был *этот* Васнецов, а также степень его возможной причастности к росписи храма. В любом случае, вопрос об авторстве эскизов для фресок остается пока не до конца разрешенным.

³² См.: *Кондаков С. Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764–1914. СПб., 1914. Т. 1 (Часть историческая). С. 322.

³³ ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 71, 81. Эти цифры, содержащиеся в бумагах из архива Раевских, подтверждаются и документом «с другой стороны» – счетом полученных из России и израсходованных на строительство церкви и школы средств, хранящимся в архиве Нишской епархии СПЦ. Копию этого счета нам любезно предоставил Любодраг Попович, за что выражаем ему искреннюю признательность... Согласно счету, общая сумма полученных от М. Г. Раевской денег была равна 100800 динаров (указанные 98800 плюс ранние 2000 на покупку земли). К этому добавлялись еще 7010 динаров – маржа, получаемая при размене *золотых* франков, в чем Мария Григорьевна посылала деньги, на бумажные динары. (Л. Джурович, верно констатируя общую сумму, 107810 динаров, почему-то считает, что из России было отправлено «100800 *рублей* золотом» (*Буровић Љ.* Црква Св. Тројице – црква пуковника Рајевског у Горњем Адровцу... С. 63)). Что же касается Й. Коллара, то кроме гонорара за постройку церкви, он получил 14300 динаров за возведение школы, а также два бонуса – в 2507 и 1333 динара.

³⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 499 (1903 г.). Л. 166-166 об.

³⁵ Там же. Л. 166 об.

³⁶ Там же. Л. 165 об.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Жизнь тем временем шла своим чередом. Церкви Вронского по решению епископа Никанора был придан статус приходской, и в нее потянулись люди из окрестных сел. В марте 1904 г. у храма появился настоятель — отставной военный священник Светислав Жуевич (1863-1943), который отправлял службы, венчал, крестил, отпевал, а также благоустраивал бывшую пустошь, политую кровью.

И сама Мария Григорьевна, выполнив семейный долг, не собиралась отстраняться от своего детища. В декабре 1903 г. она обратилась в российскую Миссию в Белграде с письмом: «По желанию покойной моей свекрови и моего покойного мужа я выстроила церковь на месте убиения брата моего мужа Н. Н. Раевского. По желанию моей свекрови я на эту постройку ассигновала 50. 000 рублей... Очень хотелось бы знать будущность этой церкви, кто ее примет и в чьем ведении она будет, и кому мне вручить оставшиеся деньги — 5600 рублей на ее содержание, которые желательнее оставить как капитал, принадлежащий церкви»¹.

Миссия немедленно отреагировала на послание вдовы — остатки завещанных А. М. Раевской средств в сумме пятнадцати тысяч франков были помещены в белградскую «Управу фондов» (аналог Центрального Банка), причем ежегодные проценты с этого капитала, предназначавшиеся для оперативных нужд церкви, составили 720 франков золотом. Деньги оказались очень кстати, поскольку уже в первый год ей потребовался «косметический» ремонт — буря разбила двенадцать окон и сбросила колокол. Кроме того, благоустройство территории также требовало немалых затрат.

Как видно из специального отчета, посланного С. Жуевичем в Петербург, его работы по налаживанию церковного хозяйства отличались размахом. К концу 1904 г. отец-настоятель выстроил мастерскую, конюшню, хлев, сарай, которые были «сделаны крепко и покрыты кирпичем». Он выкопал колодец, разбил виноградник, засадил все пространство вокруг церкви деревьями, причем «200 штук фруктовых деревьев и 200 штук других, нефруктовых, подарил народ уезда Алексинацкого церкви Раевского»². Безводная и безлюдная высота, насквозь продуваемая ветрами, на глазах превращалась в цветущий оазис...

Но идиллия продолжалась совсем недолго. Скорые потрясения Мировой войны не обошли стороной и Поморавье. В октябре 1915 г. началось

совместное наступление на сербов германских, австро-венгерских и примкнувших к ним болгарских войск. Оно предопределило военный разгром Королевства (сопровождаясь потрясающим по своему драматизму исходом армии и населения через албанские горы; народ прозвал его «Сербской голгофой»). Область была оккупирована болгарами, которые разграбили церковь Вронского... Так она и простояла все три года, что длился «пир победителей», – пустая, с выбитыми стеклами и поврежденной крышей.

В 1918 г. оккупанты были изгнаны из долины Моравы, а население в очередной раз стало залечивать раны. Начался срочный ремонт храма с целью спасти его от полного разрушения. Деньги на это (две тысячи сто динаров) с трудом наскребла российская Миссия, продолжавшая функционировать в Белграде. 30 октября 1919 г. переживший все невзгоды С. Жуевич докладывал новому Нишскому владыке Досифею: «Сообщаю вам, что церковь и церковный дом заново покрыты черепицей, чем защищены от дальнейшего разрушения. Окна закрыты досками, чтобы внутрь не попадал снег...». Увы, только это и удалось сделать, хотя расходы все равно перекрыли полученную сумму (на 207 динаров). Но старый настоятель и не требовал компенсации. «Я не прошу, чтобы мне возмещали разницу, – писал он. – Считаю своим долгом и самому хоть чем-нибудь помочь, дабы эта русская святыня не превратилась в руину еще на моем веку»³.

В руину храм, конечно, не превратился – не дали, но для возрождения былого великолепия, а равно и возмещения украденного болгарами церковного имущества, нужны были деньги. Однако, все попытки найти их успеха не имели. Нищета 20-х годов пришла на смену относительному предвоенному довольству. Присовокупим к этому и катастрофу, постигшую Россию. На примере русской церкви в Адровце как-то особо пронзительно проявилась вся ее глубина.

Итак, осенью 1922 г. С. Жуевич обратился в Государственный Ипотечный Банк – бывшую «Управу Фондов» – с просьбой выслать проценты с церковного капитала для давно назревшей реставрации. Банк не обнаружил следов этих денег (вложив в свое время посланную М. Г. Раевской сумму в акции «Управы», российская Миссия хранила их у себя), а не обнаружив, запросил главу Миссии В. Н. Штрандтмана: «Дабы Управа Фондов могла разъяснить настоятелю ситуацию, просим вас сообщить, известно ли вам что-либо о деньгах или других ценностях, оставленных госпожой Раевской на нужды храма?»⁴. 31 января 1923 г. последовал ответ: «Российская миссия имеет честь уведомить, что небольшой капитал Раевских для поддержания храма-памятника в Адровце (около 20.000 динар в сербских процентных бумагах) был после отступления из Сербии, осенью 1915 г., отправлен в Петроград в министерство иностранных дел. Судьба этого капитала после большевистского переворота Российской миссии не известна»⁵.

В апреле того же года епископ Досифей прислал в Миссию доклад С. Жуевича о состоянии храма. Ответное письмо Штрандтмана открывает весь трагизм положения: «Ознакомившись с присланной Вашим Преосвященством бумагой протоиерея Жуевича относительно состояния церкви Раевских в Горнем Адровце... я должен отметить, что, к великому сожалению, в настоящее время ни Миссия, ни члены семьи Раевских не в состоянии прийти на помощь в смысле дачи средств на ремонт и обновление ограбленного болгарами храма⁶. Этой зимой б. Управа Фондов обращалась в Миссию со справкой о капитале Раевских на поддержание Адровского храма; мы ответили, что после отступления из Сербии, осенью 1915 г., относящиеся к этому делу бумаги и остаток капитала Раевских были отвезены в Петербург. Теперь, конечно, судьба их не может быть выяснена. Поэтому, дорогой и многоуважаемый владыко, я очень прошу Вас не отказать в затратах Ваших как по исходатайствованию присужденного вознаграждения за военные убытки... так и по снабжению храма необходимыми церковными предметами»⁷.

Что ж, Сербская Православная Церковь взяла храм в Горнем Адровце под свою опеку и со временем привела его в порядок. В бюджете на 1924/1925 финансовый год Министерство вероисповеданий Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев выделило сумму на реставрацию «Русской церкви»⁸. Которая, несмотря ни на что, действовала — службы продолжались, и каждый год 2 сентября (т. е. 20 августа по старому стилю) в ней совершались торжественные богослужения в память Н. Н. Раевского. Люди на них шли и ехали*, а значит — дорога к храму не заросла, несмотря на все потрясения...

***

Увы, она зарастет позже — после того, как в 1944 г. к власти в Югославии придут коммунисты во главе с Иосипом Броз-Тито. Их руководящая доктрина «Братства и единства» подразумевала создание своего рода духовного противовеса православию, исторически составлявшему главный стержень сербского национального сознания. В многоконфессиональной стране проводилась выражено асимметричная политика — строительство православных церквей, к примеру, было крайне затруднено, возведению же костелов никто не препятствовал. Если к этому добавить известный

---

* 1 сентября 1921 г. В. Н. Штрандтман писал управляющему югославскими государственными железными дорогами Б. Вуковичу: «Считаю своим приятным долгом выразить Вам самую теплую благодарность за Вашу любезность в связи с поездкой в Алексинац на панихиду по моему покойному соотечественнику полковнику Раевскому» (Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 14. Л. 12).

советско-югославский конфликт 1948-1953 гг., когда в Белграде предавалось анафеме все русское и советское (с точностью до наоборот ситуация развивалась и в СССР), то становится легко объяснимой печальная судьба «храма Вронского». Какой Раевский, какая русская церковь? . Священники были разогнаны, а местное руководство занялось атеистическим воспитанием масс.

Иллюстрации ради приведем отрывок из письма управления Нишской епархии в Комиссию по делам религий Сербии от 30 января 1950 г., относительно состояния «Русской церкви». Итак: «По окончании последней Мировой войны и освобождения нашей страны от немецких оккупантов в 1944 г., местные народные власти села Горни Адровац самовольно заняли церковный дом и церковный двор и стали, таким образом, хозяевами не только церковного имущества — дома и церковного двора — но и самого храма, что привнесло в церковную жизнь полный хаос. В доме ныне располагаются канцелярии местного Народного комитета; туда же вселили и крестьянскую трудовую задругу. Понятно, что священникам был закрыт доступ в храм, и последний настоятель этого прихода Божидар Димитриевич был вынужден жить в частном доме, где в 1947 г. странным образом и погиб, причем причины его гибели не расследованы до сих пор (Он был расстрелян. — *А. Ш.*). После смерти Б. Димитриевича приход Горне-го Адровца был передан на окормление священникам из соседнего села Житковац, которые, имея в виду ситуацию, также не могли посещать церковь для проведения службы Божьей, и поэтому она совсем заброшена. Принимая во внимание такое положение, епархиальные власти назначили комиссию, которая 5 декабря 1949 г. рассмотрела состояние дел на месте и представила им свой доклад. Из доклада, помимо всего прочего, следует, что церковь открыта, что в нее входят всякие безответственные лица, оскверняя все то, что для верующего человека представляет святыню. Комиссия также обнаружила, что эти безответственные лица устраивали в церкви празднование 1 мая, во время которого они в ней курили и облачались в священнические одежды, после чего последние пришли в полную негодность»*. И так далее...

Ответа на свое письмо епархиальные власти, судя по всему, так и не получили. Храм-памятник и далее находился в забросе. Многим казалось, что это навсегда.

---

* Печатный текст письма нишских церковных властей о безобразиях, творящихся в Горнем Адровце, нам предоставил Душан Милошевич из Крушевца. За что выражаем ему искреннюю признательность.

Примечания

¹ Отдел рукописей Института Русской Литературы — Русского Дома (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 82, 83 об. Данный пассаж из письма М. Г. Раевской принципиально важен, так как снимает все вопросы относительно того, *кто* завещал возвести церковь, и *кто* в конце концов ее построил; *сколько денег* было отпущено на строительство, и *какова судьба* оставшихся после него сумм. Мы обращаем особое внимание на все эти нюансы в связи с тем, что в исторической литературе вокруг них царит настоящий разнобой — мифы, как в случае с объяснением причин приезда Н. Н. Раевского в Сербию, буквально заполняют опусы российских и сербских авторов. Так, Ю. Э. Корнилов пишет: «Полковник Раевский похоронен... в древнем монастыре святого Романа. Впоследствии, в 1900 г., тетка Раевского обратилась к епископу города Ниша Никандру с ходатайством о строительстве на месте гибели ее племянника церкви. Разрешение было получено. Мария Раевская, как свидетельствуют документы, прислала епископу “300 тысяч рублей золотом и два сундука с чертежами, планами и картами”. У крестьян было откуплено 30 гектаров земли, и работа закипела» (*Корнилов Ю. Э.* Как погиб граф Вронский? М., 1975. С. 28). По прошествии двух десятков лет ту же версию повторил В. И. Сафронов (см.: *Сафронов В. И.* Н. Н. Раевский как прототип графа Вронского — героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // *Од Делиграда до Делиграда. 1806-1976.* Београд, 1997. С. 252). Еще год спустя свою позицию озвучил А. А. Петров: «В 1902 г. мать Раевского (автор всерьез полагает, что это была “Мария Раевская (урожденная Гагарина)”. — *А. Ш.*) решила на том месте, где погиб ее сын, построить церковь, для чего переслала в Сербию 300 тысяч рублей и все необходимые проекты» (*Петров А.* Добровольцы // *Родина.* 1998. № 5-6. С. 106). И, наконец, две последние по времени точки зрения — С. Балмасова: «В 1902 г. мать Раевского построила на месте гибели сына церковь, вложив в ее строительство почти все свое состояние» (*Балмасов С.* Русские и болгарские добровольцы в рядах сербской армии в 1875-1876 гг. // *Солдат удачи.* 2002. № 4). И А. А. Шумкова: «На месте его (Н. Н. Раевского. — *А. Ш.*) гибели по инициативе племянника Михаила Михайловича Р. З. З. 1902 была заложена и 2. 9. 1903 освящена церковь во имя Св. Троицы» (*Шумков А. А.* Раевские // *Дворянский календарь «Период».* СПб., 2003. № 11. С. 141). О стоимости ее Шумков не упоминает... Сербские же коллеги в вопросе о финансовом обеспечении строительства храма отдают предпочтение другой легенде. «Графиня Раевская, — читаем у Б. Поточана, — передала владыке Нишскому 3000 дукатов для возведения обоих объектов (церкви и школы. — *А. Ш.*). Однако по завершении всех работ оказалось, что был потрачен только каждый третий дукат. Оставшиеся деньги — целых 2000 дукатов, согласно преданию, владыка возвратил графине Раевской» (*Поточан Б. П.* И. Чајковски и Н. Н. Рајевски уз Моравско ратиште 1876. // *Од Делиграда до Делиграда...* С. 279). И Слободан Бранкович придерживается той же версии, несколько произвольно, правда, переводя австрийские дукаты в русские рубли: «На постройку церкви было израсходовано 10 тысяч рублей, после чего епископ Нишский возвратил оставшиеся 2000 дукатов семейству Раевских» (*Бранковић С.* Независност слободолубивих. Београд, 1998. С. 335)... Другие, и столь же мало связанные

с реальностью, версии стоимости строительства храма приводит в своей работе Стоян Йович (см.: *Јовић С. Вронски у Адровцу*. Београд, 2003. С. 219-221).

² ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 116-118 об.

³ Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5942. Оп. 4. Д. 14. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ В своей информативной и, во многом, очень точной книге «Вронский в Адровце» Стоян Йович пишет: «По утверждению А. Шемякина, болгары ограбили и русскую церковь, но это не так... Они ограбили частный дом, а церковь не трогали. Повреждения зданию церкви действительно были нанесены во время Первой мировой войны, но сделала это непогода» (*Јовић С. Вронски у Адровцу*. С. 167)... В том нашем утверждении, которое присутствует и в настоящем издании, мы опирались на документы, и прежде всего, на аутентичное высказывание В. Н. Штрандтмана. Кроме того, если принять во внимание, что в повреждении церкви виновата одна «непогода», то несколько странным выглядит количество материалов и денег, затраченных на ремонт: напомним – перекрывались крыши и на церковном доме, и на церкви (на что пошло «2500 штук черепицы»). А кроме того, использовано «350 килограммов штукатурки, 20 штук досок и 20 реек». Общая же сумма затрат составила 2307,5 динаров. И все это *лишь* для того, чтобы оба здания были «защищены от дальнейшего разрушения». На что-то большее денег уже не хватало, почему и просил С. Жуевич найти былой церковный капитал... Не верится, что столь крупные повреждения *новой* церкви могли произойти только из-за непогоды. На наш взгляд, здесь явно чувствуется человеческая рука.

⁷ ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 14. Л. 15.

⁸ *Ђуровић Љ. Црква Св. Тројице – црква пуковника Рајевског у Горњем Адровцу // Расински анали. Крушевац, 2004. Бр. 2. С. 24.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВРОНСКОГО

По словам кого-то из мудрых, «критерий культуры — это отношение к смерти», а значит и шире — к прошлому, истории, памяти. 2 сентября 2006 г. исполнилось 130 лет со дня гибели Н. Н. Раевского. Напомнить об этом (наряду с юбилеем освещения Свято-Крестовоздвиженской церкви) — тоже цель данной книги...

Но что историк? Он, как и всякий другой ученый, — всего лишь «скромный собиратель раковин на берегу бесконечного океана познания» (по словам одного из героев А. Конан-Дойля). А потому, его апелляции к верхам и набаты в печати, с целью защиты «каких-то» святынь, на протяжении последнего полувека мало кого трогали. Какая история? Мы сами ее творим. И святыни рушили, или по крайней мере, мирно взирали, как то же самое делает время. Один в этом поле, увы, — не воин. Изменить ситуацию способно пробуждение исторической памяти всего народа, деформированной нигилизмом властей.

Сейчас, похоже, что-то подобное происходит. Вот и нынешняя судьба «церкви Раевского-Вронского» представляется нам пусть малой, но значимой вехой на этом очистительном пути возвращения к самим себе.

Чтобы не быть голословными, приведем ряд характерных выдержек из сербской и черногорской прессы последнего десятилетия. Так, в «Православии» от 1-15 августа 1992 г. читаем: «Церковь Святой Троицы в Горнем Адровце давно заброшена и запущена. Врата закрыты на ключ, который находится где-то в Алексинце, где точно — никто не знает. А ведь “под ключом” в этой церкви скрыты страницы нашей истории, культурное наследие, память о Раевском и его боевых товарищах из России и Сербии. Недогоревшие свечи возле храма свидетельствуют, что есть ещё люди, которые помнят героя войны, а также Вронского из “Анны Карениной”, чьим прототипом и был Раевский»¹.

23 сентября 1994 г. в «Победе» был помещен рассказ одной путешественницы из Подгорицы о своем посещении церкви. Грустное впечатление от него усиливает особый поэтический дар автора, столь присущий многим черногорцам. А потому процитируем обширно: «Дорогу к храму скрывают старые липы (те самые, из Еразмовки? — А. III.). Справа от нее, прямо перед церковью, стоят печальные руины. Тут, вероятно, когда-то была школа, которая теперь в столь жалком состоянии, что взгляд сразу же отворачивается и упирается в церковь. А она, в свою очередь, под

ключом, который — “у Жуевича на даче”. Приходится удовольствоваться лишь внешним осмотром. Хотя и здесь можно многое увидеть. Прежде всего, это фасад из красных и жёлтых кирпичей, затем угловые портики, будто созданные для того, чтобы смягчить жёсткую прямоугольность стен, и наконец косые окна. Сквозь них чётко видится, на стене, что прямо над входом, изображение Вронского в синем мундире. Его профиль занимает центральное место — *лысеющий лоб под военной фуражкой, ясные глаза и длинная густая борода* (выделено нами. — А. III.). Слева и справа угадываются остатки каких-то фресок. С купола свисает цепь, но чему она служит, понять невозможно, ведь двери в храм закрыты ключом, который у Жуевича. Пустые фантазии — как было бы хорошо, если бы этот Жуевич находился не у себя на даче, а в расположенном рядом и восстановленном здании школы, где могла бы разместиться выставка, напоминающая о событиях той войны, и где посетители могли бы перевести дух и познакомиться с историей памятника, который любой другой народ сохранял бы лучше, чем мы. Горько!»². Финал поистине гоголевский. И, думается, дальше могло быть столь же «грустно на этом свете», если бы постепенно времена не менялись.

12 июня 1996 г. белградская «Политика» сообщала: «После долгих проволочек началась, наконец, реставрация храма-памятника Святой Троицы в Горнем Адровце... Как только будет восстановлено находящееся рядом с ним здание, в нем разместится библиотека, где должны быть собраны все сочинения русских авторов, в каких упоминается о полковнике Раевском. Здесь же будут храниться и книги на других языках. В этом процессе будет участвовать и Московская Патриархия, которая проявила особый интерес к реставрации церкви в Горнем Адровце»³.

Прошло еще два года, и 6 октября 1998 г. столичный «Голос» опубликовал статью «Храм братского согласия». В ней говорится: «30 сентября церковь Троицы в селе Горни Адровац провозглашена метохом (т. е. филиальным приходом. — А. III.) монастыря Святого Романа. Освещение храма и святую литургию по этому поводу соборно совершило сербское и русское духовенство во главе с владыкой Нишским Иринеем. От имени Русской Православной Церкви в чинопоемстве участвовал архимандрит Елисей... “В этом храме духовной культуры последняя служба прошла в далекие сороковые годы, — отметил владыка Ириней. — Основание метоха имеет своей целью его дальнейшее перерастание в монастырь, который будет достойно хранить воспоминания о совместной борьбе и славянской солидарности, много раз проявленной русскими и сербами”». И далее в статье читаем: «В метох уже прибыла первая монахиня, а один из местных жителей предоставил дом для нужд будущего сестринства. При содействии

России здесь будет открыта библиотека. Ее посетителям станут доступны все произведения Льва Толстого на различных языках»⁴.

Дальше — больше. Первый этап реставрации храма (проведенный при участии России) был успешно завершен, и 2 сентября 2001 г. в нем состоялось торжественное богослужение с участием сербского патриарха Павла⁵. А на стене «церкви Вронского» появилась мраморная доска с подробным текстом: «Мемориальная церковь Св. Троицы. Памятник сербско-русского братства по оружию. Отреставрирована в ознаменование 125-летия гибели русского полковника графа Н. Н. Раевского, по инициативе посла России в Белграде В. Е. Егошкина, на средства министерства иностранных дел России, российских и югославских организаций, по благословлению епископа Нишского Иринея и при поддержке общины Алексинац». Одна лишь неточность вкралась в этот текст — Раевские *никогда* не носили никаких титулов. Но, видимо, версия о тождестве исторического и литературного героев (Николай Раевский — граф Вронский) в Сербии столь прочна, что прототипа также возвели в «сиятельство»...

В пустой и размоленный храм, как видим, снова вернулись люди, а значит — к народу возвращается память. История продолжается, и мы еще прочтем ее новые главы.

Примечания

¹ Стојковић С. Црква Свете Троице у Горљем Адровцу // Православље. 1-15 август 1992.

² Стевановић К. Прича о Горљем Адровцу // Победа. 23 септембар 1994.

³ Реставрација цркве Вронског // Политика. 12 јун 1996.

⁴ Јовановић Љ. Храм братске слоге // Глас. 6 новембар 1998.

⁵ См.: Вечерње новости. 2. септембар 2001. Специјални додатак; Кучмаева И. К. Новый центр паломничества в Горнем Адровце // Православный паломник. 2001. № 2 (2). С. 22-25.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Докладная записка Н. Н. Раевского директору Азиатского департамента о необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок

Докладная записка
штабс-ротмистра Лейб-Гвардии
Николая Николаевича Раевского 1-го.
3 февраля 1867 г. С. -Петербург.

В виду постоянно усиливающегося волнения на Балканском полуострове, всякому становится ясным, что с наступлением весны там должно вспыхнуть всеобщее восстание христиан против своих мусульманских властителей. На этот раз дело уже не ограничится испрошением каких-нибудь прав или прекращением некоторых вопиющих злоупотреблений, а восстание это будет иметь целью совершенное освобождение христианских племен от турецкого ига.

Для России такое разрешение Восточного вопроса было бы как нельзя более желательным не только с точки зрения человеколюбия, но и с точки зрения ее собственных интересов; но чтобы обеспечить успех этого восстания, и вместе с тем избежать необходимости открытого вмешательства в дела Турции в том случае, если попытка этих племен освободиться от турецкого ига окончится неудачно, она должна немедленно принять меры, чтобы доставить им все средства, необходимые для того, чтобы выйти победителями из предстоящей борьбы.

Я хочу обратить внимание на одну меру, которая, будучи принята нашим правительством, должна обнаружить важное влияние на успешный ход восстания.

Мера эта есть отправка в Сербию и другие славянские земли Турции нескольких десятков опытных офицеров всех родов оружия для обучения и начальствования сербскими войсками и ополчениями в предстоящую народную войну.

Такая мера могла бы быть принята нашим правительством без явного нарушения миролюбивых отношений, в которых оно находится теперь к турецкому правительству. Для этого достаточно было бы разрешить желающим брать отпуск за границу (в крайнем случае брать отставки), с тем однако, чтобы время отсутствия их было им зачтено за службу, и чтобы они

не лишались через это прав и преимуществ, присвоенных им во время нахождения на действительной службе <...>*. Такой образ действия, не компрометируя правительство, мог бы принести однако большую пользу самому делу, так как офицеры эти внесли бы с собою в сербские войска элемент порядка и дисциплины, в которых войска эти так сильно нуждаются.

Если бы правительство наше нашло возможным приступить к такому образу действия, то, чтобы придать более единства и действительности такого рода помощи, следовало бы принять еще следующие меры:

Избрать одного опытного и способного штаб-офицера или генерала, пользующегося общим доверием, и поручить ему ведение всего этого дела. Для этого он должен был бы выбрать из числа желающих нужное число офицеров и с ними отправиться в Турцию для принятия под свое начальство и заведывание теми войсками и милициями, которые будут поручены ему сербским правительством.

Такой образ действия имел бы ту выгоду, что не все желающие, а только лучшие из них были бы допущены к отправлению в Турцию, и эта горсть отборных офицеров, соединенных под одним общим начальством, могла бы принести делу гораздо более пользы, чем целые сотни офицеров, брошенных в этот край и предоставленных там самим себе, без всякой связи и поддержки.

Мысль об отправке русских офицеров в Турцию для принятия участия в восстании христианских народов против порты, возникла у этих самых народов; так, известно, что в числе поручений, возложенных сербским правительством на господина Мариновича, приехавшего сюда, чтобы поздравить Государя Императора с бракосочетанием наследника, было поручение ходатайствовать перед нашим правительством о дозволении русским офицерам отправиться в Сербию для обучения тамошних войск и принятия участия в предстоящих военных действиях.

Просьба эта встретила здесь благоприятный прием со стороны министерства иностранных дел, и сербский уполномоченный был обнадежен, что желание это будет исполнено как только сербское правительство сочтет время удобным для приведения его в исполнение. К сожалению, на этом дело и остановилось, и хотя в настоящее время имеется много офицеров, желающих ехать в Сербию для принятия участия в предстоящих там военных действиях, но до сих пор не принято еще никаких мер для осуществления этого предприятия, и можно опасаться, что самый предмет этот останется без последствий. Между тем, ко всем этим мерам необходимо бы приступить немедленно, так как события не ждут и легко может случиться, что, вопреки нашим ожиданиям, восстание в Сербии и соседних с нею областях вспыхнет уже в марте, тотчас после таяния снегов

---

* Отточиями в угловых скобках обозначены пропуски в документах, сделанные нами.

и открытия подножного корма, в каком случае помощь наша могла бы прийти решительно поздно.

Заблаговременное прибытие наших офицеров в Сербию имело бы еще ту хорошую сторону, что дало бы им возможность ознакомиться сперва с положением края и заняться организацией самих войск, чего они никак не могут сделать, если прибудут туда только к открытию военных действий.

Если мы примем во внимание:

а). что с успехом предстоящего восстания христиан в Турции тесно связаны интересы нашего отечества,

б). что успеху этому может в значительной степени способствовать посылка туда опытных и сведущих офицеров,

в). что, наконец, в наших интересах, чтобы инициатива в этом деле осталась за Россией, а не перешла в руки Австрии и западных держав,

то остается только желать, чтобы правительство наше скорее воспользовалось теперешним настроением умов и, не колеблясь, решилось приступить к этой мере, которая, споспешествуя торжеству христианских народов в Турции, может избавить нас от необходимости самим вмешаться в эту борьбу для защиты этих угнетенных народов.

Верно. Н. Раевский.

Копия. Государственный Архив Российской Федерации. Фонд 730. Опись 1. Дело 957. Листы 1-4; Российский Государственный Военно-Исторический Архив. Фонд 349. Опись 1. Дело 13. Листы 113-116 оборот.

II. Из воспоминаний Д. А. Милютина. 1867 г. Дела сербские

Несмотря на свершившуюся, к великой радости народа, передачу крепостей в руки сербов, военные приготовления в Княжестве не прекращались; напротив того, сербское правительство заявило нашему МИД, что оно готовится быть готовым к войне к будущей весне и просило о присылке в Белград опытных офицеров специальных родов оружия для проверки того, что уже сделано в видах приготовления к войне, и для указания того, что еще предстояло сделать. Просьба эта была уважена: с Высочайшего разрешения, еще в апреле командированы были в Сербию полковник Генерального Штаба Леер, инженер-полковник Постельников и гвардейской конной артиллерии капитан Снесарев.

Независимо от того, просились отправиться в Сербию некоторые офицеры, под видом отпуска: гвардейского гусарского полка Раевский, Преображенского — поручик Кесяков (родом болгарин) и другие. Собирался

ехать туда и генерал Черняев, остававшийся в Петербурге и разыгрывавший роль несправедливо обиженного* <...>.

Командированные в Сербию офицеры, прибыв туда в начале мая, подробно осмотрели всю изготовленную, под личным руководством полковника Блазнавца, материальную часть, объехали стратегические местности края, ознакомились с настроением населения. Военный министр сербский, видимо, желал похвастаться успехами своих распоряжений. Однако ж, наши офицеры донесли, что военные средства Сербии далеко еще не в таком состоянии, чтобы можно было начать борьбу с турками, и высказали откровенно свои мнения сербскому военному министру, указав ему письменно все, что остается еще доделать, чтобы действительно Сербия могла считать себя готовой к войне. Полковник Леер представил общие соображения относительно плана действий в случае войны; полковник Постельников указал пункты, которые было бы полезно укрепить; капитан Снесарев занялся составлением ведомостей недостающих предметов материальной части сербской артиллерии, табелей штатов и положений, необходимых для формирования батарей <...>.

Сербское правительство не умело поддержать свое положение и в отношении соседнего славянского населения, которое еще в начале года было готово подняться под знаменем Сербии. Не только босняки, герцеговинцы, болгары ожидали от Сербии сигнала к восстанию, но даже среди австрийских южных славян, особенно граничар, высказывалась готовность броситься на помощь братьям, лишь только наступит желанный час. Более всех болгары находились в тяжком положении; они бежали толпами с родины от казней и темниц, одни в Румынию или Россию, другие — в Сербию. Тогда возникла мысль о сформировании в среде сербского войска кадров для будущего болгарского ополчения. Поручик Кесяков, котором уже упомянуто выше, старался уладить это дело: сформирована была отдельная учебная рота из болгар, а кроме того допускались болгарские выходцы и в состав сербских войск. Но скоро возникли разного рода неудовольствия; сербское начальство обращалось с болгарам жестко. К осени 1867 года в учебной роте было всего 92 человека, а в прочих частях около 150 болгар. Между австрийскими сербами также образовалась партия недовольных, которые завели ожесточенную газетную войну против сербского правительства <...>.

---

* Еще 29 января генеральный консул наш в Белграде Шишкин телеграфировал, что там встревожены известием, полученным от какого-то сербского офицера из Петербурга о том, что едет в Сербию русский генерал Черняев incognito. Первый министр сербский Гарашанин просил сообщить ему: правда ли это и каковы военные качества Черняева? (Примечание Д. А. Милютина).

Оригинал. Отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее – ОР РГБ). Фонд 169. Картон 16. Единица 1. Книжка XVII (1867 г.). Страницы 213-215.

Во время завершения работы над вторым изданием «Смерти графа Вронского» и подготовки приложений к нему, из печати вышел очередной том «Воспоминаний» Д. А. Милютин, содержащий приведенный выше фрагмент «Дела сербские» (см.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1865-1867. М., 2005. С. 540-551).

III. Письмо Н. Н. Раевского Д. А. Милютину

Ваше Высокопревосходительство.

Как русский офицер, горячо преданный интересам своего Отечества, я считаю своей обязанностью довести до сведения Вашего Высокопревосходительства некоторые факты, не лишённые важности в настоящую критическую минуту, когда приближается разрешение Восточного вопроса, с которым так тесно связана вся будущность нашей родины. Смее надеяться, что цель, которую я имел в виду, сообщая Вашему Высокопревосходительству эти сведения, извинит меня в глазах Вашего Высокопревосходительства за ту смелость, которую я беру писать Вам, не будучи на то уполномочен Вашим Высокопревосходительством.

*Штабс-ротмистр Николай Раевский.
Бухарест, 7/19 апреля 1867 года.*

В докладной записке, представленной мною 3 февраля 1867 г. г-ну Директору Азиатского Департамента Министерства Иностранных Дел, говоря о пользе, которую могла бы принести делу освобождения христианских народов от турецкого ига посылка туда *русских офицеров** для принятия участия в предстоящих военных действиях, я выразил при этом опасение, чтобы «инициатива в этом деле не перешла из рук России в руки Австрии или западных держав». Собранные мною с тех пор сведения вполне оправдали мои опасения и доказали, что, хотя в настоящую минуту Австрия еще всячески старается предотвратить готовящееся столкновение, но, как скоро столкновение это произойдет, она будет иметь под рукой все средства, чтобы иметь из него пользу для себя. В бытность мою в Вене я узнал, что не только множество сербских офицеров и солдат, служащих в австрийском войске, ожидают только минуты, чтобы переправиться через Саву и принять участие в военных действиях против турок, но и что один австрийский *генерал*, игравший значительную роль в событиях 1848 г.,

* Здесь и далее по всему тексту приложений выделено в оригинале.

имеет намерение, как только вспыхнет война в Сербии, броситься туда с батальоном граничар и принять также участие в военных действиях. Он уже вступал в переговоры с сербским правительством, предлагая ему свои услуги, но на первый раз получил от него отказ; кто поручится однако за то, что в решительную минуту Сербия не решится принять его предложение, и не предпочтет его даже *русскому* генералу, приезд которого связан со столькими затруднениями, и в присылке какового наше правительство уже раз *отказало* (это было в начале зимы).

В настоящую минуту упомянутый мною австрийский генерал, после отказа сербского правительства воспользоваться его услугами, решился действовать сам по себе. Со своим батальоном граничар (к которому он надеется присоединить еще другие) он намерен, как только начнутся военные действия, <...> броситься либо в *Сербию*, либо в *Болгарию*, чтобы сообразно обстоятельствам действовать там, — либо в интересах *Сербии*, либо в интересах *Австрии*. Нет нужды прибавить, что Австрия не упустит этого случая и сумеет обратить в свою пользу не только его усилия, но и усилия всякого другого волонтера из числа ее подданных, который захочет принять участие в освобождении своих братьев по ту сторону Дуная от турецкого ига.

Штабс-ротмистр Николай Раевский.

Бухарест, 7/19 апреля 1867 года.

Оригинал. ОР РГБ. Фонд 169. Картон 36. Единица 61. Листы 1-3 оборот.

IV. Проект организации восстания на Балканском полуострове

Константинополь. 20 апреля 1867 г.

Вся Болгария, в обширном значении этого слова, по характеру своей местности разделяется на две части: на *горную* и на *низменную*; сообразно с этим восстание в Болгарии должно быть организовано двояким образом: в *горной* части должно быть теперь же положено основание *партизанским* действиям, которые, начавшись сперва в форме гайдучества, должны мало помалу возрасти до самых обширных размеров. В долинах, до поры до времени должно избегать всяких столкновений с турками, так как борьба с ними в открытой местности невозможна до тех пор, пока сербские войска не вступят в пределы Болгарии. Мы займемся здесь рассмотрением лучших способов для устройства восстания в *горной* части Болгарии.

Балканский хребет, на всем протяжении своем от Черного моря до пределов Сербии и далее, представляет местность весьма удобную для действия партизанских отрядов и для развития в нем гайдучества. Самое

население этой горной полосы отличается от жителей долин своим воинственным характером и враждою, которую оно не переставало обнаруживать в отношении к туркам. Такое настроение умов хорошо известно тем из туток, которые обитают в соседних долинах, и вот почему они неохотно, даже в мирное время, решаются отправляться в горы, опасаясь встретиться там с гайдуцкими шайками, которые истребляют их без милосердия.

Даже в прежние времена, когда власть туток внушала гораздо более опасения, чем теперь, нередко в Балканах появлялись шайки, которые, при содействии местных жителей, по несколько лет сряду успешно держались в горах, распространяя ужас во всем окрестном турецком населении. Под начальством смелых и предприимчивых вождей, они нападали на турецкие пикеты и разъезды. В то же время они не трогали болгарских деревень, в которых они всегда находили себе убежище и где они пополняли свои запасы провизии, когда эти приходили к концу. По временам турецкие начальники высылали против этих шаек отряды, которые иногда успевали разбивать их и переловить некоторых из участвовавших в них. Но последнее случалось очень редко, и большей частью гайдуцкие шайки продолжали безнаказанно свои действия, пока, наскучив этой жизнью, предводители их возвращались, наконец, на родину, где, испросив себе прощение от Турецкого правительства, спокойно доживали свои дни. Вот в каком положении находились дела в горной части Болгарии в эпоху могущества туток.

С тех пор обстоятельства изменились: постоянно слабеющая Турция едва в состоянии теперь сдерживать своих христианских подданных, которые, встряхнувшись и почуяв свою силу, поняли наконец, что настало для них время освободиться от турецкого ига. Во всех областях Турции господствует сильнейшее брожение. Казна турецкая истощена, немногочисленные войска ее сосредоточены — частью в Кандии, частью на греческой границе. При таком положении дела не только формирование гайдуцких шаек, но и открытое восстание в горах, не представляет уже больших затруднений.

Все дело в том, чтобы восстание это началось как можно *скорее*, и, чтобы были приняты меры, которые бы обеспечили успех восстания.

1). *Партизанские отряды*, назначенные для действия в горах, должны быть сформированы из остатков прежних гайдуцких шаек, к которым присоединятся многочисленные волонтеры из горной и низменной части Болгарии, из Сербии, Черногории и других славянских стран. Набор *волонтеров* и отправка их в горы будет лежать на обязанности городских комитетов, как существующих, так и имеющих еще сформироваться в городах и селениях Балканского полуострова. Отправка в горы *оружия, снарядов и денег* должна производиться тремя путями: через *Сербию, Молдовалахию* и морем — через Варну, Бургас, где должны находиться особенные агенты, назначенные для принятия этих предметов и препровождения их далее к месту назначения. Кроме того, ящики с оружием и снарядами

могут быть высаживаемы на берег на пространстве между Варной и Бургасом, поблизости мыса Емине, и оттуда отправляемая в горы на вьюках.

2). Для большего успеха *партизанские действия* должны начаться одновременно на всем протяжении Балканов. Чтобы с самого начала же придать более единства этим действиям, весь хребет, на пространстве от Черного моря и до границ Сербии должен быть разделен на несколько *частей*, из которых каждая должна быть поручена одному опытному офицеру из числа болгар, сербов или русских. Офицеры эти, заведывая всеми находящимися в их округе партиями, должны будут находиться в постоянных сношениях между собой, как для поддержания единства действия, так и для оказания друг другу помощи в минуту опасности. При недостатке офицеров можно ограничиться на первое время разделением Балканов на 7 частей или округов: *Сливенский, Габровский, Слатишский, Эдропольский, Софийский, Пиротский и Нишский*.

3). *Главное начальство* над всей цепью Балканов должно быть поручено одному более опытному и сведущему офицеру, который должен иметь свое местопребывание *в центре* этой местности, — где-нибудь между Софией и Филиппополем. Через этого офицера должны производиться все сношения действующих в горах отрядов — с городскими комитетами, которые будут снабжать их оружием и припасами. Кроме того, на обязанности этого начальника будет лежать сговориться с сербами насчет предстоящего образа действия и поддерживать постоянное соглашение с ними для успеха общего дела.

4). Чтобы с самого начала придать восстанию несколько *точек опоры*, которые бы облегчили формирование партизанских отрядов и первоначальные действия их, было бы весьма полезно отправить теперь же в Балканы несколько сот *черногорцев*, распределив их малыми партиями на всем протяжении от Черного моря и до границ Сербии, и отдав их в непосредственное распоряжение начальников горных округов. Эти небольшие группы воинственных и привыкших к опасностям людей принесли бы ту пользу, что образовали бы собой ряд маленьких центров, вокруг которых, как вокруг твердого ядра, не замедлили бы собраться толпы болгарских волонтеров.

5). Наконец, самый *способ ведения войны* должен состоять в начале только в том, чтобы нападать на турецкие пикеты и небольшие отряды, перехватывать почты, транспорты с оружием и припасами и вообще наносить всевозможный вред *Турецкому правительству*. В то же время должно воздерживаться от нападения на турецкие деревни и от всяких враждебных действий против турецкого населения, стараясь напротив *сблизиться* с ним и повторяя им при всяком удобном случае, что настоящая война *отнюдь не есть война религиозная*, а что цель ее *избавиться от притеснения чиновников*, которые своими беспрестанными поборами разоряют как христианское, так и мусульманское население и довели, наконец, край до совершенного истощения.

Копия. Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее – ОПИ ГИМ). Фонд 208. Единица 17. Листы 1-3 оборот; ОР РГБ. Фонд 169. Картон 36. Единица 62. Листы 2-3 оборот*.

У. Письмо Н. Н. Раевского М. Г. Черняеву

Милостивый Государь Михаил Григорьевич.

Девять лет прошло уже с тех пор, как, вслед за бомбардированием турками Белграда, я отправился в Сербию, чтобы принять участие в предстоящих военных действиях сербов против турок; но войны в то время не состоялось, и, объехав Турцию и Сербию, я вернулся в Петербург.

В настоящее время, как видно из газет, Сербия опять готовится вступить в борьбу, но уже не с одной Турцией, а также с Австрией. Действительно ли эта война вспыхнет, или опять дело кончится ничем, об этом трудно судить из нашего захолустья; поэтому я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сообщить мне некоторые сведения, касающиеся истинного положения дел на Балканском полуострове и того образа действия, которого намерено придерживаться наше Правительство; сведения эти следующие:

1). Решилась ли Сербия объявить войну Турции и устоит ли она на этом решении, несмотря на угрозы Австрии и давление европейской дипломатии?

2). Как поступит наше Правительство, если австрийские войска вступят в Сербию и Боснию?

3). Обращалось ли Сербское Правительство к нашему с просьбой о присылке ему офицеров, и как отнеслось или отнесется к такой просьбе наше Правительство?

Вот вкратце сведения, которые мне очень желательно было бы получить от Вас. Собрать эти сведения Вам, вероятно, будет не трудно, так как Вы находитесь у источника всех новостей. Меня же Вы этим очень обяжете, так как от этих сведений будут зависеть, в значительной мере, мои дальнейшие решения.

*Преданный Вам Н. Раевский.
24 февраля 1876 г., г. Севастополь.*

P. S. Прошу Вас засвидетельствовать мое почтение Вашей супруге.

Оригинал. ОПИ ГИМ. Фонд 208. Единица 49. Листы 26-26 оборот.

* На хранящейся в архивном фонде Д. А. Милютина копии «Проекта организации восстания» его рукой сделана помета: «Записка ротм. Раевского. 31 декабря 1868 г. ».

VI. Письмо Н. Н. Раевского А. М. Раевской

24-го июня 1876 г. Севастополь.

Многоуважаемая Матушка.

19-го июня послана мною Вам депеша следующего содержания: «Переговорив с начальством, подал прошение отпуск за границу. Ожидаю Кузьмина*, чтобы окончить расчеты и ехать. Подробности напишу».

Исполняя данное обещание, я объясняю Вам причины такого моего решения.

Вспыхнувшее прошлой осенью восстание в Герцеговине обратило вновь мое внимание на вопрос об освобождении турецких христиан — вопрос, так давно и сильно интересующий меня; тем не менее, по разным причинам, я счел неудобным в то время отправиться на место для принятия личного участия в этом деле: так, не говоря уже о незначительности района восстания, я считал неловким идти в разрез стремлениям нашего Правительства, прилагавшего в то время все усилия к замирению восставших областей, но обстоятельства скоро изменились: вслед за Герцеговинским восстанием вспыхнуло восстание в Боснии, началось волнение в Сербии и Болгарии, — и вот в последних числах января явился ко мне в Севастополь уполномоченный от Болгарских комитетов с приглашением принять участие в предстоящем скоро восстании болгар против турок.

Такое неожиданное приглашение доказало мне, что прошлая моя деятельность в пользу Болгарского дела не прошла бесследно, что болгары не забыли моей поездки в Бухарест в 1867 г., хотя с тех пор прошло уже девять лет, и что в решительную минуту они рассчитывают видеть меня опять в своей среде; при всем том, я счел нужным ответить их уполномоченному что, несмотря на мое сочувствие к Болгарскому делу, для того, чтобы я бросил все и принял участие в готовящемся восстании, необходимо, чтобы восстание это было достаточно подготовлено, чтобы оно представляло действительно шансы на успех.

Вместе с тем, по просьбе уполномоченного, я составил и препроводил Болгарскому Центральному Комитету маленький проект организации восстания в военном отношении, которым они в настоящее время руководствуются.

Все вышеуказанное убедило меня, что волнение на Балканском полуострове действительно принимает серьезный характер, и что в непродолжительном времени можно ожидать всеобщего восстания христианских подданных Турции, к которым неминуемо примкнут сербы и черногорцы. Вследствие этого, в феврале я написал в Петербург Черняеву, прося его уведомить меня, обращалось ли Сербское Правительство к нашему

---

* Кузьмин Василий Степанович — управляющий семьи Раевских.

с просьбой о присылке ему офицеров, и как отнеслось или отнесется к такой просьбе наше правительство.

На письмо это Черняев мне не отвечал и вскоре сам отправился в Сербию; какая могла быть причина его молчания, я не знаю, но думаю, что причина эта заключалась в его чрезмерном самолюбии и желании монополизировать в своих руках как заслугу такой поездки, так и связанную с ней популярность; между тем, Вам хорошо известно, что если Черняев и пользовался до этого времени некоторой известностью в Сербии, то единственно благодаря тем значительным суммам, которые я оставил ему при отъезде моем в Ташкент для употребления на Болгарско-Сербское дело.

С самого начала Герцеговинского восстания наше Правительство не переставало удерживать Сербию и Черногорию от войны с Турцией; в то же время оно прилагало все свои старания, чтобы добиться от Турции уступок, которые бы удовлетворили герцеговинцев, и тем предупредить возникновение «Восточного вопроса»; но последние события доказали всю ошибочность такой политики: вместо того, чтобы заслужить благодарность Европы, оно только вооружило ее против себя и дало время Турции собрать свои силы, войдя в союз с Англией и сосредоточив на границе Сербии и Черногории огромную армию.

Но этим дело не ограничилось бы: продолжай наше Правительство идти по этому пути, мы через несколько недель очутились бы лицом к лицу с грозной европейской коалицией. К счастью, наше Правительство поняло, наконец, свою ошибку и поспешило изменить свою тактику: оно вошло в соглашение со всеми державами касательно невмешательства в дела Турции и затем развязало руки Сербии и Черногории; вместе с тем, так как Сербия очень нуждается в регулярных офицерах, оно тайно решило не препятствовать более русским офицерам отправляться в Сербию, под условием, чтобы они подали в отставку.

Последствия такой перемены в политике нашего Правительства уже обнаруживаются: опасность общеевропейской войны миновала, а между тем Сербия и Черногория, не сдерживаемые более Россией, готовятся начать военные действия против турок, чтобы освободить своих соплеменников от турецкого ига.

Итак, последнее препятствие, удерживавшее меня еще от поездки в Сербию, теперь устранено; поэтому, переговорив с генералами Рихтер* и Семека**, я подал, несколько дней тому назад, прошение об увольнении меня в отпуск за границу (при отъезде моем я оставляю в руках Семеки

---

* Рихтер Оттон Борисович (1830-1908) — генерал-лейтенант, командир 13-й пехотной дивизии.

** При этом Семека сказал мне: «Поезжайте, Вы там составите себе имя, а я обещаю Вам одно — это, что когда Вы захотите вернуться, — то, будет ли у меня вакансия, или нет, — я всегда с удовольствием приму Вас» (Примечание Н. Н. Раевского)... Семека Владимир Савич (1816-1897) — генерал-адъютент, командующий войсками Одесского военного округа.

подписанную отставку); вместе с тем, я телеграфировал Кузьмину достать мне, под залог дров, 3. 000 рублей, необходимых, чтобы расплатиться с здешними долгами и ехать.

Хотя Кузьмин и надеется достать мне денег, но я опасаясь, что это может продлиться еще некоторое время; а между тем всякий день мне дорог, так как военные действия уже начинаются, и если я еще немного опоздаю, то мне будет трудно получить хорошее назначение <...>.

Я хочу воспользоваться остатком энергии, чтобы сделать попытку осуществить те мечты, которые меня с детства одушевляли; поэтому я решился уехать отсюда как можно скорее; но прежде, чем выехать, я желал бы расплатиться с моими здешними долгами; кроме того, мне нужно взять с собой достаточную сумму денег, чтобы явиться в Сербию волонтером, ни в чем не нуждающимся, а не авантюристом, продающим свои услуги Сербскому Правительству. Я надеюсь, что Кузьмин не замедлит прислать мне нужные деньги и тем избавит меня от напрасной потери времени.

Н. Раевский

24-го июня 1876 г., г. Севастополь.

Опубликовано: Архив Раевских. Под редакцией Б. Л. Модзалевского. Петроград, 1915. Том V. Страницы 579-583.

VII. Письмо А. М. Раевской Н. Н. Раевскому

Воскрес. 27 июня [1876 г.]*.

Милый Николай.

Я получила твое письмо от 24-го июня и спешу отвечать на него. Я не предполагаю рассуждать и выражать свое мнение о твоих планах, потому что не вижу в этом пользы, но я хочу просить тебя, в случае твоего отъезда, не оставлять меня без известий, а уведомлять при всякой возможности о себе, о твоём здоровье и о дальнейших твоих предположениях, так как при теперешних обстоятельствах неизвестность относительно тебя будет для меня мучительна. Я также желаю напомнить тебе, на случай твоего отъезда, чтобы ты оставил всем твоим поверенным и управляющим инструкции... Прощай, Николай! Да сохранил тебя Господь. Посылаю тебе образок, который носила с детства.

Мать твоя.

Опубликовано: Архив Раевских. Том V. Страница 585.

---

* Информация, данная в квадратных скобках — союзы и предлоги (в телеграммах); места, откуда посылались телеграммы, письма и их даты — вписана при публикации оригиналов семейных документов Б. Л. Модзалевским — составителем V тома «Архива Раевских».

VIII. Письмо Н. Н. Раевского А. М. Раевской

18-го июля 1876 г. Одесса.

Многоуважаемая матушка.

Пишу Вам, согласно выраженному Вами желанию, чтобы уведомить Вас, что я и по настоящее время еще не выехал из Одессы. Дело было вот как.

Тотчас по выезде Г. Семеки из Севастополя я подал прошение об увольнении меня в отпуск за границу на 3 месяца; затем, получив от Кузьмина денег, я через неделю выехал в Одессу.

Прибыв сюда, я узнал, что прошение мое уже 5 дней отправлено в Петербург. Желая ускорить получение отпуска, я попросил Г. Семеку отправить на мой счет депешу в Главный Штаб с уплатой ответа, на что он согласился, но прошло 10 дней, пока, наконец, получился ответ <...>. Ответ вышел неутешительный: в отпуске как мне, так и другим двум офицерам отказано, причем объявлено, что если мы желаем отправиться на театр военных действий, то должны подать в отставку.

Как только Г. Семека сообщил мне этот ответ, я попросил его *в тот же день* отправить в Петербург находившуюся уже в руках его мою *отставку и телеграммой* просить об увольнении меня в отпуск, *не дожидаясь* выхода самой отставки. Просьба моя была исполнена: бумаги и депеша отправлены того же числа (16-го), и теперь я надеюсь, что уже не долго буду ожидать моего отпуска, а то вот уже 2 недели, что я живу здесь, расходуя мои и так ограниченные средства и упуская дорогое время, между тем, как события не ждут, и легко я могу опоздать — уже не к началу войны (которая давно уже началась), а, пожалуй, и к концу. Чтобы сколько-нибудь успокоить себя, я занимаюсь весь день чтением тактики etc., чтобы тем дополнить свое военное образование. Начальство мое, по всегдашнему, очень любезно ко мне. Семека на свои именины приглашал меня обедать, а Горемыкин (Нач. Округ. Штаба)* заходил ко мне с визитом; окружающие Семеку и Штаб Округа тоже очень любезны ко мне и сочувственно относятся к цели моего путешествия, скрыть которую трудно, так как Семека сам «по секрету» рассказывает об этом всем — по крайней мере дамам.

Кузьмин был здесь несколько дней, и я составил с ним инструкции для всех имений и контор. Сегодня получил письмо от Марьи Григорьевны**, на которое буду ей отвечать.

Н. Раевский, 18. VII. 1876.

Опубликовано: Архив Раевских. Том V. Страницы 588-590.

* Горемыкин Александр Дмитриевич (1832-1904) — генерал-лейтенант, начальник штаба Одесского военного округа.

** Раевская Мария Григорьевна (1851-1941) — супруга Михаила Николаевича Раевского.

IX. Письмо Н. Н. Раевского М. Г. Раевской

21-го июля 1876 г. Одесса.

Дорогая Мария.

Я получил Ваше письмо от 10 июля, в котором, от Вашего имени и от имени моего брата, Вы убеждаете меня не ехать в Сербию. В то же время Вы мне представляете положение дел в самых мрачных тонах.

Я далек от того, чтобы строить иллюзии о положении дел на сербской границе; но именно потому, что дела там идут плохо, — *именно поэтому* и нужно туда ехать. Насчет *болгарских наемников* я всегда был очень плохого мнения, и именно поэтому я отклонил предложение, сделанное мне в феврале месяце болгарским уполномоченным, — примкнуть к их движению. Что же касается *сербского ополчения* (у Сербии всего лишь два батальона регулярных войск), которое я видел в 1867 году, то это — *превосходный материал, храбрый и преданный*, которому требуются лишь хорошие офицеры для того, чтобы стать первоклассным войском.

Наконец, что касается Черняева: я не имею совершенно никакого желания служить под его началом (по меньшей мере потому, что он сам мне этого не предлагал) и уж, разумеется, не к нему буду обращаться, чтобы получить место, ибо у меня самого есть *прошлое и знакомства* среди авторитетных сербов, и я не сомневаюсь в том, что меня примут и без его помощи. Если же, однако, войска, к которым меня припишут, находятся под его началом, — само собой разумеется, я этому подчинюсь, как того требует дисциплина. Все это я Вам пишу для того, чтобы ответить на Ваше письмо, но я хочу заметить, что подобные советы дают ребенку, а не 36-летнему мужчине, у которого за плечами 13 лет службы.

Вот уже три недели, как я здесь, и пока что мне не удастся уехать. Не могу понять, что со мной делают. Начали с того, что заставили меня ждать три недели (две — здесь и две — в Севастополе) лишь для того, чтобы *отказать* мне в отпуске — как будто не могли сделать это *сразу же*, по телеграфу, тем более, что я оплатил ответ. Затем, когда я подал в отставку и попросил отпуск «до выхода отставки»^{*} оплатив депешу, меня снова на неделю оставили без ответа. Долго ли меня еще будут томить подобным образом? Время уходит, деньги — тоже, и, вместо того, чтобы прибыть первым, я прибуду последним — если вообще прибуду в Сербию. Для того ли я во всем себя ограничивал, лишился радостей семейной жизни и провел лучшие годы моей юности в одиночестве, будучи занят устройством моих дел с тем, чтобы быть *свободным* в данный момент и мочь без сожаления рисковать собой ради дела, которое мне интересно, и с мыслью о том, чтобы суметь, быть может, прославить имя, которое ношу? И вот, когда этот момент *настал*, я теряю свое время, ничего не делая, в ожидании того, что

* Закавыченная фраза написана во французском оригинале по-русски.

чиновники соизволят вспомнить о моем существовании и предоставить мне отпуск или отставку, о которых я прошу уже столько времени!

Однако, мне пора заканчивать мое письмо, тем более, что мне нечего рассказать Вам интересного о здешней жизни; что касается меня самого, то я думаю лишь об одном: уехать как можно быстрее, и я жду с ужасным нетерпением того момента, когда депеша возвестит мне о моем отпуске или о моей отставке.

Ваш преданный брат Н. Раевский.

P. S. Я прошу Вас поблагодарить от меня Михаила за карты (я пока еще не открывал пакета, поскольку думаю, что будет лучше провести их через таможенную печать запечатанными), и попросите его выслать мне, если это возможно, подробные планы таких турецких крепостей, как: *Видин, Адлие, Белградчик, Ниш, Белая Паланка, Нови Базар и Сиенница*, которые наверняка находятся в Генеральном Штабе и которые могут быть очень полезны для сербского правительства.

Н. Р.

Опубликовано (на французском языке): Архив Раевских. Том V. Страницы 591-593.

Перевод Ю. А. Пузырей.

X. Телеграмма Н. Н. Раевского А. М. Раевской

27-го июля 1876 г. Одесса.

Только сегодня получена телеграфом отставка; завтра выезжаю через Яссы [в] Турн-Северин; приехав, буду телеграфировать.

Раевский.

Опубликовано: Архив Раевских. Том V. Страница 593.

XI. Телеграмма Н. Н. Раевского А. М. Раевской (Черновик)

5-го августа 1876 г. [Белград].
Крым. Ялта. Генеральше Раевской.

Вчера приехал, сегодня виделся министром, принят на службу полковником. Завтра выезжаю армию Черняева; приехав, напишу.

Раевский, 5. VIII. 1876.

Опубликовано: Архив Раевских. Том V. С. 596-597.

XII. Письмо Н. Н. Раевского В. С. Семеке (Черновик)*

[18-19 августа 1876 г. Алексинац].

Милостивый Государь
Владимир Саввич.

Письмо Ваше от 4-го августа я получил и пользуюсь внезапно открывшимся случаем, чтобы написать Вам это письмо; до сего же времени я не мог Вам писать, так как при существующем здесь, как говорят, *двойном* пересмотре писем – в Алексинаце и Белграде – я не решился писать Вам обыкновенным путем.

В прошлом письме моем я рассказал Вам путешествие мое до Молдавских Унген. Дальнейший путь через Румынию проехал я благополучно; только в Турн-Северине встретил я большие затруднения: префект тамошний все время уверял меня в своем желании помочь мне перебраться на сербский берег (для выигрыша времени я не хотел ехать в Белград, а решился отправиться из Турн-Северина в Кладово, чтобы оттуда направиться прямо в армию), но жаловался на притеснения австрийского консула; облекая все дело в какую-то таинственность, он сказал мне, что меня необходимо назвать членом санитарного отряда. Словом, комедия продолжилась от 7 часов вечера до 1 ч. утра; в ней приняли участие еще два капитана, из которых один рассказал, что он и префект имеют приказание не пропускать русских офицеров, собирающихся переехать в Сербию; в дело был замешан еще какой-то сербский агент, пока, наконец, не прибыли вытребованные из Кладова 2 лодки (в Турн-Северине нельзя найти лодки для переправы) и перевезли мои вещи на другой берег, куда я сам переехал на следующее утро, проклиная румын и их двуличный образ действия.

В Кладово, откуда я телеграфировал сербскому Военному министру, испрашивая его приказаний, пробыл я два дня, осмотрел крепость, которая как по местоположению, так и по устройству своему и по вооружению, никуда не годится, встретил нескольких русских пьяниц-офицеров, срающихся свой мундир, и, получив приказание Военного министра ехать в Белград, в сопровождении сербского коменданта проехал сухим путем в *Теку*, чтобы миновать австрийскую таможду, и сел там на пароход, на котором доехал до Белграда.

По прибытии в Белград я тотчас явился к Военному министру (Николу), которому передал письмо Вашего Превосходительства; полковник

---

* 2 августа 1877 г. М. Н. Раевский писал жене: «Получил два письма от Хорватовича. Имеется у одного господина последнее письмо моего брата, очень важного содержания, но не могу еще достать его...» (Отдел рукописей Института Русской Литературы РАН (Пушкинского Дома). Ф. 253. Оп. 1. Д. 719. VI том Архива Раевских. 1918 г. (неопубликованный). Л. 53). Речь, несомненно, идет о настоящем письме Н. Н. Раевского, которое Михаил Николаевич все-таки «достал».

Николич (которого я видел 9 лет тому назад в Белграде) встретил меня очень любезно и немедленно сделал распоряжение о принятии меня на службу тем же чином; на следующий день я уехал в армию Черняева, куда прибыл в понедельник, в 5 ч. утра.

Я застал Черняева в Алексинаце. Он сказал, что давно меня ожидает (я ему сообщил о своем приезде еще из Кладова по телеграфу), но когда вопрос коснулся того, чтобы дать мне какую-нибудь часть войск, он стал уклоняться от этого под предлогом, чтобы не обидеть сербов. Впрочем, после обеда он поручил мне отправиться с батальоном и 4 орудиями через Жидковац, чтобы занять позицию на противоположном краю долины и служить опорой для войск, которые должны были отступить сюда от Тешицы и Вуканья. В 3 часа пополудни отправился я туда и занял позицию на холме, командующем половиной долины Моравы (до Жидковаца) с одной (левой) стороны и двумя ущельями с правой.

С первого взгляда я увидел, что Жидковацкая или, как мы ее назвали, Прециловацкая позиция имеет огромное значение: командуя двумя ущельями и дорогой, ведущей из Тешицы, она препятствует неприятелю обойти сильно укрепленную Алексинацкую позицию и двинуться прямо на Делиград.

К сожалению, Прециловацкой позицией командуют впереди лежащие высоты; поэтому я тотчас потребовал присылки мне саперной роты или, по крайней мере, шанцевого инструмента и досок, чтобы окопаться и устроить блиндажи для пехоты и артиллерийской прислуги, а также присылки кавалерии для разъездов; но повторенные требования мои остались без результата. Вечером того же дня один за другим прибыли ко мне: полевая батарея, 4 батальона Тюприйской бригады, сражавшейся под Тешицей (командир бригады — сербский майор Хаджич) и 2 батальона под командой русского подполковника Гаганидзе*: последний, увидев меня на холме, принял мой отряд за турок и открыл по нему сильный ружейный огонь с расстояния 500 шагов; пули кучами ложились над нашей цепью, но, к счастью, никто не был ранен. Я тотчас бросился вперед с трубачом и с трудом заставил их прекратить огонь, причем Гаганидзе сказал в свое оправдание, что ему велено «занять» эти высоты, откуда он вывел, что на них вероятно засели турки. Я предложил Гаганидзе занять со своими 2 батальонами селение Жидковац, чтобы служить, таким образом, звеном, связующим меня с Алексинацем. Тюприйскую же бригаду, которая уже другой день ничего не ела, хотя и сражалась, я поставил за собой в резерве и тотчас послал в Алексинац за хлебом и водкой, которые прибыли на другое утро. Так провели мы ночь — 4/5 людей не евши, а я, кроме того, без шинели, укрываясь от холода (я не велел разводиться огнем, чтобы не обнаруживать наших сил и расположения) под артиллерийской попоной. Пришедшую ко мне батарею у меня на другое утро отобрали, оставив у меня

* Гаганидзе Константин Романович — русский доброволец, полковник.

5 батальонов и 4 орудия. Ночью же прибыл ко мне отступивший от Тешицы отряд черногорских и русских волонтеров, числом около 50 человек.

Осмотревшись на другое утро и увидев, что лежащая впереди меня высота командует над холмом, где стоит моя батарея, я велел «добровольцам» занять ближайшую ко мне часть этой горы, обещав им поддержать их в случае нужды пехотой, — и действительно, скоро завязалась перестрелка между добровольцами и турецкими аванпостами, услышав которую я тотчас двинул вперед I батальон Белградской милиции с 2 горными орудиями под командой русского майора Кузьминского, которого назначил начальником всего авангарда. Турецкие аванпосты отступили, и майор Кузьминский занял всю впереди лежащую высоту до поперечного гребня, лежащего на расстоянии 3–4 верст от позиции. В обед я осмотрел авангардную позицию, затем, спустя некоторое время, желая удостовериться в силах неприятеля, собранных за хребтом, я приказал майору Кузьминскому произвести усиленную рекогносцировку, не ввязываясь, однако, в дело; при этом я имел в виду, что такая рекогносцировка заставит турок думать, что мы хотим перейти в наступление и тем удержать их на день или два от нападения на нашу еще не укрепленную позицию.

Майор Кузьминский, старый кавказский офицер, построив свои войска, двинулся вперед; но едва успел он подняться на поперечный хребет, как скрывавшиеся за ним в больших силах турки бросились к нему навстречу, вскочили в свою очередь на гребень и с сильным ружейным огнем, поддержанные с фланга своей артиллерией, бросились на наш авангард. Белградская милиция не выдержала и бросилась бежать; волонтеры, оставленные ими и почти отрезанные, маленькими кучками, отстреливаясь, спешили отступить, горные же орудия, успевшие сделать только по 3 выстрела и брошенные пехотой, с трудом вывезены артиллеристами, составляющими в Сербии лучшую часть войска. В беспорядочном бегстве Белградского батальона убит молодой корреспондент «Биржевых ведомостей» Ярошенко*, вызвавшийся быть у меня ординарцем и оставленный мною в распоряжении начальника авангарда, а также несколько волонтеров <...>.

Внезапное нападение турок вызвало настоящую панику не только в авангарде, но и в моих главных силах: не прошло нескольких минут от нападения турок, едва успели замолкнуть выстрелы горных орудий, в 2–3 верстах впереди, как показались на ближайшем к нам склоне противоположащей горы беспорядочные толпы бегущих Белградцев; еще несколько минут — и на этом же склоне, против нашего правого фланга, загремела ружейная перестрелка наступавших турок, не сдерживаемых более никем, так как бегущие Белградцы, приняв левее, опускались к стороне Жидковца, в долину, а оттуда уже перебежали к нам. Заколебались и стоявшие на позиции батальоны. Чтобы поправить дело, я приказал одному

---

* Алексей Григорьевич Ярошенко был похоронен 10 августа в Алексинаце.

из Тюприйских батальонов двинуться вперед и подняться на противолежущий скат горы, дабы этим поддержать принявших влево Белградцев; но пришлось повторить это приказание несколько раз, пока люди, наконец, встали с своих ровиков и начали спускаться с холма. Я думал, что он тотчас бросится вперед, но не тут-то было: спустившись вниз, батальон начал медленно строиться за забором. Взбешенный такой медленностью, я бросился вниз, обогнал спускавшуюся еще роту этого батальона и приказал ей не пристраиваться к 3 другим, а тотчас идти за мной, и сам выехал вперед, в долину. Вдруг с впереди лежащей высоты засвистали вокруг меня пули (шагов за 400). Пришлось остановиться и ждать роту, которая, с крайней неохотой, приостанавливаясь и заминаясь, двигалась вперед; так пришлось простоять под все усиливавшимся ружейным огнем, пока подошла, наконец, рота, и люди, с криком «ура», но черепашим шагом, пригибаясь и почти не стреляя, начали двигаться вперед; пропустив мимо себя Тюприйцев, я вернулся на батарею, преследуемый густым ружейным огнем, который турки, очевидно, направляют на конных, догадываясь, что с гибелью начальников люди тотчас побегут.

Прибыв опять на батарею, уже осыпаемую ружейным огнем с противоположного бугра, я увидел, что паника уже охватила все войска: вслед за бежавшим мимо нас Белградским батальоном бросились бежать стоявшие за батареей Тюприйские батальоны; я хотел было поднять артиллерию с нижней батареи на лежащую позади высоту, где уже находились два моих орудия, но все артиллерийские офицеры обратились ко мне с просьбой разрешить им сняться с позиции, так как пехота бежит, и они остаются без прикрытия. Чтобы не потерять орудия (так как я полагал, что за турецкой цепью наступают их колонны), я согласился на просьбу артиллерийских офицеров и велел им направиться на деревню Прециловац (куда еще с утра велел мне отступить Черняев для прикрытия дороги на Делиград); артиллерия отошла, предшествуемая и сопровождаемая бегущей пехотой, из которой только 2 роты 4-го Тюприйского батальона остались на позиции. Видя это и не желая подвергнуть этих рот ожидаемой гибели, я приказал, когда вся артиллерия отошла, подать им сигнал отступления и сам поскакал собирать пехоту. В 1 версте от позиции сигнал я часть ее и после долгих усилий и угрозы револьвера собрал на вершине горы несколько рот: в то же время бригадный адъютант и некоторые другие офицеры собрали остальных, — и через час мы заняли опять нашу позицию, которую турки (по малочисленности ли своей или предполагая с нашей стороны какую-нибудь хитрость) не решились занять. Вернувшись на позицию, мы простояли на ней до наступления ночи, но далее оставаться я не решился — как за неимением артиллерии (которая отступила на Прециловац), так и в особенности потому, что после бывшей паники я был уверен, что, в случае приближения ночью неприятельского разъезда или маленького отряда, перепуганные батальоны опять бросятся бежать врассыпную, что, при преследовании со стороны турок, может иметь последствием не

только страшный беспорядок, но и большие потери. Поэтому, как только стемнело, я вместе с пехотой отступил на Прециловац.

В Прециловаце встретили меня присланные Черняевым офицеры, которые передали мне Таковский крест при письме Черняева, в котором он меня убедительно просил, с свежими войсками, которые сейчас мне будут даны, опять занять мою позицию в продолжении ночи <...>. Тут же ожидал меня присланный Черняевым экипаж; я сел в него и приехал в Алексинац. Явившись к Черняеву, я сказал ему, что не могу принять крест за дело, в котором мои войска разбежались, что же касается до занятия высот, то, хотя я двое суток уже не спал, но если он желает и не имеет кому поручить, то я приму это дело на себя. Затем, выпив стакан чаю, я тотчас, не отдыхая, отправился на сборное место; это было 2 часа ночи.

Пребыв в Предмостное укрепление, я нашел там, из всего назначенного мне отряда, только 2 батальона стоячего войска! С ними двинулся я вперед, послав приказание 4-м батальонам Белградской бригады и кавалерии, и артиллерии поскорее следовать за мной. В Жидковцах, в двух верстах от позиции, застал я батарею и никого больше. Что было делать: ожидать прибытия моих главных сил? Но до рассвета оставалось едва пол-часа, а там мы будем открыты, и придется брать высоты под сильнейшим огнем неприятеля. Или же двигаться вперед с имеющимися у меня войсками, чтобы постараться овладеть позицией еще в темноте? На последнее я решился и, оставив две роты для прикрытия артиллерии и обоза, с остальными 6 ротами двинулся к высотам. Подойдя к ним, я направил майора Кузьминского с тремя ротами налево, для занятия авангардной позиции, а сам с тремя ротами отправился на главную позицию; движение увенчалось полным успехом, — и обе высоты заняты нами без выстрела; причина такой удачи заключалась в том, что турки ночью не делают никаких движений. Едва только майор Кузьминский утвердился на авангардной горе, как показались турки: они шли занимать эту гору, покинутую нами накануне, нисколько не подозревая, что мы уже вернулись, — так что, опоздай мы на пол-часа, она была бы уже занята ими; увидев, что мы их предупредили, они тотчас поворотили назад и быстро отступили к своим главным силам. Через час ко мне подошла артиллерия, а за ней и 4 Белградских батальона; один из них я отправил на подкрепление майора Кузьминского, которого, как накануне, назначил начальником авангарда, а остальные поставил в резерве на главной позиции; на ней же в 2 яруса расположил я свою артиллерию, состоявшую из 8 полевых и 4-х тяжелых 12-фунтовых орудий, и, быстро (под наблюдением русского инженер-подполковника Клименка*) набросав маленький бруствер перед орудиями, стал ожидать нападения турок на этой позиции.

---

* Клименко Константин Васильевич — русский доброволец, инженер-подполковник, строитель всех важнейших оборонительных позиций армии М. Г. Черняева.

Турки, действительно, не замедлили явиться, но, встреченные сильным ружейным огнем нашего авангарда, остановились и ограничились перестрелкой; подкрепив майора Кузьминского еще одним Белградским батальоном и вытребованными из Алексинаца 4-мя легкими орудиями, я приказал ему поддержать своей артиллерией начинавшееся наступление центра армии. Тем временем, центр под командой майора Караджича перешел в наступление: входящая в состав его Смедеревская бригада быстро заняла лесок и, поддерживаемая артиллерией моего авангарда, заняла другой, но не могла удержаться в нем; подоспевшие турецкие резервы вытеснили ее оттуда и скоро обратили в бегство; к 3-м часам весь центр в беспорядке был отброшен за Жидковац, в котором осталось лишь немного пехоты с несколькими орудиями, и прямое сообщение мое с Алексинацем прервано турецкой артиллерией; левый же фланг моего авангарда обнажен на расстоянии около 2-х верст.

Покончив, таким образом, с центром, турки направили все усилия на нас; но авангард мой из 3 батальонов при 4 орудиях под командой храброго майора Кузьминского <...> молодецки отбил их атаки, поддержанные огнем турецких батарей, и удержался на своей позиции.

Как только стало ясно, что центр наш окончательно отброшен, я отправил к Г. Черняеву в Алексинац офицера с рапортом, в котором я просил его тотчас уведомить меня, намерен ли он и может ли тотчас опять перейти в наступление в центре, так как я надеюсь удержаться на своей позиции до вечера; если же он этого не сделает, то, с наступлением ночи, я должен буду отступить, ибо фланг мой обойден, и в случае наступления значительных турецких сил, я могу быть окончательно отрезан.

Не получив никакого ответа на мой рапорт, я, спустя некоторое время, отправил к нему другого, а затем и 3-го посланного, но никакого ответа не получил. Между тем дело склонялось к вечеру, и мне необходимо было принять какой-нибудь решение. Имея в виду, а) что еще в понедельник и вторник я получил от Г. Черняева два письменных приказания отступить, на которые я ему ответил, что военная честь требует, чтобы не уступать этой позиции без боя; б) что мои войска уже выдержали с тех пор уже два боя на этой позиции; в) что наше положение с тех пор изменилось, так как центр армии отброшен и мой левый фланг обойден; г) что, наконец, на мое последнее представление Черняеву (накануне) о необходимости для меня принять бой на этой позиции прежде, чем отступить, Черняев предоставил мне поступить, как я считаю лучше, но только соблюдая благоразумие, я счел себя не только в праве, но и обязанным, не дожидаясь, чтобы неприятель меня отрезал, отступить. С этой целью, около 7 часов я отправил майору Кузьминскому приказание медленно отходить к моей позиции.

Получив это приказание, майор Кузьминский начал понемногу отступать. Как только турки заметили это, они начали густыми массами горячо наседавать на арьерганд, но храбрый регулярный батальон, поддерживаемый двумя батальонами Белградской милиции, тихо, в поряд-

ке, продолжил отступление, удерживая турок в почтительном расстоянии сильным ружейным огнем (4 легкие орудия, расстрелявшие все свои заряды — 418 — были еще в 2 часа пополудни отосланы мною обратно в Алексинац). Когда арьергард дошел до последнего уступа, в 1000 шагов от батареи, то, желая проучить наседавших на него турок, я двинул ему в помощь 2 роты другого регулярного батальона, который под звуки «атаки» стал подниматься на противоположную (авангардную) гору. Услышав это, отступавший авангард вдруг быстро повернул кругом, двинулся опять вперед, ударил на турок в штыки и, поддержанный прибывшими ротами, погнал перед собой наседавшего неприятеля через всю гору до самых его шанцев и на плечах его ворвался даже в один из его шанцев и овладел им. Наказав, таким образом, нахального неприятеля, он медленно отошел, уже слабо преследуемый испуганными турками, которые, дойдя до края горы, лежащей против нашей батареи, не решились спуститься и, прекратив преследование, отступили в темноте к своим шанцам.

Пока все это происходило, я снял по частям находившуюся на батарее артиллерию и направил ее, под прикрытием пехоты, в дер. Прециловац, сам же, с полуэскадром кавалерии и выдвинутым из центра Шабакким батальоном, остался прикрывать отступление; предосторожность эта оказалась, впрочем, лишней, так как турки, как сказано выше, не решились даже спуститься с горы и, прекратив преследование, отступили к своим шанцам, при громких победных криках собравшегося ко мне арьергарда. К сожалению, мы понесли в этом деле чувствительные потери <...>. Было уже темно (9-й час). В то время, как я отдавал последние распоряжения об отступлении оставшихся еще на позиции войск, явился ко мне, наконец, ординарец Г. Черняева с приказанием «занять опять позицию и держаться на ней во что бы то ни стало». Я отвечал ординарцу, что теперь уже поздно, что 4-5 часов я ожидал приказа, а теперь уже большая часть моего отряда отступила на Прециловац; затем, распорядившись отступлением остальных, я отправился в Алексинац, чтобы объясняться об этом с Г. Черняевым.

Вместо благодарности за одержанный блестящий успех и за удержание моей позиции до ночи после бегства всего центра, я был встречен упреками и неприятностями со стороны Черняева и его начальника штаба — интригана Комарова (в руках которого Черняев находится). Несмотря на страшную усталость, я согласился сделать еще раз ночное нападение на турок в совокупности с капитаном Велимировичем, который должен был напасть на турок с тыла, но, по причине позднего времени, недостатка патронов и пр., ночная атака эта не состоялась, а на другое утро начальником правого фланга назначен, на место меня, по интригам Комарова, майор Попович, я же прикомандирован к Главному штабу, чтобы в толпе прапорщиков скакать за Черняевым. Уже более недели длится такое положение, и теперь мне стало вполне ясно, что мне не хотят давать никакого командования, ни случая отличиться, чтобы вывести меня, наконец, из терпения и заставить покинуть край, где мое присутствие Черняеву

и Комарову почему-то неприятно, но они этого пока не высказывают. Дней пять тому я обратился к Черняеву с вопросом, имеет ли он для меня здесь еще какое-нибудь дело, или нет? На это Черняев, возвысив голос, закричал на меня (это было днем, когда он был свободен от занятий): «Как смею я обращаться к нему? (!) Разве я не знаю громадного расстояния, отделяющего полковника от главнокомандующего?». На это я спросил Черняева, — к кому же обратиться, когда кроме его и Комарова я не имею никаких начальников. Затем Черняев продолжал: «Что же касается до отъезда, то никто не имеет права уезжать из армии до окончания войны». — «На этот счет я принял свои предосторожности», — отвечал я, «и у меня в руках подписанное военным министром Сербии разрешение оставить службу во всякое время; только пока я им не пользуюсь». «Плывать я хочу на военного министра», — отвечал Черняев, «и если вы или подполковник Клименко вздумаете ехать, то я велю вас арестовать». С тех пор представлялось несколько случаев дать мне поручение, но меня обходят: так, не далее, как сегодня, я просил назначить меня начальником отряда, имеющего двинуться вечером в обход неприятельского левого фланга, и получил в ответ, что так как местность гориста, то общего начальника не нужно (!), а два часа спустя назначили начальником капитана Гербера! Если такое положение не прекратится, то через несколько дней я подам в отставку и уеду в Россию, так как я приехал сюда с целью служить Сербскому делу, а не для того, чтобы оставаться в бездействии и выносить оскорбления от Черняева. В заключение я скажу следующее: война ведется без плана и без всякого порядка; мы не имеем разездов и не знаем, где неприятель и сколько его, пока не сойдемся с ним. Сербские офицеры негодуют на такой образ действия и говорят, что, если его еще терпят, то только из опасения оскорбить национальное чувство русских, но что войско гибнет без пользы, а страна разоряется. Общее раздражение еще увеличилось после того, как оскорбленный Черняевым публично талантливый капитан Велимирович утопился. Чем все это кончится?

Опубликовано. Архив Раевских. Том V. Страницы 623-637.

XIII. Телеграмма М. Г. Черняева А. М. Раевской*

[20-21-го августа 1876 г. Алексинац].
Одесса, госпоже Раевской.

Славная смерть Вашего сына причинила мне глубокую боль: это был друг, на чью помощь я всегда мог рассчитывать в тех трудных обстоятельствах, в которых я нахожусь. Едва лишь приехав, он потребовал отдель-

* Печатается по копии (Примечание Б. Л. Модзалевского).

ного командования; я ему поручил линии правого фланга, которые он оборонял в течение двух дней с большим мужеством; за это он был награжден крестом Такова. В битве при Адроваце он защищал эту деревню, где и погиб от пули, попавшей в голову. Его тело погребено в монастыре Святой Роман около нашего расположения в Делиграде. Отправьте Кесякову незамедлительно.

Черняев.

Опубликовано (на французском языке): Архив Раевских. Том V. Страница 650.

Перевод Ю. А. Пузырей.

XIV. Телеграмма К. И. Кесякова М. Н. Раевскому

[22-го августа 1876 г.].

В ночь 21 августа князь Милан получил донесение Черняева о том, что Ваш брат убит около Алексинаца. Что касается меня, я приложу все усилия к тому, чтобы тело Вашего брата было отправлено в Петербург. Ответ – российскому консулу, Белград.

Кесяков.

Адрес: Петербург, Царское Село, дом Павлова, улица Колпинская, полковнику Михаилу Раевскому <...>.

Опубликовано (на французском языке): Архив Раевских. Том V. Страница 651.

Перевод Ю. А. Пузырей.

XV. Телеграмма Стевана Лукича Йовану Ристичу

29 августа 1876 г. Делиград.

Г. Министру иностранных дел. Белград.

Здесь подполковник Кесяков. Он ожидает прибытия заказанного в Белграде свинцового гроба, в котором затем и доставит туда тело полковника Раевского.

*Официально. Начальник Округа
Стеван Лукич.*

Оригинал (на сербском языке). Архив Српске Академије Наука и Уметности (далее – АСАНУ). Фонд Јована Ристића. Инвентарни број 32/366. Сигнатура XXXII/12.

Перевод А. Л. Шемякина.

XVI. Телеграмма А. М. Раевской Йовану Ристичу

11 сентября 1876 г.
Яссы. Железнодорожный вокзал.
Господину министру Ристичу
для Кесякова. Белград.

Покидаю Яссы, прибуду в Белград, возможно, в среду^{*}. Страстно желаю видеть поле сражения у Адроваца и говорить с Черняевым. Умоляю, не чините препятствий.

Анна Раевская

Оригинал (на французском языке). АСАНУ. Фонд Јована Ристића. Инвентарни број 32/376. Сигнатура XXXII/12.
Перевод Ю. А. Пузырей.

XVII. Телеграмма М. Г. Черняева Йовану Ристичу

31 августа 1876 г. Делиград.
Министру Йовану Ристичу. Белград.

Прошу вас известить госпожу генеральшу Раевскую, что место, где погиб ее храбрый сын, захвачено турками. Мы ведем с ними постоянные бои и находимся в зоне действия их ружейно-артиллерийского огня. Поэтому я прошу вас повлиять, насколько это возможно, чтобы госпожа Раевская зря сюда не ехала.

Черняев.

Оригинал (на сербском языке). АСАНУ. Фонд Јована Ристића. Инвентарни број 32/367. Сигнатура XXXII/12.
Перевод А. Л. Шемякина.

XVIII. Телеграмма К. И. Кесякова Йовану Ристичу

31 августа 1876 г. Делиград.
Министру Йовану Ристичу. Белград.

Прошу вас, пожалуйста, сообщите госпоже генеральше Раевской, что место, где пал ее благородный сын, занято турками. Мы находимся в зоне

* Дата в телеграмме приведена по новому стилю. По старому – она соответствует 30 августа.

** То есть 1/13 сентября.

действия их ружейно-артиллерийского огня. Поэтому я прошу вас передать госпоже Раевской мою просьбу не приезжать сюда, ибо в этом нет никакого смысла. Я привезу его тело на этих днях

Кесяков.

Оригинал (на сербском языке). АСАНУ. Фонд Јована Ристића. Инвентарни број 32/368. Сигнатура XXXII/12.

Перевод А. Л. Шемякина.

XIX. Письмо С. Н. Раевской* М. Н. Раевскому

31 августа 1876. [Одесса].

Мой дорогой Михаил.

Я разминулась с Вашей матушкой на 24 часа. Мне говорят, что ее отчаяние, ее нервное возбуждение ужасны с тех пор, как она переносит все свои мысли на моего дорогого Николая. Я не могла бы ее удержать — да и оставаться на месте, я полагаю, свело бы ее с ума: ей необходимы усталость, движение; к несчастью, характер проявляется даже здесь. Она хочет похоронить его в Красном^{**}, где она ни разу не посетила могилу своего мужа, куда она никогда не отвозила и не отправляла своих сыновей. Все то, что касается Раевских, будет согласно Вашему мнению, но было бы хорошо упокоить его около его деда^{***} и перевезти туда также останки Вашего отца^{****} — другого моего дорогого Николая. Когда же Вы наконец сможете присоединиться к Вашей несчастной матери? Ее здоровье ужасно расшатано, и я опасюсь за последствия. Для всего происходящего она пребывает в полном присутствии духа, но как только дело касается ее сына, — она теряет голову.

Кто лучше Вас сможет понять мою печаль, мои сожаления! Именно сейчас Вы должны чувствовать, что Вы любили Вашего брата.

Опубликовано (на французском языке): Архив Раевских. Том V. Страницы 656-657.

Перевод Ю. А. Пузырей.

---

* Раевская Софья Николаевна (1806-1883) — дочь Н. Н. Раевского 1-го, тетка М. Н. Раевского.

** Написано по-русски во французском оригинале. Имеется в виду слобода Красненская, где умер и был погребен его отец — Николай Николаевич Раевский 2-й.

*** Т. е. в Еразмовке, как в конечном итоге и произошло.

**** Этого не было сделано. Прах Н. Н. Раевского 2-го так и остался в Красненской.

XX. Записка Любомира Йовановича^{*} А. М. Раевской

17-го сентября 1876 г.^{**} Белград.

Уважаемая госп^бжа.

Следуя Вашему желанию, я постарался собрать подробности, касающиеся гибели Вашего возлюбленного сына, полковника Николая Раевского, память о котором навсегда запечатлена во всех сербских сердцах, ради которых благородный полковник пролил свою драгоценную кровь. Эти подробности я имею честь передать Вам в виде копии письма капитана Косты Шамановича, который имел большую честь сражаться подле полковника.

С наи^глубочайшим почтением,
Ваш преданный слуга
Л. Йованович, полковник.

17 сентября 1876. Белград.

Дорогой дядя.

Вы хотите, чтобы я описал Вам сражение, во время которого погиб доблестный полковник Раевский.

20 августа шли тяжелые бои на левом берегу Моравы. Наш фронт растянулся от предмостной позиции до реки Турии.

Турки начали сражение в 7 часов 30 минут утра, атаковав наше правое крыло, которое было очень слабым, — но наши войска бились отчаянно. Наконец, сокрушенные силами противника, вдесятеро превосходившими их по численности, они вынуждены были отступить к деревне Горни Адровац, куда немного позже прибыл и я с двумя орудиями моей батареи. В то же самое время в действие вступила Рудницкая бригада. Сражение в этой точке длилось недолго, и вот, наша пехота начала отходить. И тут я заметил, как подъехал полковник Раевский, браня *Старешине*^{***} за то, что солдаты отступают, и приказал трубачам дать сигнал к наступлению; сам он тоже тем временем продвигался вперед. Увлеченные его примером, мы — офицеры Рудницкой бригады и я — помогаем ему, и вот, войска начинают продвигаться вперед и снова занимают ранее оставленные позиции. Но,

^{*} Йованович Любомир — помощник военного министра Сербии Тихомиля Николыча, полковник.

^{**} Дата в письме указана по новому стилю. По старому — она соответствует 5 сентября.

^{***} Слово написано по-сербски во французском оригинале. Старешине (сербск.) — старейшины; здесь — начальники

видя, что пехотинцы не могут защищаться в одиночку, я приказываю двум легким пушкам также выдвинуться вперед — вплоть до линии пехоты — и открыть оттуда беглый огонь. Турки в замешательстве остановились. Полковник Раевский подъезжает к батарее, спешивается, приближается ко мне и, похлопав меня по плечу, поздравляет с рискованным, но в то же время спасительным решением. После этого он объезжает линию пехоты, справа и слева от двух моих пушек, ободряя бойцов и указывая им в качестве примера на артиллеристов.

Оба мои орудия стояли совершенно без прикрытия. Турецкие пули сыпались вокруг нас градом. Полковник Раевский находился на батарее. Турки выкатили пушку и начали нас обстреливать.

Видя опасность, которой подвергался полковник, чья жизнь была нам очень дорога, поскольку он был душой наших войск, я попросил его отступить в земляное укрытие, в двадцати шагах от батареи, пообещав информировать обо всех этапах боя.

Там, где мы располагались, боевые действия начались в два часа пополудни. Полковник Раевский неоднократно объезжал линию фронта, наблюдая за сражением. Около 4 часов, сделав очередной круг на моей батарее, он поехал осмотреть позиции пехоты. Воротившись, он слез с коня в том месте, где можно было укрыться от огня, чтобы написать рапорт генералу. Несколько минут спустя, обернувшись, я вижу возле себя полковника, наблюдающего за сражением с блокнотом в одной руке и карандашом — в другой. Я ненадолго удаляюсь, чтобы отдать приказание об изменении направления стрельбы, и, вернувшись с отчетом, вдруг вижу, как полковник падает, сжимая голову руками. Я подбегаю и пытаюсь поднять его, — но бедный полковник отдает Богу свою благородную душу, не успев вымолвить ни единого слова. Пуля попала ему в голову и прошла навывлет. Мы вдвоем, мой «водник»* Антоние Станоевич и я, вынесли его за батарею. По моей просьбе господин поручик Михаил Богданович выделил шестерых человек, которые перенесли благородное тело к складу боеприпасов, где оно было в полной безопасности. Известив Его Превосходительство генерала о гибели полковника, я велел доставить его к доктору Адану. Найденные при нем вещи я передал в Главный штаб.

*Подпись: Коста Шаманович,
капитан артиллерии.*

Опубликовано (на французском языке): Архив Раевских. Том. V. Страницы 667-669.

Перевод Ю. А. Пузырей.

---

* Слово написано по-сербски во французском оригинале. Водник (сербск.) — командир взвода.

XXI. Письмо А. М. Раевской Е. Н. Орловой*

4-го октября 1876 г. Одесса.

Дорогая и добрая сестра.

Я подумала, что Вы, должно быть, очень страдаете, узнав о том страшном ударе, который поразил меня. Это создание, столь полное жизни, полное рвения и самоотверженности ради блага своей страны и всего человечества, было призвано из этого мира в момент, когда, после многочисленных и тягостных разочарований, он наконец добился успеха, и это — защищая дело, которое в течение стольких лет было предметом его постоянной заботы. Самая горькая грань моей боли — это мое убеждение в том, что мой дорогой сын Николай покинул эту жизнь, не успев порадоваться успехам своих усилий, не закончив того дела, которое так хорошо начал, не получив подтверждений той общей симпатии, предметом которой стала теперь его память, и наконец — не увидев, что его заслуги и его большое сердце справедливо оценены по достоинству великим множеством здравомыслящих людей.

Я нахожусь в Одессе третий день и хочу дождаться здесь возвращения Кесякова из Константинополя, чтобы поехать в Карасан. Софья** и Михаил*** предоставят Вам, без сомнения, подробности моего пребывания в Белграде и в Болтышке и расскажут о людях, которых я вижу в Одессе.

Мне доставило большое удовольствие видеть здесь Вашего сына****, и я очень признательна ему за все хлопоты, которые он предпринял для того, чтобы помочь нам (Михаилу и мне) в печальных приготовлениях к церемонии, и еще даже более — за сердечные свидетельства памяти, которые он выразил моему дорогому усопшему. Повторите ему, моя дорогая сестра, слова моей самой искренней благодарности <...>.

*Ваша любящая сестра
Анна Раевская.*

Опубликовано (на французском языке): Архив Раевских. Том V. Страницы 670-671.

Перевод Ю. А. Пузырей.

* Орлова (Раевская) Екатерина Николаевна (1797-1885) — старшая дочь Н. Н. Раевского 1-го и жена декабриста Михаила Федоровича Орлова.

** Раевская Софья Николаевна.

*** Раевский Михаил Николаевич.

**** Орлов Николай Михайлович.

XXII. Донесение капитана Косты Шамановича военному министру, полковнику Саве Груичу

Господину военному министру.
13 августа 1887 г., Чуприя.

Согласно письму военного министра от 30 июня сего года, 4 августа я выехал по железной дороге в Алексинац и в тот же день прибыл на место. Здесь я встретился с капитаном Светозаром Трифунцем и начальником Округа Велимиром Тодоровичем. Я сообщил им причину, по которой министр послал меня в Алексинац и обратился к г. начальнику с просьбой предоставить в мое распоряжение подинженера Иосифа Бузина, поскольку окружной инженер в тот период отсутствовал.

На следующий день, 5 августа, совместно с капитаном Трифунцем и г. Бузином, я обошел поле сражения, находящееся выше села Горни Адровка, т. е. те позиции, на которых действовала моя батарея 20 августа 1876 г., а затем нашел и самое место, где упал русский полковник Николай Раевский, когда неприятельская пуля поразила его в голову. Сориентировавшись, таким образом, и договорившись с капитаном Трифунцем, мы попросили г. подинженера снять план местности <...>.

Земля эта принадлежит Новаку Стефановичу, крестьянину из Горнего Адровка. Я вызвал его и, объяснив все значение этого места, поручил сделать ограждение вокруг него <...>. Чтобы ограда была как можно прочнее, а само это место приобрело большее значение в глазах местных и проходящих крестьян, и чтобы кто-то, не ведая о чем идет речь, случайно не повредил памятный знак, мы с капитаном Трифунцем решили, что ограждение следует делать в виде квадрата со сторонами в 5 метров (и соответственно площадью в 25 кв. метров), вкопав по углам четыре столба. По сторонам квадрата надо было вкопать на глубину 0,5 метра восемь столбов потоньше, которые бы возвышались над землей на 1,2 метра. В них же вырезать пазы, а затем вставить и прибить гвоздями четыре ряда досок. На самом месте гибели, внутри ограды, возвести каменный крест с надписью на восточной стороне: «Русский полковник Николай Раевский погиб на этом месте в бою с турками 20 августа 1876 года».

Крест по моему заказу был изготовлен в городе Алексинац из твердого камня, на нем вырезана и вызолочена указанная надпись. Все работы я завершил к 11 августа и в тот же день возвратился в свой гарнизон в Чуприю. Перед своим отъездом я обратился к властям Алексинацкого округа с особым письмом, в котором настоятельно просил их обратить внимание на сохранность памятного знака с тем, чтобы дети или пастухи, вследствие неразумения или случайно, не повредили его. Начальник округа сразу же отдал нужное распоряжение местным властям.

*Исполняющий должность командира
II дивизиона Шумадийского Артиллерийского полка,
капитан Коста Шаманович.*

Оригинал (на сербском языке). Отдел рукописей Института Русской Литературы Российской Академии Наук – Пушкинского Дома (далее – ОР ИРЛИ). Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Листы 51-51 оборот.

Перевод А. Л. Шемякина.

XXIII. Письмо королевы Наталии Обренович М. Н. Раевскому

Баден, 22 августа 1887 г.

Уважаемый господин.

Сразу же по возвращении в Белград я поспешила разыскать офицеров, которые были подле Вашего брата в момент его славной гибели, и, благодаря помощи военного министра господина Савы Груича, я смогла сдержать обещание, которое давала Вам, и обозначить место, где полковник Раевский пал жертвой своей преданности делу славы.

Поверьте, что для меня было истинной радостью исполнить благой долг и что воспоминание о пострадавших за наше святое дело навсегда останется запечатленным в моем сердце, как бы злые люди не пытались его стереть.

Примите уверения, уважаемый господин, в моем глубочайшем почтении,
Наталия.

Топографический план и фотография местоположения будут Вам высланы через несколько дней – они были выполнены плохо, и я велела их переделать.

Оригинал (на французском языке). ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 582. Листы 1-2.

Перевод Ю. А. Пузырей.

XXIV. Письмо М. Михайловича М. Г. Раевской

С.-Петербург, 20 октября 1887 г.

Ваше Высокопревосходительство.

Получив на днях от адъютанта Ее Величества Королевы Сербской план местности, где погиб полковник Раевский в Сербско-турецкую войну 1876 г., с приказанием послать оный Вашему Высокопревосходительству, спешу исполнить эту приятную себе обязанность и прошу принять вместе с тем уверение в искреннем уважении и совершенной преданности.

*Поверенный в делах
Сербского Королевского Посольства
в С. -Петербурге Мил. Михайлович.*

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Лист 57.

XXV. Письмо М. Г. Раевской Н. Н. Мейеру

Ницца, 1 ноября 1901 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Кузьмин мне пишет, что Вы около этого времени вернетесь в С. -Петербург. Могу ли я Вас просить заняться приведением в исполнение дела сербской церкви, так как я задержана здесь на некоторое время? Деньги на уплату купленной земли в Адроваце Кузьмин передал министру сербскому*. Теперь надо начать постройку, так как план одобрен, но не возвращен, вероятно остался там <...>.

Желательно также, чтобы часть всей суммы осталась капиталом по окончании постройки на содержание церкви <...>. Церковь надо непременно окончить к 20 августа 1902 г. – поэтому терять времени нельзя и ждать мое возвращение не надо.

Меня тянет домой, но из-за Ирины** остаюсь покуда еще здесь. Праздничная жизнь здесь мне в тягость – и без дела, и без сыновей скучно и грустно <...>.

М. Раевская.

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Листы 10-11.

XXVI. Расписка С. Новаковича в получении денег от М. Г. Раевской.

С.-Петербург, 15 января 1902 г.

Квитанция.

Получил для пересылки Его Преосвященству епископу Нишскому господину Никанору от Ее Сиятельства Марии Раевской переводной чек в сумме 60. 000 frs. на Сербский Государственный Банк, для постройки церкви в деревне Г. Адроваце, округа Нишского.

*Посланник Сербии
Ст. И. Новакович.*

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Лист 18.

* Имеется в виду – сербскому посланнику в Петербурге Стояну Новаковичу.

** Раевская Ирина Михайловна (1892-1955) – младшая дочь М. Н. и М. Г. Раевских.

XXVII. Воспоминания Косты Шамановича

5 марта 1902 г., Белград.

Шла наша первая война с турками. В день 20 августа 1876 года, на поле боя у высоты Перчиловица уже с утра начались боевые действия. Турки всей своей мощью атаковали наши позиции – сначала правый фланг, а позднее и всю нашу (...) на тех позициях. По причине численного превосходства турецкой армии наши войска были вынуждены отступить.

Когда с батареей Пожаревацкой бригады около двух часов пополудни я занимал позицию выше села Горни Адровац, то увидел здесь полковника Николая Раевского, который, с остальными офицерами и народными старейшинами, приводил в порядок пехоту Рудницкой бригады, находившуюся в явном расстройстве. Собрав всех трубачей и барабанщиков, полковник Раевский приказал им играть сигнал на штурм – под его руководством войска снова вступили в борьбу, заняв окраину поля и опушку небольшой рощи. На самом же поле, в линии стрелковой цепи располагалась отличная позиция для батареи. В желании содействовать нашей пехоте я рискнул и поспешил ее занять, а затем начал обстреливать наступающих турок. Едва я открыл огонь, командир взвода моей батареи доложил мне, что меня ищет полковник Раевский. Но в этот момент сам господин полковник подъехал ко мне. Я отрапортовал ему, а он, похлопав меня по плечу, похвалил за то, что я так близко расположил свою батарею.

Слезши с коня и передав его моим ездовым, он находился на батарее все время, пока не был убит. Он лично командовал нашим правым крылом и, наряду с отдаванием приказаний, оценивал расположение турецких и наших войск. Затем он спросил меня – сколько еще нужно орудий, чтобы защитить эту позицию. Я отвечал ему, что, кроме моей, необходимы еще две полевые батареи. Потом он наблюдал за ходом боя и что-то записывал.

Около четырех часов я находился на правом фланге батареи, руководя оттуда ее огнем. В это время командир взвода Антоние Станоевич обратился ко мне со словами: «Господин поручик, полковник Раевский погиб», показывая при том рукой, где он упал – это было между первым и вторым орудиями. Я тут же подбежал к нему и нашел его сидящим на земле и обхватившим голову двумя руками. Карандаш и записная книжка выпали из рук и лежали рядом. Я схватил его обеими руками под мышки, спрашивая, что случилось. Как только я начал его поднимать, чтобы увидеть, куда он ранен, руки его опустились – он только открыл рот, словно хотел вздохнуть поглубже, и испустил дух на моих глазах. Держа его под мышки и видя, что он уже умер, я позвал взводного Станоевича <...>, и мы вместе с ним вынесли его из-под огня и положили позади орудий.

* Отточие в круглых скобках означает неразборчиво написанное слово. Здесь по смыслу должно быть – армию или линию.

Затем я дал команду, чтобы в моем присутствии тело Раевского было передано санитарам. Они же и отнесли его в тыл, на перевязочный пункт, что находился рядом с церковью Святой Петки.

Все снаряжение покойного полковника, вместе с его личными вещами <...>, я переписал и со списком и официальным актом передал в штаб генерала Черняева — под расписку г. Хлудову*. Полковник Раевский погиб от ружейной пули, которая поразила его в голову навывлет, чуть выше виска. О его смерти я сразу же, т. е. еще во время боя, сообщил рапортом генералу Черняеву.

Позднее, уже в начале августа 1887 г., по поручению Ее Величества королевы Наталии, тогдашний военный министр, полковник Сава Груич направил меня в Горни Адровац, и там я нашел позицию, где располагалась моя батарея, а затем и самое место, где упал и испустил дух покойный Н. Раевский. Это место я огородил деревянными столбами и обшил досками в виде квадрата, а в центре огороженного участка поставил каменный крест с надписью: «Русский полковник Николай Раевский погиб в бою с турками на этом месте 20 августа 1876 года».

Этот небольшой временный памятник я передал под охрану властям общины и уезда, а обо всем, мною сделанном, написал рапорт военному министру. Все расходы по сооружению памятника взяла на себя Ее Величество королева Наталия.

Эти воспоминания я написал собственноручно для передачи поручику Михаилу Михайловичу Раевскому** и капитану Николаю Сергеевичу Плаутину***.

*С особенным уважением,
Константин Шаманович.
Почетный майор артиллерии на пенсии.*

Оригинал (на сербском языке). ОР ИРЛИ. Фонд 253. Описание 1. Дело 620. Листы 84-85 оборот.

Перевод А. Л. Шемякина.

XXVIII. Письмо М. Г. Раевской в Российскую Императорскую Миссию в Белграде

Покорнейше прошу Императорскую Российскую Миссию помочь мне в разъяснении следующих вопросов:

---

* Хлудов Михаил Алексеевич — московский купец, ординарец генерала М. Г. Черняева.

** Раевский М. М. (1875-1922) — второй сын М. Н. и М. Г. Раевских.

*** Плаутин Н. С. — муж Марии Михайловны Раевской (Майи).

По желанию покойной моей свекрови и моего покойного мужа я выстроила церковь на месте убийства брата моего мужа Николая Николаевича Раевского. По желанию моей свекрови я на эту постройку ассигновала сумму в 50. 000 р., и через сербского посланника в Петербурге Новаковича поручила наблюдение за постройкой Епископу Нишскому Никанору, который, таким образом, явился единственным моим посредником в этом деле, получая от меня через посольство* деньги, требуемые на постройку по мере надобности.

Очень желала бы знать будущность этой церкви, кто ее примет и в чьем ведении она будет, и кому мне вручить оставшиеся деньги (5. 600 р.) на ее содержание, которые желательно оставить как капитал, принадлежащий церкви. Если министерство сербское их не примет, то Российская Императорская Миссия или Афонский монастырь мог бы их принять с целью сохранять в порядке церковь и производить в ней постоянное служение и молебствия о павшем Николае Николаевиче Раевском <...>.

М. Г. Раевская.

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Листы 82-83 оборот.

XXIX. Письмо Муравьева-Апостола-Коробьина М. Г. Раевской

Императорская Российская Миссия в Сербии.
№ 650. 18 ноября 1903 г. Белград.

Ее Высокородию Марии Григорьевне Раевской,
рожденной княжне Гагариной.

Милостивая государыня
Мария Григорьевна.

Императорская миссия не преминула приложить в свое время все необходимые старания к получению от Нишского Епископа Никанора подробного отчета по постройке храма имени полковника Н. Н. Раевского и дома для священника, во исполнение желания, выраженного в письме Вашем от 7/19 сентября с. г. из г. Веве в Швейцарии <...>.

Что касается управления самой церковью в м. Адровцы, то таковая, находясь в ведении Нишской Епархии, будет считаться приходской, а деньги, предназначаемые на ее поддержку, о которых Вы изволили упоминать в своих письмах, могли бы быть посланы в виде именованного фонда

* Т. е. через Сербскую миссию в Петербурге.

либо в «Сербскую Управу Фондов», либо, в виде вклада на имя Императорской Миссии, в «Сербский Кредитный Банк» <...>.

*Императорский поверенный в делах
Муравьев-Апостол-Коробьин*.*

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Листы 91-91 оборот.

XXX. Письмо Муравьева-Апостола-Коробьина М. Г. Раевской.

Белград, 25 января 1904 г.

Ее Высокородию М. Г. Раевской,
рожденной княжне Гагариной.

Милостивая государыня
Мария Григорьевна.

Императорская Миссия в Белграде имеет честь уведомить, что посланный чек в 15. 000 франков дал на размене сумму в 14. 895 фр." <...>.

Желая дать капиталу сему наиболее обеспеченное и выгодное помещение, Миссия остановила свой выбор на Белградской «Управе Фондов», как на наиболее прочном и верном. В этом учреждении наиболее выгодным помещением денег представилась покупка закладных листов «Управы Фондов», дающих чистых 5 % в год <...>.

Таким образом, основной капитал, за вычетом всех банкирских операций, составляет 14. 400 франков, дающий в год, считая по 5 % прибыли, 720 франков.

Вышеозначенные билеты положены на хранение в железную кассу Императорской Миссии и находятся под наблюдением последней, ежегодно же отрезаемые купоны на сумму 720 фр. золотом будут препровождаться, согласно Вашей, милостивая государыня, воле, на предмет содержания церкви в Адровце и направляться Нишскому Архиепископу через посредство Министерства Духовных Дел <...>.

*Императорский поверенный в делах
Муравьев-Апостол-Коробьин.*

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Листы 99-100.

* На этом письме имеется карандашная помета, сделанная рукой В. С. Кузьмина: «16 декабря 1903 г. отправлено в Белград Муравьеву-Апостолу-Коробьину 15 тысяч фр., как неприкосновенный капитал Адровацкой церкви, с тем, чтобы % с этого капитала выдавались церкви на ее содержание».

** О получении денег от М. Г. Раевской Императорская Миссия уведомила ее письмом от 31 декабря 1903 г.

XXXI. Письмо Светислава Жуевича М. Г. Раевской

Ваша Светлость!

Поступивши по благословию и приказанию Преосвященнейшего Никанора недавно на должность священника при церкви Адровацкой, построенной Вами в знак вечной памяти Вашего незабвенного погибшего родственника, мне предстоит священный долг обратиться прежде всего к Вам с известием о том, что я необыкновенно душевно радуюсь, Ваша Светлость, считаю себя счастливым, что именно мне на долю выпало быть священником при столь же знаменитом, сколько и единственно великолепном храме в нашей небольшой Сербии. Слов нет, в действительности, должность полная почета, доверия и нравственных обязанностей!

Бывши раньше военным священником, а теперь в покое и привыкши уже к одинокой жизни, так как я без семьи (вдовый), питаю надежду в Бога, что мои старания и непрерывная заботливость смогут вполне обеспечить все, что требуется для дальнейшего процветания многоизвестного в нашей стране храма.

Одновременно с этим честь имею довести до Вашего сведения, что Преосвященнейший Владыка несколько дней тому назад донес резолюцию о том, чтобы Адровацкая церковь отселе была приходской церковью. Итак, теперь, весь градетинский приход будет посещать Вашу церковь.

Вообще же здесь у нас, Слава Богу, все хорошо и благоустроено. Двор, местность вокруг церкви, теперь разграничена и ограждена проволокой на столбиках и правильно, симметрически насаждена молодыми деревьями, так что в течение времени у нас тут летом, во время жары, будет замечательно хорошо сидеть и отдыхать в тишине и тени красивых ветвистых деревьев.

Чувствуется, конечно, и недостаток особенно в мебели. Здание хорошее, комнаты также отличные — но все это без приличествующей обстановки и мебели.

При том же забочусь теперь о постройке хорошей конюшни, так как негде помещать лошадей. С одним только неудобством вряд ли смогу справиться. Дело в том, что никак не могу найти здесь у наших свечных продавцов хороших и подходящих свечей для подсвечников, находящихся сверху иконостаса. Даже и заказать нельзя, так как у нас таких свечей, такого фасона совсем нет. Их можно достать только в России. Они вырабатываются вполне по русскому способу и вкусу. И, конечно, придется их там же и заказать.

Наконец, честь имею уведомить Вас, что вчера получил от Преосвященнейшего Никанора посланный Вами воздух с двумя дарками. Искреннейше благодарю за Ваш подарок и старания.

Являясь первый раз Вашей Светлости, как ктиторке Адровацкого храма, и сообщая вкратце все, что будет интересоваться Вас, я смиреннейше прошу позволить мне отселе постоянно сообщать Вам о текущих делах Вашей

церкви. Вместе с тем я осмеливаюсь поздравить Вас и весь Ваш дом с Светлым Праздником Христова Воскресения, с пожеланиями наилучшими.

О здравии Вашей светлости будем постоянно молиться Богу.

Ваш покорнейший слуга

Светислав Жуевич,

военный священник в покое.

23 марта 1904 г., Адровац.

Церковь полковника Раевского.

PS. Адрес* : срез Моравски, округ Нишки,
пошта Прѣиловица.

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Листы 112-114.

XXXII. Доклад Светислава Жуевича епископу Никанору, посланный затем М. Г. Раевской

Ваше Высокородие!

Милостивая Государыня!

Зная отлично о Вашем интересовании о Вашей церкви, Его Преосвященство Епископ Нишский Преосвященнейший Никанор приказал мне доставить Вам отчет мой о состоянии церкви в минувшем году. Если Вам будет угодно, ставьте Ваши замечания. Я готов сделать все, что Вы прикажете и вообще придерживаться Ваших указаний и советов.

В ожидании Ваших замечаний и желаний, честь имею передать Вам поклон и благословение от имени Его Преосвященства господина Никанора.

Ваш покорнейший слуга Светислав Жуевич,

Священник церкви Раевского в Адроваце.

10 февраля 1905 года. Село Горни Адровац.

Преосвященнейший владыко!

Благодаря Вашему вниманию и доверию ко мне, в настоящее время наполняется круглый год моей деятельности и служения при церкви блаженной памяти Раевского, русского полковника, и поэтому честь имею смиреннейше преподнести Вашему Преосвященству отчет о состоянии и преуспевании вверенной мне Вами церкви в Адровце.

I. Церковь

В течение прошлого года на самом храме было сломано ветром и тучей 12 окон. В настоящее время окна эти снова находятся в благополучном

---

* Адрес написан на сербском языке. Срез (сербск.) — уезд, район. Пошта (сербск.) — почта.

виде, с той только разницей, что вместо стекла мною вставлены жестяночные пластинки. Последнее сделано потому, что стекла нужной толщины в ближайших, окрестных городах нигде не нашлось, а ждать же долго на выписку стекол не смел позволить, так как сырость повредила бы дорожную живопись.

Колокол перенесен на свое место, т. е. на церковную колокольню.

II. Церковный дом

Кроме дома и церкви, как уже известно, в первое время не имелось других удобств, нужных для домохозяйства. По этой причине, из средств, имеющихся в этом году в распоряжении, я выстроил: конюшню для четырех лошадей, затем хлев для двух коров, или также двух лошадей, одну мастерскую и один сарай для укладывания разных вещей. Тут же рядом раньше еще построен и курятник, а рядом с конюшней хлев для свиней.

Все эти строения вместе с церковью и домом ограждены особой оградой (столбики с проволокой). Это нужно было также потому, что на сем уединенном месте не очень уж безопасно — требовалось бы постоянно держать ружье в руках. Ограда эта простая (из столбиков) сделана мною при помощи работников.

III. Колодец

В прошлом году единственный колодец, находившийся вблизи церкви, пересох очень скоро, хотя и имел в глубину 13 метров. В течение всего лета не имел ни капли воды, а для заливания деревьев пришлось заливать воду. Настолько сие место безводно! В настоящее время, Слава Богу, снова выкопан колодец другой, на другом месте, от западной стороны дома и возле дороги. Глубина теперь 6 метров. Вода очень хорошая для питья и главное — никогда не пересушивается. Из старого колодца вынесли весь каменный материал и полезно употребили при постройке нового колодца. Таким образом, старый больше не существует.

IV. Деревья

Не считая некоторое пространство пред церковью, оставленное для народа (прихожан), остальное все засажено хорошими фруктовыми деревьями, как именно требуется по всем правилам садоводства, в квадратных ямах. Что касается больших ям, сделанных раньше еще для выделки кирпичей, — они теперь засыпаны. Когда же явится удобное время, постараюсь по возможности, насадить, чтобы на этом месте получился хороший лесочек.

Кроме того, на месте старого колодца, между церковью и домом, приготовлена почва (в длину 12 метров, в ширину 4,5 м.) для засаживания виноградника. Помежду же засаженных уже фруктовых деревьев посеял овес, а на купленной от крестьянина Константина Иоанновича земле

приготовил почву для посева травы для корма лошадей. Земля эта самая, которую Вы раньше осматривали и велели мне купить ее. Как уже видите, я это сделал, плативши 120 динаров. При покупке судом записано мое имя в бумаге и означен владельцем земли. Если Вы прикажете, могу сделать, чтобы это переправилось, и церковь означили покупателем и владельцем.

200 штук фруктовых деревьев, посаженных осенью, и 200 штук других, нефруктовых — подарил народ уезда Алексинацкого церкви Раевского.

Только перевозка этих деревьев стоила, и утрачена из церковной кассы на эту цель небольшая сумма денег. Одновременно честь имею уведомить Ваше Преосвященство, что все постройки сделаны крепко и покрыты кирпичом. Работы эти я предпринял на свою руку, без Вашего ведома и благословения, но все-таки, думаю, что против этого Вы не будете иметь ничего, так как все это так должно было быть.

Наконец, покорнейше прошу Ваше Преосвященство захватить, если будет угодно, при проезде и лично осмотреть все сделанное, или же имейте милость прислать председателя Консистории, который бы Вам мог обо всем написать доклад.

В таком же направлении я и дальше с Божьей помощью и Вашим благословением буду работать, и придется еще много работать над благоустройством и преуспеянием вверенной мне Вами церкви и имения Раевского.

*Целую Святую Вашу Десницу,
Смирнейший раб
Светислав Жуевич
священник.
№ 904.*

*15 декабря 1904 года.
Село Горни Адровац.*

Оригинал. ОР ИРЛИ. Фонд 253. Опись 1. Дело 620. Листы 116-118 оборот.

Николай Николаевич Раевский

Николай
Николаевич
Раевский 2-й

Михаил
Михайлович
Бороздин

Анна Михайловна Раевская
(урожденная Бороздина)

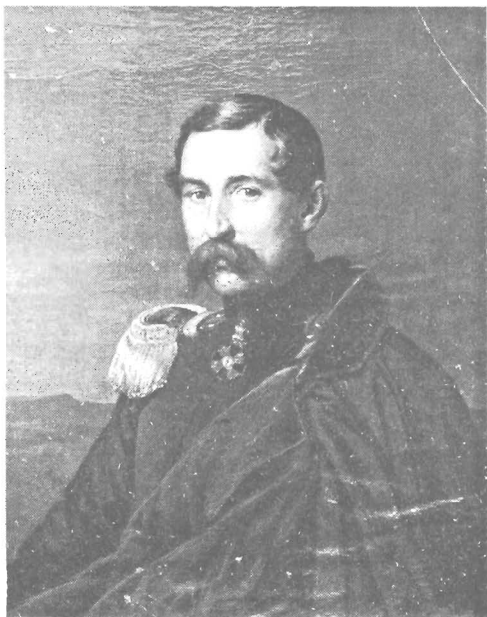
Николай Николаевич Раевский 3-й
(«граф Вронский»)

Михаил Николаевич Раевский

Петр
Михайлович
Раевский

Мария
Григорьевна
Раевская

Владимир
Артемьевич
Раевский

Иван
Артемьевич
Раевский

Иван
Иванович
Раевский

Карасан — крымское имение
Раевских (современный вид)

Капитан Коста
Шаманович

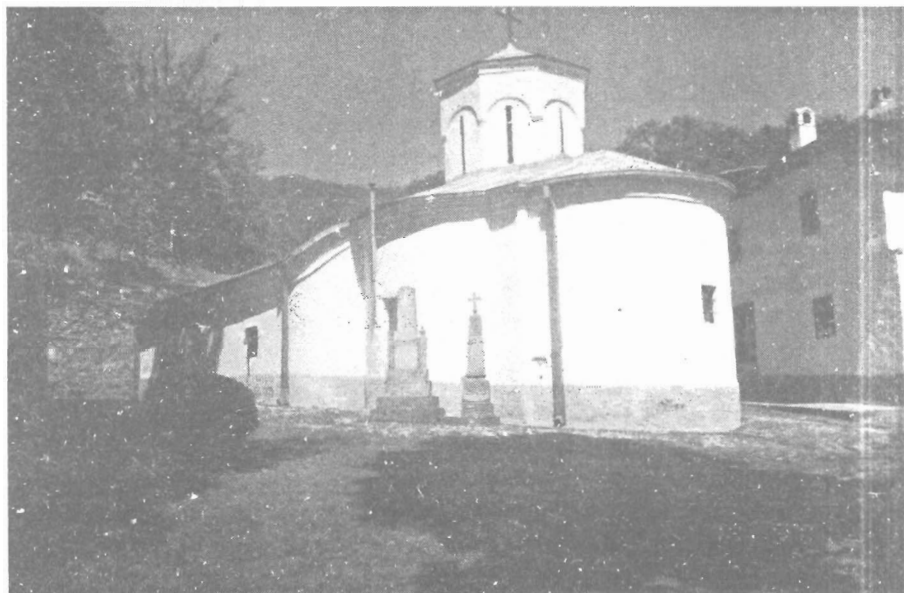

Николай
Васильевич Мейер
(«доктор Вернер»)

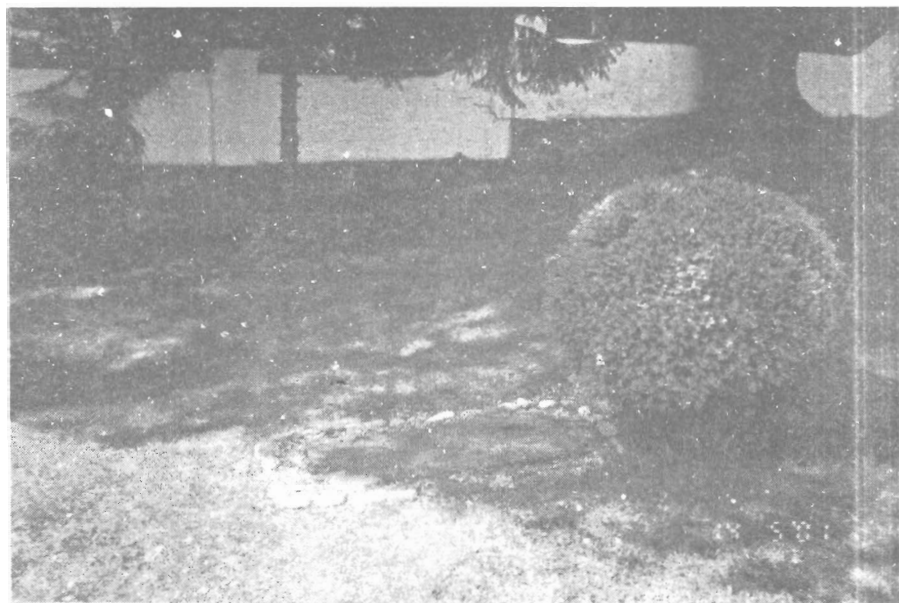
«Ложный Раевский»
(из книги Г. С. Шенкмана)

Монастырь св. Романа (современный вид)

Временная могила Н. Н. Раевского в монастыре св. Романа (современный вид)

Памятный знак на месте гибели Н. Н. Раевского
(старая фотография)

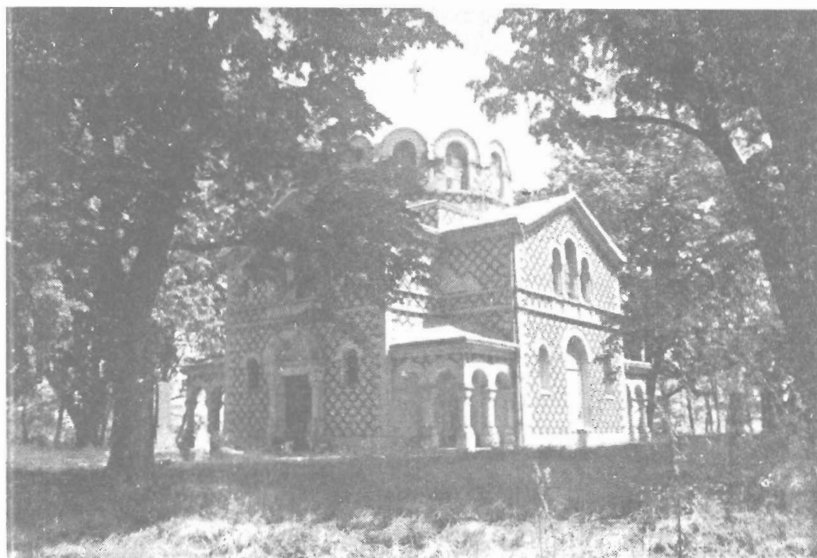

Торжественная закладка церкви Святой Троицы 3 марта 1902 г. На переднем плане, в офицерской форме — племянник Н. Н. Раевского Михаил Михайлович Раевский.

Церковь Святой Троицы в Горнем Адровице, возведенная на месте гибели Н. Н. Раевского (фото начала XX века)

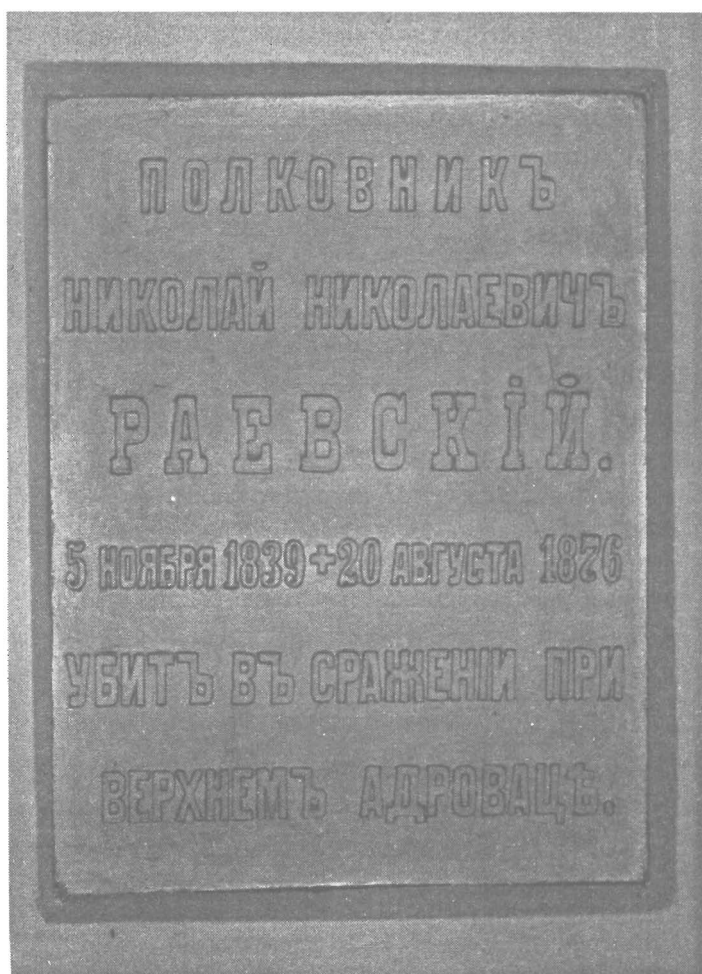

Церковь Святой Троицы (современное фото)

Свято-Крестовоздвиженская церковь в селе Разумовка
(Кировоградская область, Украина)
Семейная усыпальница Раевских

Доска на стене склепа Н. Н. Раевского 3-го.

Оглавление

ВЕРСИИ	14
ПРЕДКИ. СЕМЬЯ. БИОГРАФИЯ	16
ИДЕНТИФИКАЦИЯ: «ХАРАКТЕР, ЖИЗНЬ, НАРУЖНОСТЬ»	28
ИДЕНТИФИКАЦИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ): СУДЬБА	43
УБЕЖДЕНИЯ	55
СЕРБСКАЯ ВОЙНА	70
ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ	88
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ	94
ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	109
ВОЗВРАЩЕНИЕ ВРОНСКОГО	115
ПРИЛОЖЕНИЯ	118
I. Докладная записка Н. Н. Раевского директору Азиатского департамента о необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок	118
II. Из воспоминаний Д. А. Милютина. 1867 г. Дела сербские	120
III. Письмо Н. Н. Раевского Д. А. Милютину	122
IV. Проект организации восстания на Балканском полуострове	123
V. Письмо Н. Н. Раевского М. Г. Черняеву	126
VI. Письмо Н. Н. Раевского А. М. Раевской	127
VII. Письмо А. М. Раевской Н. Н. Раевскому	129
VIII. Письмо Н. Н. Раевского А. М. Раевской	130
IX. Письмо Н. Н. Раевского М. Г. Раевской	131
X. Телеграмма Н. Н. Раевского А. М. Раевской	132
XI. Телеграмма Н. Н. Раевского А. М. Раевской (Черновик)	132

XII.	Письмо Н. Н. Раевского В. С. Семеке (Черновик)	133
XIII.	Телеграмма М. Г. Черняева А. М. Раевской.	140
XIV.	Телеграмма К. И. Кесякова М. Н. Раевскому.	141
XV.	Телеграмма Стевана Лукича Йовану Ристичу.	141
XVI.	Телеграмма А. М. Раевской Йовану Ристичу	142
XVII.	Телеграмма М. Г. Черняева Йовану Ристичу.	142
XVIII.	Телеграмма К. И. Кесякова Йовану Ристичу	142
XIX.	Письмо С. Н. Раевской М. Н. Раевскому	143
XX.	Записка Любомира Йовановича А. М. Раевской	144
XXI.	Письмо А. М. Раевской Е. Н. Орловой	146
XXII.	Донесение капитана Косты Шамановича военному министру, полковнику Саве Груичу	147
XXIII.	Письмо королевы Наталии Обренович М. Н. Раевскому.	148
XXIV.	Письмо М. Михайловича М. Г. Раевской	148
XXV.	Письмо М. Г. Раевской Н. Н. Мейеру	149
XXVI.	Расписка С. Новаковича в получении денег от М. Г. Раевской.	149
XXVII.	Воспоминания Косты Шамановича.	150
XXVIII.	Письмо М. Г. Раевской в Российскую Императорскую Миссию в Белграде	151
XXIX.	Письмо Муравьева-Апостола-Коробьина М. Г. Раевской	152
XXX.	Письмо Муравьева-Апостола-Коробьина М. Г. Раевской.	153
XXXI.	Письмо Светислава Жувича М. Г. Раевской	154
XXXII.	Доклад Светислава Жувича епископу Никанору, посланный затем М. Г. Раевской.	155

Андрей Леонидович Шемякин

СМЕРТЬ ГРАФА ВРОНСКОГО

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки и обработка иллюстраций *И. Н. Граве*
Корректор *И. Е. Иванцова*
Оригинал-макет *Н. В. Макаренко*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru, aletheia@rol.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*
Библио-Глобус, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5.
Тел. (495) 921-58-03

Дом книги «Москва», ул. Тверская, д. 8, стр. 1.
Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55

Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 629-88-21, 504-47-95
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 04.12.2006. Формат 60x88¹/₁₆.
Усл. печ. л. 11. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Лесник-Принт»,
192007, Санкт-Петербург, Лиговский пр., 201 лит. А, пом. 3Н

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЈА» В СЕРИИ
«BIBLIOTHECA SERBICA»

выпустило в свет

Двести лет новой сербской государственности
К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг.
Отв. ред. В. К. Волков

Иеромонах Роман
Там моя Сербия

И. И. Лециловская
Сербский народ и Россия в XVIII в.

Русские о Сербии и сербах
Т. 1: Письма, статьи, мемуары
Составление А. Л. Шемякина;
комментарии А. А. Силкина, А. Л. Шемякина

М. В. Белов
У истоков сербской национальной идеологии
(конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века):
механизмы формирования и специфика развития

А. Ю. Тимофеев
Крест, Кинжал и книга
Старая Сербия в политике Белграда (1878–1912)

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

1. Библио-Глобус, 101990, ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 921-58-03
2. Дом книги «Москва», 125009, ул. Тверская, д. 8, стр. 1.
Тел. (495) 629-66-43, 629-73-55
3. Магазин «Православное слово». Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
4. Издательство и магазин «Ад Маргинем». Тел. (495) 951-93-60.
6. Магазин «Московский книжник», ул. М. Ульяновой, д. 17, к. 2.
Тел. (495) 131-11-38
7. ООО «Паолине», ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
8. Магазин РГГУ «Гуманитарная книга», 125267, Миусская пл., д. 6.
Тел. (495) 973-43-01
9. Магазин «Гнозис». Тел. (495) 247-17-57
10. Магазин «Русское зарубежье», 103375, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
11. Магазин Издательства УРСС, 117312, пр. 60-летия Октября, д. 9
12. Магазин «Музыкальный парк», 109369, Новочеркасский б-р, д. 41, корп. 1
13. Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28
14. Магазин «Фаланстер». Тел. (495) 629-88-21, 504-47-95
15. Сеть магазинов «Букбери». Тел. (495) 240-48-09, 240-48-67
16. Галерея книг «Нина», ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
17. Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
18. «Новое книжное агентство», 103062, ул. Покровка, д. 27, стр. 1.
Тел. (495) 916-28-14

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1. Магазин «Историческая книга», ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
2. «Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ, Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
3. Магазин «Классное чтение», 6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
4. Книжный салон РНБ «Дом Крылова», 191069, ул. Садовая, д. 18.
Тел. (812) 310-44-87
5. «Дом книги», Невский пр., д. 62
6. Магазин «Слово», М. Коюшенная, д. 9. Тел. (812) 571-20-75
7. Издательско-торговый дом «Летний сад», Большой пр. П. С., д. 82.
Тел. (812) 232-21-04, 233-19-62
8. Магазин «Гуманитарная книга», 1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 323-54-95
9. Магазин «Академический проект», ул. Рубинштейна, д. 26. Тел. (812) 764-81-64
10. Магазин «Перемещенные ценности», 2-я линия В. О., д. 27
11. Магазин «Подписные издания», 191104, Литейный пр., д. 57
12. Магазин «Культпросвет», 191040, ул. Пушкинская, д. 10
13. Книжная лавка писателей, Невский пр., д. 66
14. Магазин «Золотой лотос», ул. Пушкинская, д. 9

ЕКАТЕРИНБУРГ

«Дом книги», ул. Антона Валека, д. 12

НИЖНИЙ НОВГОРОД

«Дом книги», ул. Советская, д. 14а

СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»

<http://www.top-kniga.ru> Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36

Николай Николаевич Раевский
(внук героя Бородинского сражения)
погиб в Сербии в бою с турками 20
августа 1876 г. Его участие в первой
Сербо-турецкой войне и героическая
гибель показаны в широком контексте
русского добровольческого движения.
Автор анализирует популярную версию
о том, что именно Н. Раевский послужил
Л. Н. Толстому прототипом образа
Вронского. Сопоставив (в ракурсе новых
данных) судьбы, характеры, наружность
героя романа и реального участника
событий, автор делает вывод об
оправданности данной версии.

